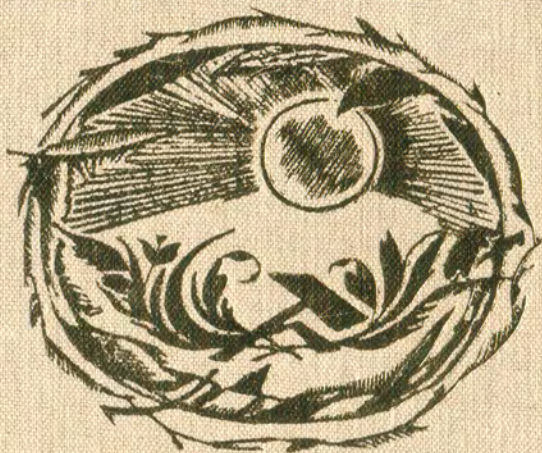

Юрий ПАПОРОВ

ЖИЗНЬ-
ПЛАМЕНЬ

К. Атабаев в период гражданской войны

Юрий ПАПОРОВ
**ЖИЗНЬ-
ПЛАМЕНЬ**

Документальная повесть
о К. Атабаеве

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 66.61(2)8

П17

П $\frac{0902060000-128}{079(02)-88}245-88$

ISBN 5-250-00016-9

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

СТАНОВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Дни жизни даже горькие цени, уйдя,
не возвратятся и они.

Туркменская пословица

Даже меч твой может быть
картонным,
Лишь бы сердце было закаленным.

Народное изречение

1

Думая о нем, человеке исключительной судьбы, который силой убеждения и личных способностей стал первым в ряду выдающихся людей туркменской нации, сделав, как никто другой, бесконечно много для процветания своего народа, я постоянно и неизбежно возвращаюсь к его детству. Оно представляется мне ключом к шифру его бытия, началом некоторых черт его характера, корнями многих его поступков.

Характер складывается и формируется до семи лет, дальше человек получает знания, шлифует их, и корни многого им затем содеянного уходят в тот далекий, казалось бы, полусознательный период его жизни.

А детство Кайгысыза Атабаева, которое проходило в последнее десятилетие прошлого века в далеком туркменском ауле Меана Тедженского уезда Закаспийской области, было... Да судите сами!

Из укрытия, которое он выбрал на этот раз, — развалины старой мечети за дувалом¹ караван-сарая — он видел небольшой участок неба, узкую полосу выжженной солнцем степи и холмы, переходящие в горную гряду Дохтар-Бокен. Люди называли ближний хребет «прыгающей девушкой». Он знал почему. Когда-то давно молодая красавица не пожелала стать женой ненавистного человека — страшного, краснобородого персидского хана. Ее принуждали, и она убежала. Слуги хана помчались в погоню, и красавица... прыгнула с вершины. Он часто, слишком часто для своего семилетнего возраста задумчиво устремлял взор в сторону Дохтар-Бокен и не слы-

---

¹ Глинобитная стена.

шал, когда его окликали. С закрытыми глазами он мог нарисовать палкой на песке контуры «прыгающей де-вушки».

Теперь же он лежал на земле, забившись в угол, и в проем двери следил за полетом моллаторгаев¹. Певчая птичка, величиною чуть крупнее воробья, серо-бурого оперения, с хохолком на голове. В поисках пищи она стремглав взмывает ввысь, быстро-быстро взмахивая крылышками. Аксакалы — седобородые старейшины аула — уверяют, что торгай стремится на небо в рай, но чтобы туда попасть, он обязан перечислить во время полета всю тысячу имен мусульманских святых. А птаха обязательно кого-нибудь забывает и поэтому вновь вынуждена опуститься на землю. Мальчик замирает в ожидании следующей свечи моллаторгая — может быть, на этот раз птичка перечислит все имена...

— Эй, э-е-й, отзовись! Обыскались тебя! Знаем, шайтан², что тебе больше негде торчать, кроме как в этой развалине, — зычный голос тринадцатилетнего Силаба, сына старшего брата Агаджана Тач-Сердара, заставил мальчугана сжаться и зашептать: «Аллах, всесильный и всемогущий, сделай так, чтобы меня не нашли».

Силаб был не один, другие братья и соседские мальчишки стали свидетелями основательной порки хворостинной тутового дерева и не прекращавшихся до самого дома подзатыльников. Силаб отвечивал их и выговаривал: «Дома полно работы. Колючку некому собирать. Хлеб надо печь, а разжог нет. Будешь знать! Будешь знать, как отлынивать от работы». Когда же мальчик попытался сказать, что делает не меньше, а больше других, получил в ответ: «Ты сын рабыни, вот и трудись!»

Как-то однажды после очередной трепки, когда он наотрез отказался пойти учиться в мектеб³ к местному мулле, решительно заявив, что скорее бросится с горы или утопится в арыке, старший брат Агаджан бросил: «У, кайгысыз⁴, шалопут!» Слово это очень скоро стало прозвищем, прилипло к нему и заменило настоящее имя. И стал он называться Кайгысызом, именем, которое ни один туркмен не давал своему сыну.

А убегал Кайгысыз из дома и скрывался не от работы — невыносима была обида, которую он испытывал от

---

¹ Жаворонок.

² Черт, дьявол, сатана.

³ Начальная мусульманская школа.

⁴ Беззаботный, беспечный.

сурового, нестерпимо придирчивого, а порой и открыто пренебрежительного отношения к нему со стороны братьев и многочисленной родни аула.

Идти же учиться в мектеб он боялся, потому как сам, своими собственными глазами видел руки Батыра, сына всеми уважаемого в ауле мираба — распорядителя воды. Батыр был на целых два года старше его, но с какими жаркими слезами он рассказывал о том, как учитель-мулла, увидев однажды у Батыра грязные ногти, подозвал его к себе, заставил сложить пальцы щепотью и несколько раз ударил по ним палкой, которой обычно «вбивал» знания в головы своих учеников. Батыру было не очень больно, но через неделю ногти воспалились и стали сходить, медленно и с мучительной болью.

2

История не сохранила для нас документов, да скорее всего их и не было, но существуют предания, которые крепко держатся в памяти яшули — пожилых людей. Они рассказывают, что дед Кайгысыза, простой земледелец — дехканин Атабай, родом из села Мюльк Кара-Яб Мервского уезда, имел много дочерей и лишь одного сына. С рождения он нарек сына именем Тач, но, когда сын вырос, стал сильным, ловким и бесстрашным джигитом, люди прозвали его Тач-Геок — за глаза, которые в минуты гнева делались зелеными.

Тач-Геок часто ходил в набеги на персидские и афганские поселения, и о нем распространилась слава удачливого аламанщика. Тач-Геок любил пылко спорить, был азартным игроком. На этой почве он повздорил с односельчанами, покинул родной дом и поселился поближе к персидской границе в ауле Меана, славившемся изобилием воды и лихими джигитами. Шли годы, Тач-Геок сколотил крепкую дружину и получил звание сердара — вождя, сделался неизменным арчином — старшиной аула.

В 1884 году эмир Афганистана Абдурахман вел жестокую борьбу с сепаратизмом местных ханов. Эмир нуждался в воинской помощи, и Тач-Сердар оказал ее ему во время похода Абдурахмана то ли против правителя Герата, то ли против одного из ханов племени гильзаев, расселявшихся к юго-западу от Кабула вокруг городов Газни и Мукур. Однажды, когда исчезла казна побежденного, приближенный визирь намекнул эмиру, что ее

могли прибрать к рукам только туркмены. Тач-Сердар обиделся и, не получив обещанного эмиром вознаграждения, в ту же ночь снялся со своим отрядом и ушел к себе в Меана. Но через полгода в ауле появился верблюжий караван с подарками эмира. Среди них были и две девушки Байнур и Бами, которые стали женами Тач-Сердара. Красавица Байнур — дочь визиря, который оклеветал Тач-Сердара, родила ему сыновей Гельды и Кайгысыза.

Из всех своих жен Тач-Сердар особо выделял Байнур, у которой постоянно влажные глаза-маслины просыхали лишь тогда, когда он приглашал ее в свою белую юрту. Лучшие подарки из набегов, поездок в города и аулы предназначались Байнур, и старшие жены — Дурдыгуль, Хал и Джемал — злились, сильнее обычного прикусывали яшмак (конец головного платка, которым туркменские женщины прикрывают рот).

С Кайгысызом — плодом поздней, но нежной любви, отец был ласков, часто оставлял при себе, голубил, рукой, еще недавно верно рубившей и метко стрелявшей, покровительственно похлопывал по плечу, угощал лакомствами со своего стола. Отец знал, что скоро сородичи понесут его в последний путь на кладбище Меана-Баба и малолетнему сыну, выделявшемуся среди сверстников и сообразительностью и внешним видом, никто и ничто не заменит отца. Пусть отец истратил себя в молодости, надорвал силы в изнурительных аламанских походах и в свои шестьдесят с немногим лет не мог быть малолетнему, любимому сыну достойным примером, но знал, что вниманием, заботой, лаской может скрасить его детство.

Когда же Тач-Сердар почувствовал себя совсем плохо, он прочел последнюю молитву и навеки закрыл глаза. Ровно через девять дней новым арчином аула Меана был избран Агаджан, его старший сын от первой жены. Агаджан Тач-Сердар первым делом продал хозяину армянского духана половину баранов, вызвал из города Теджена мастеров и в полгода отстроил просторный дом европейского типа на каменном фундаменте. Дом вырос неподалеку от караван-сарая, в окружении мечети, медресе — мусульманского духовного училища и армянского духана, где помимо еды постоянно торговали разными заморскими товарами.

Жизнь Кайгысыза стала тяжелой. Агаджан не любил его, плохо относился к нему и к старшему брату Гельды.

Поэтому истинно счастливым днем в жизни Кайгысыза стал день его отъезда в только что открытое в Теджене русско-туземное училище. Кайгысызу тогда шел уже двенадцатый год. И шевельнувшееся было в груди чувство горечи от расставания с матерью, красота которой к тридцати двум годам сильно поблекла, он вдруг легко сумел подавить — перед глазами стояла не совсем ясная, но вызывающая трепет картина будущего.

Эту последнюю ночь перед отъездом Кайгысыз Тач-Сердар не спал. Он слышал, как ворочалась с боку на бок мать, тяжело вздыхала и лишь под самое утро заснула.

Новый день только начинал зарождаться, солнце еще не озарило той части горизонта, где находился Теджен и куда ему предстояло держать путь, когда Кайгысыз тихо отодвинул серпик — кошму, прикрывавшую вход в кибитку, и выскользнул из нее. В руках он нес кусок чурка, пиалу и чарыки. Хлеб он припас вчера за ужином, пиала была подарена ему путником, которому Кайгысыз помог разыскать осла, пропавшего со двора караван-сарая, чарыки — пара грубой обуви, сшитой из сыромятной верблюжьей кожи, были почти новыми. Чурек, пиалу и чарыки Кайгысыз нес на могилу Омара.

Странник Омар — все богатство которого составляли верблюд, баранья шапка, халат и дутар¹ — неизвестно откуда появился в ауле Меана. Игрой на дутаре и песнями Омар кого ублажал, кому облегчал горе, кому скрашивал долю и никогда не брал за это денег. Но вот однажды верблюд Омара съел траву у дувала караван-сарая. Охранники забили Омара до смерти. Там, у дувала, люди и схоронили странника.

Совсем рядом с могилой через арык Джар переброшен деревянный мостик, ведущий на улицу, на одну сторону которой выходят высокие глиняные стены Гелин-Депе-Кала². Шестигранная, довольно вместительная крепость не раз спасала окрестных жителей от гибели и персидских грабежей, но с появлением русских — вот уже пятнадцать лет на Меана не было совершено ни одного нападения — крепость утрачивала свое прежнее значение. Для мальчишек же аула ворота, стены, баш-

---

¹ Двуструнный музыкальный инструмент.

² Буквально — крепость Невестин холм.

ни были овеваны романтикой, были местом их излюбленных игр.

Аул пробуждался. Петухи уже закончили свой концерт, мычали коровы, блеяли овцы. Мулла с минарета потянул высоким голосом, призывая к первой молитве. Кайгысыз обошел вокруг Гелин-Депе-Кала, встретил седобородого одноногого старика, поздоровался.

— Ты хорошо поступаешь, сынок. Станешь таким же славным, как и твой отец. Мы много повидали с ним разного,— голос старика звучал нежно.— Сынок, забудь тех, кто тебя обижал, и еще помни, что осел от похвалы кошем никогда не станет.

Кайгысыз почему-то покраснел и хотел было идти дальше.

— Ты слушай меня, сынок,— остановил его седобородый старик.— Однажды в большой город приехал известный ученый, поэт и мудрец, который очень любил спорить. «Кто у нас самый образованный?» — обратился он к местным жителям. Те заспорили, но в то время в городе появился Эпенди¹. Жители и указали на него. Тогда мудрец заявляет: «Эпенди, у меня есть сорок вопросов к тебе, но ты должен дать на них один ответ, разъяснив все, что мне непонятно». «Говори»,— спокойно сказал Эпенди и, когда выслушал все вопросы, ответил: «Не знаю». Так он победил своего соперника — знаменитого философа — одним ответом. Вот, сынок, и ты не стесняйся говорить «не знаю», пока учишься, чтобы знать, когда перестанешь учиться.

Кайгысыз приложил руки к груди:

— Спасибо, яшули, я ваш совет запомню.

Дома Кайгысыза уже ждали. Пора было трогаться в путь. Лошади Агаджана и его спутников позвякивали удилами. Мать с заплаканным лицом встретила сына с кумганом — медным кувшином в руках, чтобы обмыть ему ноги и обуть первый раз в жизни ботинки, купленные в русской лавке на станции Душак.

Из соседней кибитки неслись истошные крики женщины. Она два дня не могла разродиться. Кайгысыз знал, что еще вчера ее старший сын ходил с плошкой в руках по кибиткам и собирал слюну односельчан. Сегодня утром этой массой растерли тело женщины и, чтобы ей стало легче, подвесили под руки к потолку кибитки.

Взбираясь на спину верблюда, Кайгысыз видел в гла-

---

¹ Молла Насреддин.

зах собравшихся мальчишек, многие из которых, отдавая тяжесть его окрепших кулаков, уже давно перестали издеваться над ним, да и во взглядах взрослых жалость — его считали жертвой. Среди туркмен в те времена крепко держалось мнение, что русские власти открывают училища для туркменских детей, чтобы превращать их в иноверцев: дав начальную русскую грамоту, навсегда увозят в Россию. И квоту, падавшую на аул, чаще всего заполняли детьми «никудышными», слабыми, мало понимающими в хозяйстве. И старшина аула Меана поступил, как все. По первому же приказу пристава из Теджена Агаджан решил отправить в училище строптивного, непослушного, постоянно куда-то убегающего Кайгысыза. Однако для того это было радостью — уехать из дома, где к нему, кроме матери, все относились несправедливо. Кайгысыз ощущал себя моллаторгаем, который не забыл имени ни одного святого.

3

Наиболее значительной вехой в жизни тридцатидвухлетнего политического деятеля Кайгысыза Атабаева стала его встреча с Валерианом Куйбышевым. Состоялась она в Полторацке в последние дни грозного для Закаспия декабря 1919 года.

Части Закаспийского фронта, руководимые председателем Реввоенсовета Н. А. Паскуцким и командующим войсками С. П. Тимошковым, совершая нечеловеческие усилия, медленно, но уверенно продвигались к Красноводску. Медленно — потому что не было топлива: более трех четвертей наличного состава паровозов погасили топки. Красноармейцы не имели шинелей, сапог, для лошадей и верблюдов не хватало фуража. Солдаты по многу суток не ели мяса, на исходе были запасы круп и муки.

Каждое утро председателя Реввоенсовета Паскуцкого начиналось с напоминания о приказе командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе от 19 ноября: «На войска Туркестана возлагаю задачу овладения Красноводском. Приказываю немедленно приступить к подготовке указанной операции, перейти в решительное наступление и не позже чем в двухнедельный срок занять Красноводск».

А как можно было идти на Красноводск? Конский состав находился на пределе истощения, начался падеж

верблюдов. Поблизости от передовой линии без движения стоял санитарный поезд, переполненный ранеными, без необходимых медикаментов и должной врачебной помощи. Из-за отсутствия бензина ни один самолет нельзя было поднять в разведку. Да еще неосмотрительные действия некоторых военачальников, политработников и особистов, которые встревожили местное население. Штаб фронта задолжал аулам сорок три миллиона рублей за реквизированных верблюдов и баранов, и не было никакой надежды в ближайшее время погасить долг и вновь обрести полную поддержку населения. В город перестали привозить продукты. Цены на них взвинтились вдвое, а то и втрое.

Приезд в Полторацк В. В. Куйбышева, члена только что образованной комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана и члена РВС Туркестанского фронта, был как нельзя кстати.

Для создания ревкомов, аульных и волостных комитетов и налаживания работы среди туркмен Паскуцкий вызвал хорошо известного ему заместителя председателя Мервского уездного ревкома Кайгысыза Атабаева.

В дверь постучали, и она тут же распахнулась. На пороге показался Николай Антонович Паскуцкий, который пропустил впереди себя незнакомого человека, одетого в галифе и черную кожаную куртку. Атабаев диктовал ремингтонистке отчет о выборе нового председателя аулсовета в Геок-Тепе. Он проворно поднялся, одернул вельветовую тужурку, надетую поверх гимнастерки.

— Здравствуйте, товарищ Паскуцкий!

— Здравствуй, Костя! Вот зашли поглядеть, чем ты тут занимаешься. Знакомься, это товарищ Куйбышев,— ремингтонистка поспешно вышла из кабинета. Атабаев подошел и пожал протянутую руку, а Паскуцкий стал просматривать бумаги, лежавшие на письменном столе.

— Я очень рад, Валериан Владимирович. Радость большая для меня. Не ожидал.— Паскуцкий уловил в голосе Кайгысыза незнакомые ему нотки.— Здесь все только и говорят: «Куйбышев и Айдын. Айдын и Куйбышев». Спасибо вам!

— И я слышал о вас, еще в Мерве. И Гейвандов, знаете такого? Комиссар сводного отряда второй обходной группы под Айдыном, рассказывая о своей работе в Мерве, много хорошего говорил в ваш адрес, товарищ Ата-

баев. Как устроились здесь, как начали работу? Вы ведь в Полторацке недавно?

— Да, товарищ Куйбышев, вы пройдите, садитесь.— Кайгысыз подставил стул.

— Спасибо! Не мешает посидеть. Вот и Николай Антонович не раз говорил, какой вы энергичный. Теперь рассказывайте.

— Да что о себе,— произнес Атабаев решительно,— когда кругом такие дела!

— Ну давайте о делах.— Куйбышев приветливо улыбнулся.— Интересно.

Под кожаной курткой, которую он снял, как только вошел в комнату, была гимнастерка из толстого сукна защитного цвета. Такое же галифе заправлено в высокие сапоги. Красноармейский шлем он оставил в автомобиле. Он еще не приобрел расческу взамен утерянной в песках во время разведки под Айдыном, и обычно ниспадавшие легкими волнами волосы теперь были нечесаны. Лучистые светлые глаза под пышными бровями вразлет, высокий открытый лоб, прямой тонкий нос на продолговатом лице и без претензий усики вызывали симпатию. Впалые обросшие щеки и небольшая бородка, совсем не дань моде или прихоти, свидетельствовали об отсутствии времени на бритье.

— Валериан Владимирович, я вам сейчас прочту.— Атабаев обогнул письменный стол, выдвинул ящик, достал старенький, выдавший виды блокнот, открыл нужную страницу.— В конце ноября 1-я областная конференция коммунистов-мусульман Закаспийской области послала вот эту телеграмму товарищу Ленину. Слушайте! «Письмо Ваше,— это к «Товарищам коммунистам Туркестана», о нем речь, товарищ Ленин просил на него ответить,— ...письмо Ваше, освободитель угнетенных народов от тиранов империалистов, возрадовало сердце делегатов пролетариата Закаспия и Красной Армии. Все мы, сыновья угнетенных народов Востока, обещаем и клянемся защищать Российскую социальную революцию до последней капли крови. Да здравствует глава освобождения угнетенных народов тов. Ленин! Смерть империалистам и капиталистам!»

— Достойный ответ!

Услышав эти слова, Кайгысыз довольно улыбнулся, вельветовая тужурка распахнулась, из-под нее была видна гимнастерка с накладными карманами, отложным воротником, крупными пуговицами и пустыми армейскими

петлицами. Широкий солдатский пояс туго стягивал стройную фигуру. Кожа лица, чисто выбритая, отливала здоровым блеском. Но взгляд больших черных глаз, волевой изгиб верхней губы, высокий лоб, подбородок и коротко стриженные жесткие волосы говорили о том, что владелец их обладает сильным и бескомпромиссным характером.

— Без России мы не можем, но... Глядите сами. Черная реакция, как мы ее ни бьем, опять собирается. Всеякие там Чокаевы, Досмухаммедовы выдвигают лозунги: «Долой неверных!», «Туркестан для туркестанцев!», «За торжество ислама!» Вон, говорят, в Париже на международной конференции Иран потребовал Полторацк, Красноводск, Мерв и Хиву присоединить к себе и ссылается на желание туркменского населения. Мы на месте работаем плохо, налицо расхлябанность, распущенность. В одном месте самоуправство начальников воинских частей, в другом — своеволие советских работников, а то и целых организаций. Вмешиваются, как вздумают, в дела должностных лиц, отдают распоряжения, которые не положено отдавать. Пьянство стало расти, грубость, бюрократизм развивается. Да, да, не сомневайтесь, товарищ Куйбышев.

— С чего ты взял, товарищ Атабаев? А то ведь и я могу сказать, что ты поспешные выводы делаешь. — Куйбышев, показывая, что к его словам следует относиться, как к шутке, снова улыбнулся. — Продолжай!

— Понимаете, пренебрежение к личному долгу и к гражданским правам жителей стало развиваться. Обыски и аресты пошли по одному навету. Некоторые руководители стали стремиться к привилегиям, личным удобствам, хотят получать сверх положенной нормы продукты и товары, использовать служебные фаэтоны и для членов своих семейств. А попустительства по службе...

Куйбышев слушал и припоминал, как он перед отъездом в Закаспий попросил в Ташкенте документы, чтобы лучше ознакомиться с положением дел и людьми. Среди бумаг запомнился приказ № 33, подписанный Паскуцким, суть которого сейчас и излагал ему Атабаев. Когда Куйбышев прочел тот приказ, дежурный по РВС заметил: «Вам ясно, товарищ Куйбышев? Паскуцкий — бывший эсер». «Поторопитесь с бумагами. Скорее хочется его видеть. Молодец!» — подобный ответ представителя Москвы обескуражил дежурного...

— Вот разобьем врага, сбросим в Каспийское море

белых и тогда со всей силой и энергией займемся и этим,—сказал Валериан Владимирович.

— Скорее бы, а то, например, милиция отбирает выюк с дровами и дает владельцу пятнадцать рублей, а он стоит двести. Просто грабеж, и дискредитируется не милиция, а Советская власть. А стрельба по телеграфным роликам,—видно было, сколь искренне негодовал Атабаев.—Исполкомовские монтеры так и лазают весь день по столбам, меняют их. Какие это командиры, если тренируют руку и глаз в стрельбе по телефонным и телеграфным роликам?

— А что конкретно делаете в исполкоме, если не считать замены роликов? — Куйбышев миролюбиво склонил голову набок.

— Вчера обсуждали вопрос о пьянстве. Поначалу, как положено, мы общественному суду предавали этих любителей кишмишевки. А вчера решили за пьянство лишать очередного трудового отпуска.

— Я, товарищ Атабаев, уже два года не отдыхаю, не пользовался отпуском. По-вашему, я беспробудный пьяница.—Валериан Владимирович по-детски рассмеялся своей шутке.—Ну ладно. Что еще?

— Вторым вопросом собираемся поставить...

— Если о школах, то это его собственная инициатива,—разъяснил Паскуцкий.

— Я слышал,—продолжил Атабаев,—читал в газетах, что во дворцах Петергофа, конкретно в Английском дворце, будет устроена колония на четыре тысячи детей! А здесь, в Полторацке, имущество гимназий и училищ растащили по домам. Парты сожгли, и вместо того, чтобы достать новые парты и новое имущество, восстановить школы, мы одно за другим здания под правительственные учреждения забираем. Не построить нам коммунизма с необразованными людьми!

— Товарищ Атабаев, у нас есть учитель, окончил учительскую семинарию в Ташкенте,—заметил Паскуцкий и видом своим дал понять, что можно закончить беседу, но зампредревкома не мог остановиться, и Куйбышев это видел, поэтому продолжал сидеть.

— В Полторацке сложный продовольственный вопрос и дровяной тоже. Чем дальше, тем острее. Вы не были на рынке? И не ходите. Мясо, рис, масло, молоко, картофель не стали продавать совсем. Спекулянты ушли в подполье. Снабжают продуктами только состоятельных. Трудящимся массам платить по тем ценам, которые про-

сят подлые торгаши, невозможно. А зима свое скажет. Мы и решили, чтобы обеспечить население хотя бы теплом, создать добровольные артели, проводить субботники. Организовано заготавливать в песках дрова, рубить сухостой. И продукты вырвем у спекулянтов!

— Ну, это у тебя получится. Николай Антонович рассказывал, как ты ловко помогал снабжению фронта в самые тяжелые моменты. Мы поедем дальше, товарищ Атабаев. Нас ждут в штабе. Прошу, проводи до автомашины. Хочу подарить тебе взамен твоего старого блокнота хорошую записную книжку. В нее ценные мысли продолжай записывать. Полезное дело. А тебе, Николай Антонович, спасибо. С хорошим человеком познакомил.

Идя по коридору и на лестнице, Атабаев продолжал говорить:

— Мы не можем сегодня допустить, чтобы бойцы Красной Армии по три дня не получали мяса, лошади не имели клевера, чтобы советские люди своими руками разбирали шпалы для топки паровозов. И докажем, товарищ Куйбышев, мы докажем это делом!

— Революция не любит пустых слов, Атабаев, а болтунов тем более. Они самые опасные ее внутренние враги. Вижу, ты к ним не относишься. С теми, кто дрова отобрал и не заплатил, кто по роликам стреляет, пьянствует, нарушает дисциплину, думаю, справимся без особого труда. А брехунов — бойся! Вот, — Валериан Владимирович достал из дорожного портфеля изящное в твердом темно-коричневом коленкоровом переплете издание типографии общества «Московское издательство», — держи! Смотри не теряй! — И, ступив на подножку, после того как тепло пожал руку Атабаеву, серьезно продолжил: — Не знаю, товарищ Атабаев, ошибаюсь ли я, хотел бы верить, что вижу в тебе туркменского комиссара, который понимает, сколь важна для процветания этого края тесная связь Туркестана с федерацией. Она даст Туркестану столько же, сколько революция дала России.

— Я не успел сказать, Николай Антонович знает, нет у туркмен более верного и надежного друга, чем русский народ, его пролетариат. Он один только и может помочь нам обрести настоящую свободу и настоящее процветание.

Николай Антонович Паскуцкий был очень доволен тем, что сумел буквально за пару часов до своего возвращения на передовую организовать встречу Куйбышева с

Атабаевым. После этой встречи Паскуцкий попросил познакомиться Куйбышева с членами Областного мусульманского бюро. Куйбышев получил сведения, которые раскрывали положение дел не менее важных, чем фронтовые.

Через три дня Куйбышев отправлялся в Мерв и далее в Ташкент. На вокзале среди провожавших был и Атабаев. Валериан Владимирович подошел к нему:

— Ну как ценные мысли?

Атабаев сунул руку за борт шинели и достал подарок из нагрудного кармана.

— Никак записал?

— Кое-что.

— Дай-ка погляжу,— и Куйбышев прочел первые записи, сделанные его новым знакомым. «Мы хотим *свободного* соединения и потому мы обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным). Мы тем более обязаны признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами». Эта цитата была взята из работы Ленина «К пересмотру партийной программы», написанной в октябре 1917 года. Вторую цитату Атабаев выписал из выступления Ленина на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков».

4

Тем, кто трудился над художественными произведениями биографического характера, хорошо известно, как необходимо автору вжиться в образ избранного им героя. И чем это более автору удастся, тем значительнее получается произведение, тем интереснее оно для читателя. Но прежде следует отобрать материал, изучить его, скрупулезно сопоставить факты и порой приходится му-

чительно долго искать ответы на многочисленные вопросы. Когда автор уже может представить, как поступил бы его герой, что сказал или подумал в той или иной ситуации, тогда можно считать, что он готов начать работу над рукописью.

В данном, конкретном случае то, как произошел вызов и переезд Атабаева из Полторацка в Ташкент, как с головокружительной быстротой он поднялся, как стал одним из ведущих политических деятелей Туркестана, мне ясно. Но вот очевидцы рассказывают, что, когда члены Туркестанского бюро ЦК РКП(б) (Туркбюро) предложили Атабаеву дать согласие на выдвижение его кандидатуры на пост председателя Совета Народных Комиссаров Туркестана, пост, который в Российской Федерации занимал В. И. Ленин, у Атабаева на глазах появились слезы. И это были не слезы радости — такое ведь тоже могло быть. Умудренные политическим опытом, обладавшие глубокими всесторонними знаниями, имевшие за плечами многолетний партийный стаж — тюрьмы, скитания за границей, подпольную работу, ссылки, побеги, — большевики-ленинцы остановили свой выбор на нем. Разве нет причины радоваться? Есть. Но Атабаев отказывался, не решался дать согласия, боялся, что не справится.

И все же где и как он обрел нужные силы, в чем нашел уверенность, что сможет справиться с порученным делом? На этот вопрос однозначного ответа нет, и, может быть, настоящая повесть, надеюсь, поможет раскрыть читателю этот вопрос.

Поступив на учебу в 1899 году в Тедженское русско-гузское училище (не добрав месяца до полных двенадцати лет), Кайгысыз через четыре года окончил его и за успехи был выделен из среды остальных выпускников и направлен продолжать образование в Учительскую семинарию, солидное и почитаемое заведение, открытое в Ташкенте еще в 1879 году.

Пять лет, проведенных в семинарии, Кайгысыз будет вспоминать всю свою жизнь с великой благодарностью. Там основы знаний, заложенных в училище, обрели систему. Там он встретил и полюбил, как никогда прежде не любил, названного брата Мухаммедкули Атабаева, туркмена из аула Нохур Бахарданского уезда, взял его фамилию и из Кайгысыза Тач-Сердар-оглы стал Кайгысызом Атабаевым-вторым. Там, в семинарии, он не раз «головой касался неба», как говорят туркмены, когда

желают выразить меру счастья. Там он понял, сколь необходимы людям знания, и его туркменскому народу особенно, чтобы быть свободными, покончить с темной, невежественной жизнью. Там он впервые услышал слово «революция», понял ее смысл и твердо осознал то, что управлять жизнью должны только те, кто трудится, кто честен, бескорыстен, справедлив, и в это он будет верить до последнего вздоха.

На первом курсе семинарии, как только Кайгысыз сдружился с Мухаммедкули, он открылся ему и поведал о горестях своего детства. Тогда же Кайгысыз получил приглашение провести летние каникулы в Нохуре. С этого времени прерываются всякие связи с родичами. В боли же от дум о матери, в страданиях за ее жалкое существование он черпал силы и одолевал семинарские дисциплины одну за другой.

Учителя, о чем он так мечтал в юношеские годы, из Кайгысыза не получилось, как ни желал он этого, с какой радостью и энергией ни работал первые три года в Тохтамышском русско-туземном училище в Мерве, а затем год в Бахарденском. За примерную, старательную работу инспектором народных училищ Закаспийской области Атабаев был назначен директором Бахарденского училища, но императорский министр просвещения не утвердил «туземца» в этой должности. Он не мог вынести этого унижения и вышел в отставку.

Из Бахардена Атабаев возвратился в Мерв и устроился работать простым конторщиком в агентстве Учетно-ссудного банка Ирана. Банк создан был для противодействия русского капитала английскому в странах азиатского Востока.

К началу первой мировой войны Атабаев был уже бухгалтером, а перед Февральской революцией — помощником главного бухгалтера с высоким по тем временам окладом в 250 рублей в месяц. Однако, узнав об отречении царя от престола, Атабаев без колебаний оставил службу в банке и вступил в ряды социал-революционеров, к тому времени сформировавшихся в Туркестане в довольно многочисленную партию.

Атабаева, грамотного и активного эсера, избрали членом Мервского национального исполкома, куда вошли крупные землевладельцы, заводчики и аульные старшины. Многие члены комитета ратовали за местную автономию. Атабаеву же ближе были призывы мервцев Бориса Алесковского, Андрея Лысенко и Василия Малькова, во-

круг которых к лету семнадцатого группировались большевики из только что организованной социал-демократической организации.

Вскоре выяснилось, что все эти заводчики Батмановы и Хасановы и дельцы Бердыевы и Оразовы, из-за ведущейся между ними межродовой борьбы, настолько не доверяли друг другу, что исполком фактически оказался неспособным и прекратил свое существование.

К тому времени последствия войны, неурожайный год и административная неразбериха принесли населению Закаспийской области страшный голод, который особенно сдал своей костлявой рукой Мервский уезд. К осени 1917 года в сознании народа, особенно туркменского, сложилось убеждение, что Февральская революция мало что изменила. Краем управляли те же чиновники, только вместо «господин полковник», «господин капитан» их теперь следовало называть «гражданин комиссар».

Атабаев день и ночь трудился на посту председателя уездного продовольственного комитета, однако чаще выполнял рекомендации и решения не городской думы, а мервского Совета рабочих и солдатских депутатов, созданного летом, в который вошли знакомые Атабаеву рабочие-железнодорожники и солдаты, ненавидевшие войну и царя.

Августовское солнце нещадно пекло. Орлы, парившие над городом в мареве раскаленного воздуха, двоились, казались диковинными птицами с двумя головами и двумя парами крыльев. Но пуще зноя жителей терзал голод. Матери в страхе думали, чем завтра будут кормить своих детей.

После расстрела Временным правительством июльской демонстрации в Петрограде глава городской думы, бывший царский начальник Мервского уезда подполковник Москаленко, запретил в городе всякие митинги и демонстрации. Начались самостийные погромы хлебных и бакалейных лавок, владельцы которых неимоверно повысили цены.

Невзирая на палящее солнце, народ в полдень собрался на Пушкинской улице, у здания городской думы. В основном были женщины, рабочие, бросившие работу, и солдаты, кое-кто пришел с винтовкой.

— Я был сегодня на текинском базаре! Видел! Сам видел, как туркмен вывел на базар сына, чтобы продать

его. Отцу надо было купить хлеба для остальных голодающих членов семьи! — Голос председателя продовольственного комитета Атабаева, стоявшего на высоком крыльце городской думы, срывался, но в наступившей тишине был хорошо слышен. — При этом, однако, допускать стихийных погромов лавок, даже спекулянтов, нельзя. Так вы лишите возможности городские власти распределять поровну продукты.

— Катись со своей проповедью! Когда вы распределяли поровну? — густой бас солдата в расстегнутой гимнастерке прозвучал как набат. — Моя женка неделю крохи во рту не имела.

— Хватит!

— Довольно языком молоть!

— Хлеба давай! — неслось из толпы.

Атабаеву горько стало, что его не дослушали, и он повысил голос:

— Я говорю, продовольственный комитет принимает меры. На завтра мы пригласили братьев Гусейновых, Аветисовых, Антонова, Тертерьянца и Кащенко...

— Так они к вам и пришли, — выкрикнул однорукий Василий Мальков, член Совдепа, большевик. И его тут же поддержали:

— Плевать они на вас хотели!

— Не придут!

— Самим надо брать!

— Реквизировать! — гаркнул громче всех солдат в расстегнутой гимнастерке, и толпа еще больше заволновалась.

— Граждане, граждане! — пронзительным фальцетом почти закричал Лев Зимин, бывший директор реального училища, а ныне заместитель председателя городской думы, руководитель местных эсеров. — Мы наведем порядок. Верьте нам!

— Хлеба давай!

— Не корми словами!

К крыльцу, расталкивая людей, придвинулся щуплый на вид солдатик, скинул с плеча винтовку и, сунув ее в руки солдата в расстегнутой гимнастерке, отпихнул опешившего Зимина, поднял руку:

— А я скажу вам так, дорогие братья и сестры, хлеб и жратву надо брать! Тыфу на ваши разговоры, едрена палка! Ей-бо!

— Хоть домой не иди. Голодают детишки. — На крыльце появился сцепщик вагонов Тихон Васильев.

— Граждане, прекратите митинговать! Предлагаю добром,— Зимин потрясал кулаками и в следующий миг шуплый солдатик и сцепщик вагонов первыми поспешили ему на выручку. Влетевшие на крыльцо разъяренные женщины готовы были в кровь изодрать заместителя городской думы. В конце концов женщин стащили с крыльца вооруженные милиционеры.

— Предлагаю избрать комиссию! — выкрикнул Андрей Лысенко, в те дни руководитель группы мертвых большевиков, и поднялся на крыльцо. — Здесь верно говорили, товарищи, что продукты надо учесть, взять под строгий контроль. Это дело нельзя пускать на самотек. Начнутся погромы, не остановить. Предлагаю избрать комиссию! — Рядом с Лысенко появились Мальков и Борис Алесковский. — Осмотреть магазины, склады. Переписать все продукты, скрываемые торговцами, передать в распоряжение Продкомитета.

Такая мысль пришла по душе, раздались возгласы одобрения.

— Вот ты, Тихон Васильев, все знают, что у тебя шестеро детей! И ты, солдат, не грабить, а переписывать и охранять продукты пойдешь. Бери свою винтовку! Пригодится. И ты, — Лысенко указал на солдата в расстегнутой гимнастерке, — и еще две женщины, кто посвободней. Наведите порядок! Вместе с продорганами!

Ладыгин, тоже эсер и член городской думы, подал знак милиционерам, и те уже было направились к группе большевиков, но из толпы понеслось:

— Не тронь!

— Пусть, дело говорит!

— В шею предателей!

— Тихо! Тихо! — визжал Зимин. — Тихо, граждане! — Он понял, что большевики взяли верх. — Граждане, раз вы решаете, комиссия сегодня же начнет работу. — Зимин повернул голову в сторону Атабаева. Тот чуть помедлил, выждал, пока хорошо ему знакомые Лысенко, Мальков и Алесковский не затерялись в толпе, призвал только что избранных членов комиссии, отобрал двух милиционеров и крикнул:

— Мы начнем сейчас же! И начнем с торгового дома Николая Форунца! Оттуда на Грибоедовскую, на склады интендантства.

К октябрю семнадцатого года большинство в Совдепе Мерва составляли правые эсеры, меньшевики, бывшие царские чиновники, офицеры. Они уже не чурались лозунга «Вся власть Советам!», все сильнее и настойчивее звучавшего из уст рабочих, солдат и беднейшей части населения. Советы в Мерве оказались в руках соглашателей.

Утром 27 октября по старому стилю в Мерв пришло известие о свершившейся в Петрограде революции, о переходе власти в руки Советов, находившихся под руководством большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина. Проходивший II Всероссийский съезд Советов избрал Советское правительство во главе с В. И. Лениным — Совет Народных Комиссаров и принял ленинские декреты о мире и о земле. Однако Атабаев встретил эти события с неопределенным чувством. Последние дни он все чаще соглашался с тем, что большевики ведут правильную линию — долой войну, землю — крестьянам, долой банкиров, жандармов и прочее наследие царя. Но задавая самому себе вопрос, как они, в большинстве своем люди без образования, малограмотные, смогут управлять страной и хозяйством, не находил на него ответа.

Между тем страсти в городе разгорались. Ноябрь прошел для мервцев как один сплошной шумный и голодный день. В Доме Свободы собиралось по три, а то и четыре митинга в сутки. Постепенно чаша весов склонилась в сторону большевиков, благодаря солдатам 14-го Туркестанского пехотного полка и саперного батальона. Эти солдаты, вчерашние крестьяне, получили от революции реальное обещание стать владельцами своей земли и реальную демобилизацию. «Долой соглашателей!», «Долой буржуев и их приспешников!», «Да здравствует Ленин!» — кричали солдаты и силой стаскивали с трибун незадачливых членов Совета. Думу, управу и прежнюю милицию разогнали. А тут еще в город потянулись одна за другой дехканские делегации из аулов с просьбой разъяснить им суть декретов и обещаний новой, Советской власти.

Атабаев выбивался из сил. На нем лежала обязанность облегчить тяжелое положение жителей города с продуктами питания. В эти дни он принимал многих, видел притягательную силу первых дел большевиков и все больше склонялся к мысли, что правда на их стороне.

Особенно обрадовало его и сделало сторонником Ленина опубликованное в газетах обращение СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Аккуратно вырезанный текст из газеты Кайгысыз носил в кармане и не уставал читать вслух по-русски и на родном языке, особенно эту его часть: «Мусульмане России и Востока... Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»

В это время он особенно много и жадно читал. Мервский аптекарь Григорьев, левый эсер, снабжал его политической литературой. Помимо газеты «Дело народа» и старых номеров журнала «Вестник русской революции», в руки Кайгысыза попадали давние номера газеты «Искра» и отдельные экземпляры «Правды». В аптеке Григорьева он получил и «Апрельские тезисы», перепечатанные на стеклографе.

В середине ноября в Ташкенте 3-й краевой съезд Советов избрал Совнарком и призвал население края сплотиться вокруг народной власти в борьбе с хозяйственно-экономической разрухой, за укрепление завоеванных трудящимися прав и торжество социализма. В конце того же месяца в Асхабаде (Ашхабад) под председательством большевика Молибожко прошел 4-й Закаспийский съезд Советов, который сформировал Закаспийский Совнарком. И в Мерве, после бурного общегородского митинга, потребовавшего немедленно провести выборы, председателем нового состава Совета стал Мальков, а исполком возглавил Алесковский.

Но это не было окончательной победой. Состоятельные слои города — заводчики, торговцы, военные, чиновники отвернулись от новой власти. Многие из них стали на прямой путь саботажа.

Атабаев только что возвратился из Иолотани, где вместе с Алесковским выручал председателя исполкома, который продолжал выдавать продовольствие местным баям, несмотря на протесты дехкан. Те взбунтовались.

Председатель заперся у себя на квартире, а дехкане, вооруженные лопатами, караулили его, чтобы не сбежал, и требовали передать представителям аулов право распределения воды и продовольствия.

Больше всего Кайгысыз мечтал хотя бы на час склонить под ласковой рукой жены голову на подушку. Но дома его ждала записка — решение Совета об изъятии денег из банка. Срочно на двух фаэтонах с кассиром, милиционерами и тремя вооруженными солдатами он направился к зданию банка.

Неделю назад бывшие чиновники городского казначейства уже пытались скрыть крупную сумму наличных денег, но служащие, знавшие Атабаева, сообщили ему об этом вовремя, помогли. Вот и теперь привратник, увидев его, отомкнул массивную дверь. Атабаев прошел в кабинет управляющего, снял трубку, попросил соединить с «Одиннадцатым».

Ответил голос служанки.

— Попросите к телефону гражданина Хацапа.

— Их нет дома.

— Передайте, что говорит Атабаев. Я из банка. Если господин Хацап через полчаса не прибудет в свой кабинет или не пришлет доверенное лицо с ключами от сейфа, мы взорвем его. Вам ясно?

— Взорвете... Я передам,— дрожащим голосом сообщила служанка.

— Все!

Когда кассир исполкома заканчивал составлять расписку, в здании банка появился молодой туркмен Сапаржа Аманеков.

— Кайгысыз-джан, уже собрались люди. Вас ждут Атаниязов и Мальков. Вы же должны первым говорить.

— Почему я? Мальков.

— Вас многие лично знают. И вы сами понимаете...

— Атаниязова тоже знают, и выступает он лучше.

— Просили, чтобы я один не возвращался.

— Ну тогда поехали.— Кайгысыз на миг почувствовал, что выложенный мрамором пол под ногами вроде бы поплыл — сказывалась усталость.

В банкетном зале бывшей двухэтажной каменной гостиницы «Гранд-отель», теперь называемой Домом революционного пролетариата, где разместился Совет рабочих и дехканских депутатов, сидело и стояло порядка ста человек, все в халатах и тельпеках¹. Это были предста-

¹ Туркменский головной убор.

вители родов и аулов, собранные для разъяснения им политики Советской власти. Предстоял серьезный разговор об увеличении хлопковых посевов. В Мерве вот уже две недели находился уполномоченный московских текстильщиков Пивоваров. Он прибыл с крупной суммой денег и вел закупку хлопка.

Когда Атабаев и Аманеков вошли в зал, Мальков уже держал речь, говорил он степенно, с чувством собственного достоинства, то и дело в подтверждение своих слов брал со стола газеты «Трудовую мысль»¹ или «Правду». Атанязов переводил.

Мальков сообщил, что мервский Совет принял решение установить на всей территории уезда твердые цены на хлопковые семена. «Никаким спекулянтам не удастся теперь подорвать вашу экономику!» — выкрикнул он в зал. Заявление Малькова о том, что у Совета есть возможность выдать бедняцким хозяйствам семенные ссуды, было встречено одобрительными возгласами присутствующих.

Закончил свое выступление Мальков сообщением о том, что создано уездное отделение союза «Хлопкомасломыл», что он — Мальков Василий — является председателем этого союза в Мерве и что через это отделение в дальнейшем и будет вестись закупка хлопка и выдача дехканам мануфактуры, сельскохозяйственного инвентаря, хлеба и продуктов питания.

Слово взял Атабаев.

— Елдашлар!² — Собравшиеся недоуменно задвигались: слово было необычное. — Это означает больше чем друг, брат, сосед, гость. Мы все теперь при новой власти должны стать друг другу товарищами! Вам хорошо знаком адвокат Иомудский, он получил в Петербурге образование, не раз защищал от несправедливых царских чиновников ваши интересы. Он выступил в Красноводске перед народом и сказал, что для туркмен Советская власть необходима и другой власти быть не может. — Кайгысыз прекрасно знал, что в зале сидит не один представитель рода, который в душе ратовал за Кокандскую автономию, самостоятельное от Советской России тюркское государство. — Туркмены будут «держатъ» Советскую власть обеими руками и выпустят ее только в том случае, если им разрубят руки!

---

¹ Орган Мервского Совета.

² Товарищи!

Те, кто были одеты попроще, немногие, согласно закивали головами.

— Я знаю, сколько ни говори «мед», во рту от этого слаще не станет. Но Советская власть слова на ветер не бросает. И у нас с вами голод только потому, что царский генерал Дутов поднял восстание, захватил железную дорогу и отрезал наш край от богатых хлебом районов России и Сибири. По реке Волге через Красноводск в Асхабад и к нам идут хлеб, чай, сахар, но этот путь долгий. Сейчас в Асхабаде на человека в сутки выдают сто граммов ячменя и пятьдесят граммов риса. У нас немного больше, но и наши запасы на исходе. Все будет зависеть от вас, люди, от того, что и как вы посеете, что и как соберете. Рассчитывайте на нашу помощь и смелее выбирайте достойных в Советы. Мы им будем доверять, через них станем оказывать вам поддержку.

6

В апреле восемнадцатого года в Мерве, чтобы обеспечить спокойствие в городе и охрану власти, Совет вынужден был набрать в состав так называемой «социалистической роты» бойцов, которым выплачивали жалование как рабочим. В казармах действовали «ликвидкомиссии», состоявшие из царских офицеров. Эти бывшие господа беззастенчиво торговали оружием с представителями хивинского хана и туркменскими бандитами — калтаманами.

Голод становился невыносимым. Рабочим порой вместо муки выдавали жмых, в аулах ели лебеду. Настроенные жители города были близко к взрывному. Эсеры меж тем все теснее смыкались с меньшевиками. Богатеи Антонов, Гусейнов, Аминов, Микертычев, Ширинов и Форуниц открыто снабжали эсеров крупными суммами. Чувствуя, что реальная власть уходит из рук, они сумели подбить жителей города, и те вынудили Совет провести в Мерве новые выборы. Результаты, однако, эсеров не порадовали. Руководителем Совета оказался большевик Анисимов, председателем городского исполкома остался Алесковский, членами были избраны большевики Лысенко, Гейвандов. От партии левых эсеров в Совет вошли Черняков, Атаниязов, Казанцев и Атабаев, которые считали себя в Мерве «левее большевиков». Атабаев и впрямь иной раз делал такие заявления, что Алесковско-

му, Гейвандову и Лысенко, с которыми он теперь работал рука об руку, приходилось разъяснять ему его заблуждения и излишнюю торопливость.

При Совете была создана туркменская секция, руководить ею поручили Атаниязову. Родом он был из Асхабадского уезда. Еще в конце прошлого столетия закончил Асхабадскую школу садоводства, два года работал старшим садовником городского сада, а затем инспектором народных училищ области, выполнял обязанности надзирателя интерната и помощника учителя труда Мервского городского училища. Через несколько лет, обретя опыт работы, получил звание учителя. Среди царских чиновников слыл возмутителем спокойствия. Он быстро собрал вокруг себя активных людей, в основном из близлежащих аулов, и смог, хотя бы на время, улучшить положение с продуктами питания. Где за деньги, а где и в порядке реквизиции излишков у баев изыскивали продукты для города.

Продовольственным комиссаром теперь был левый эсер Бессчетный, а его заместителем — Ладыгин. Атабаев вместе с Атаниязовым по-прежнему были заняты созданием аулсоветов.

Обстановка продолжала накаляться. Ощущалось, что какие-то скрытые силы упорно противодействуют решениям Совета и его исполкома. А это поднимали головы члены утративших бывшее влияние офицерских групп эсеров, меньшевики, дашнаки, члены «Союза фронтовиков» и даже женский союз. Сложившаяся в Мерве ситуация была подобна затишью перед бурей.

Вечно шныряющие в поисках пищи воробьи укрылись в тени, смолкли перепевы горлинок, ослы, орущие от голода, и те утихомирились, улицы города постепенно пустели, а у хлебной лавки, где проживали железнодорожные рабочие, росла очередь.

Стоявшая одной из первых жена паровозного кочегара жаловалась соседке:

— Мария, не поверишь, плачу каждую ночь. Как укладываю детей спать, мочи нету. У Мишутки, ему уж восьмой пошел, только полезли настоящие зубы, так шатаются, вот-вот гляди выпадут. И у девчушки, меньшей, не десна, а сплошная язва. Хоть удавись! Что делать? Жистья какая! Будь она неладна.

— Не гневи бога! Ищи полезных, добрых людей.

— Где они есть-то? Вон лавочник, кровосос! С утра, думаю, побыстрее схожу за хлебом. А сейчас поди одиннадцать уже. А дети одни дома голодные.

— Я подскажу тебе, как быть.— И Мария зашептала на ухо: — Мои день и ночь в саду дежурят. Урюк караулят, чтобы не ободрали, чтоб хоть чуть покрупнее стал.

— Зачем? Когда он еще поспеет?

— То-то и оно! В прошлом году врачаха, жена начальника пути, присоветовала и спаслись мы. Все! Только зеленый, неспелый урюк. Цинга как рукой снялась. Сходи к ней. Сходи, она добрая. Детям зубы спасешь.

— Правду говоришь?

Мария перекрестилась, и тут с конца очереди поплыл нараставший гул. Появился лавочник.

— Тихо! Тихо! Кинуться готовы.— Лавочник принялся отбиваться от наседавших на него женщин.— Ну лайтесь! Бейте! А сообразить, что меня нет, потому как хлеба нет, так кишка тонка!

— Как это нет? — вывернулась тут бабка Агафья.— Нет! Я по ночам не сплю, милок, видела, как фургон приезжал.

Лавочник, член партии эсеров, исполнявший приказ своих вожakov, поначалу было растерялся, но тут же нашелся.

— Как приехал, так и уехал.

— Чегой-то?! — Агафья наступала.

— Хлеба не было! Приезжал сообщить.

— Врешь! Духом-то хлебным несло — свежим, горяченьким.

Бабы сразу загалдели, и неизвестно, чем и как бы закончился внезапно возникший инцидент, если бы к соседней мясной лавке не подкатила крытая телега. Из нее стали сгружать три коровьих туши. Толпа хлынула туда и тут же отпрянула. От туш несло тухлятиной.

Поднялся немыслимый гвалт, захлопали калитки и двери соседних домов. Народу прибавлялось, возмущение росло, и, как всегда, оказался человек, который предложил:

— К ответу Совдеп! Айда к ним!

Толпа двинулась по улицам. Перекидной мост над станционными путями заходил ходуном, казалось, он не выдержит тяжести бегущих людей и рухнет.

У Дома Свободы начался стихийный митинг.

Когда Атабаев, Бессчетный и Атаниязов, находившиеся в здании бывшего Офицерского собрания, где размещался продовольственный комиссариат, подоспели к митингу, на битком набитой трибуне находились Зимин, Ладыгин, бывший военный комендант города Мерва полковник Наибов, известный в городе адвокат Гольдштейн — ярый меньшевик и Куделин, бывший рабочий, выдвинутый на руководящую должность в Управление железной дороги «Райпуть-12». Выступал Ладыгин. Нещадно трясая головой, то и дело поправляя слетавшие на кончик носа очки, он выкрикивал в толпу:

— Мы свершаем дело, которое до нас еще никто не делал — пролетарскую социалистическую революцию! А на что призывают вас большевики! Кто их приглашал сюда? Нам не нужна их власть! Немецкие шпионы! Кому вы верите, граждане? Кому доверяете судьбы уезда? — Ладыгин распалялся. — Разве приведут они народ к благополучию? Справиться с голодом не могут. Муки нет, мясо держат для себя, пока не протухнет. А туда же! Кто у них там командует? Кто Совет прибрал к рукам? Кто там сидит? Маляр, наборщик, стрелочник да пекарь!

Атабаев подумал: «И хорошо! Все выкрасим и людей обучим, переведем, как надо, стрелки и хлебом накормим». Алесковский, Гейвандов, Лысенко пробивались к трибуне, окруженной милицией. Атабаеву это удалось раньше их.

Атабаев отпихнул стоявшего перед ним Куделина, еще кого-то, ухватился за рукав грузного Гольдштейна, оказался рядом с оратором.

— Стойте! Стойте! — Он поднял обе руки. — Вот я еще вчера был комиссаром продовольствия. Идите ко мне домой! — Толпа онемела. — Идите! Идите и к комиссару здравоохранения Абдуллаеву, он на Кавказской живет. Идите и к Бессчетному. Там хлебные склады. Идите и к Алесковскому, и Гейвандову, идите и смотрите, чем мы питаемся.

— Идите! Только, — гвалт снова стих, — когда придете ко мне, будьте милосердны. Жена моя в положении, четвертый месяц носит сына. И еще спросите у хозяина Ашота, сколько я задолжал ему за квартиру.

Из глоток людей, никак не ожидавших такого поворота, вырвался возглас одобрения.

Атабаев перевел дыхание. Он видел, как граждане, которые еще вчера с уважением относились к избран-

ным ими же самими представителям власти, теперь готовы были расправиться с Алесковским, Гейвандовым и Лысенко.

Но Атабаев, как и Зимин, Ладыгин, полковник Наи-
бов, Гольдштейн и Куделин, уже понимал главное —
затея с митингом была сорвана.

7

По мере того как лето набирало силу, над головами тех, кто приветствовал приход Советской власти в За-
каспий, нависали черные тучи. Надвигалась политиче-
ская гроза. Казалось бы, куда красноречивее об этом
заявил прошедший весной весь ход 6-го съезда Советов
Закаспийской области. На нем явно и недвусмысленно
определилось, что непролетарские элементы сумели
крепко засесть в Советах многих городов и уездов и ве-
ли ничем не прикрываемую фракционную борьбу с
большевиками, и не просто так, а борьбу за власть. Ка-
залось, всем было ясно, что бури не миновать. И в Лон-
доне, на Даунинг-стрит, где издревле играли только ко-
зырями, тоже это четко себе уяснили господа англий-
ские политики.

В Ташкенте продолжались диспуты и жаркие пере-
палки. Определенная часть европейцев-коммунистов
Туркестана, как местных, так и приезжих, упорно от-
стаивала свои взгляды на форму строительства Совет-
ской власти в крае — строить ее своими силами, без
участия революционеров и членов партии большевиков
из местных национальностей. Это настораживало широ-
кие массы коренного населения, которые еще в начале
года готовы были признать Советскую власть и в ряде
мест уже шли с голыми кулаками на баев, а теперь от-
части солидаризировались с ними. А уходившее на дис-
путы и споры время играло на руку врагу.

Антанта сжимала кольцо, и уже три четверти терри-
тории России превратились в военный лагерь. Наступил,
по определению Ленина, один из самых тяжелых пери-
одов в жизни нашей страны. Чтобы руководить оборо-
ной молодой Советской республики, был создан Совет
Рабочей и Крестьянской Обороны во главе с В. И. Ле-
нинным.

Туркестан в это время был связан с центром только
по Волге. Голод и материальные трудности росли, что

никак не способствовало строительству новой власти в крае. Являясь окраиной, Туркестан как бы притягивал к себе контрреволюционные элементы, выметенные Октябрем из центра страны. Положение для Советской власти усложнилось и в Туркестане. Стали возрождаться контрреволюционные организации. Распавшаяся в конце зимы из-за арестов ее руководителей, антисоветская «Туркестанская военная организация», оказалось, сбегла основные силы. Ее руководитель Джунковский ловко распустил слухи, что все члены организации смирились с положением и готовы сотрудничать с новой властью. А тем временем вместе с генералами Кондратовичем, Савицким, полковниками Бловатским, Фольбергом, Цветковым, Германом и Петром Корниловым (братом генерала Корнилова) сколачивал мощный и более законспирированный «Туркестанский союз борьбы с большевизмом». Когда же в Ташкенте появилась английская миссия — Великобритания с давних пор имела свои интересы на эту территорию — в составе майора Бейли, капитана Блэккера и бывшего генерального консула в Кашгаре Маккартнея, «Туркестанский союз борьбы с большевизмом» получил моральную поддержку и денежную помощь и развернул тайную сеть «очагов борьбы», как их называли в городах края.

В Москве положение дел в Туркестане вызывало тревогу. И В. И. Ленин, чтобы оказать помощь, направил в Ташкент весной 1918 года группу товарищей во главе с опытным большевиком Петром Алексеевичем Кобозевым. Поначалу лишь ему одному удалось добраться до Ташкента. Выходец из крестьян, в период первой российской революции преподаватель Рижского политехнического института, активный деятель РСДРП в годы подполья, он прибыл в Туркестан как чрезвычайный комиссар ЦК РКП(б) и СНК РСФСР по Средней Азии. Наказ вождя революции был четок: иметь особый подход к советизации края, не забывая ни на минуту о том, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к демократии пролетариата; помнить о местных традициях, которые сильны и серьезно затрудняют сближение пролетариата с трудовым дехканством.

На местах усилилась работа среди населения по разъяснению сути национальной политики Советской власти и значения советской автономии.

5-й Чрезвычайный съезд Советов рабочих и мусульманских депутатов, проходивший в Ташкенте во второй половине апреля 1918 года, объявил Туркестанский край автономной республикой в составе РСФСР и избрал П. А. Кобозева первым председателем ЦИК, а большевика Ф. И. Колесова, ташкентского железнодорожника, председателем Совета Народных Комиссаров. Съезд одобрил национальную политику Коммунистической партии и объявил «о решительной необходимости самого широкого привлечения мусульманских пролетарских масс к участию в созидательной работе края, с тем чтобы народы, населявшие его, могли стать в ряд активных борцов за дело всемирного рабочего класса».

Кайгысыз Атабаев занес в свой блокнот слова делегата съезда, члена партии большевиков Сабирджана Юсупова: «Мы будем у вас учиться, мы пойдем за вами. Теперь мусульмане поняли, что русский пролетариат рука об руку с мусульманами. Не оставляйте нас без надзора, учите нас».

Кобозев был твердым сторонником непрямого расслоения мусульманства и отхода его трудовой части от влияния национальной буржуазии путем вовлечения беднейших слоев коренного населения в работу Советов. Он считал, что эта линия в Туркестане лишь частично одержала верх. Сложность заключалась и в том, что не все коммунисты придерживались единой позиции. Иногда борьба принимала острый характер. Так, однажды в пылу перепалки старый, опытный большевик, участник ташкентских революционных событий 1905 года Аристарх Казаков заявил: «Слушай, Кобозев, ты возьми и застрелись, а мы тебя похороним, как героя. Ты нам мешаешь!» На что Кобозев ответил: «Нет, ты меня сам расстреляй, а мои товарищи будут тебя судить. И мне в конце концов памятник поставят, а тебе нет. И моя линия победит!»

В начале июля генерал Дутов захватил Оренбург. Вновь образовалась «пробка», которая поставила под угрозу существование двенадцати миллионов жителей Туркестана. В крае обстановка резко усложнилась, и контрреволюционные силы, хотя приказа «Туркестанского союза» о восстании и не поступало, решили, что время для мятежа пришло.

Первая попытка захвата власти ими в Асхабаде (в июне), однако, сорвалась. Казанджинский, Кизыл-Арватский, Красноводский и Мервский Советы спешно

направили на помощь асхабадскому ревкому отряды Красной гвардии.

В Асхабаде на решающем митинге в депо Алесковский и Анисимов, возглавлявшие отряд, пылкими речами перетянули чашу весов на сторону большевиков. Заговорщики с позором покинули митинг. Однако им удалось навязать переговоры о перемирии. Предлогом к новому выступлению послужил приказ военного комиссара Туркеспублики о взятии на воинский учет мужчин от 18 до 35 лет. Заговорщики настаивали на отмене этого приказа и сумели склонить большинство членов асхабадского ревкома и областного Совнаркома к тому, чтобы отменить проведение учета. Более того, они добились согласия на проведение новых выборов в Советы с участием всех политических партий и организаций. При этом боевые отряды мятежников остались при полном вооружении.

Через месяц, с утра 11 июля, восстание вспыхнуло вновь. Ему сопутствовал некоторый успех: дружина армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн» — двести вооруженных человек, — охранявшая гарнизонный артиллерийский склад, перешла на сторону мятежников. В течение суток они овладели положением. Их боевым лозунгом было: «На Ташкент! На Москву!», «Уничтожим узурпаторов-коммунистов, вырвем с корнем гнездо большевиков!»

Генерал Дутов меж тем теснил войска Туркестанского фронта по линии Оренбург — Актюбинск. С севера нависала опасность со стороны контрреволюционных чехословаков. Голову подняли и белогвардейцы Семи-речья.

Председатель Совнаркома Туркестана Федор Колесов радиографировал Ленину: «В Асхабаде восстание приняло грандиозные размеры; захвачены военные склады, правительственные учреждения. По линии железной дороги рассылаются провокационные телеграммы с призывом к свержению власти. Успех на стороне провокаторов... В момент смертельной опасности жаждем слышать ваш голос. Ждем поддержки деньгами, снарядами, оружием и войсками...»

На вторые сутки в Ташкенте был получен ответ Владимира Ильича. «Принимаем все возможные меры, чтобы помочь вам. Посылаем полк. Против чехословаков принимаем энергичные меры и не сомневаемся, что раздавим их. Не предавайтесь отчаянию, старайтесь изо

всех сил связаться постоянной и прочной связью с Красноводском и Баку». Рабочие Чарджуя, Ташкента, Джизака, Актюбинска и многих других городов подтверждали свою верность Советской власти. Они поклялись отдать все силы и средства на борьбу с контрреволюцией и по первому зову встать под ружье. В Самарканде в Красную гвардию, помимо рабочих, добровольно записалось более ста тридцати русских крестьян и ста пятидесяти человек из коренного населения.

Воззвание ТуркЦИКа и Совнаркома к населению, опубликованное в печати 23 июля, заканчивалось словами: «Контрреволюция подняла свой меч против рабочих, и от меча она погибнет. Все к оружию!» И Федор Колесов тут же обратился с призывом к населению Туркестана: «В тяжкие дни нашей борьбы с решительной атакой белогвардейских банд, в дни, когда накаленная огнем атмосфера больно давит окровавленную грудь бедноты, как луч, блеснувший в сумерках, прозвучал Туркестану голос товарища Ленина: «Приветствую Вас, славных бойцов молодой республики!» Мы с Вами душой в дни, когда наш великий вождь рабочей революции передал мне по радиотелеграфу вест о высадке в Красноводске десанта и высылке в Туркестан полка своего имени, когда реакция в расцвете сил и на карту брошена наша последняя ставка — победим или умрем, — я призываю революционный пролетариат республики теснее сомкнуться в боевые ряды, встать на защиту своего народа, на защиту революции, я призываю к новому подвигу. Каждый проведенный нами день на революционном посту ныне — наша победа. Да не дрогнет мускул на лице рабочего; веря в свои силы, мы победим. Мужайтесь, победа за нами!»

Честь и заслуга в том, что асхабадские мятежники были задержаны и остановлены на рубеже Амударьи, не пропущены на земли, близко расположенные к армии эмира Бухары и к отрядам ферганских басмачей, принадлежала чарджуйским рабочим, их большевистскому Совету. Несомненно, что соединение мятежников с войсками эмира и отрядами басмачей явилось бы реальным политическим и военным фактом, который побудил бы «Туркестанский союз борьбы с большевизмом» немедленно выступить в городах, где имелись «боевые очаги».

Чарджуйский Совет еще 14 июля, то есть через три дня после выступления эсеров и меньшевиков в Асха-

баде, на своем расширенном заседании принял постановление: «Чарджуйский Совет со всеми демократическими организациями окажет в любую минуту энергичную поддержку, как моральную, так и вооруженную, краевой власти в ликвидации контрреволюционных происков асхабадских контрреволюционеров». Здесь не было, как в Ташкенте, ни заблуждений, ни колебаний. Это и определило успех.

Бой под Чарджуем был начат 28 июля, длился два дня и был выигран. Байрам-Али советские войска взяли 14 августа. Английское правительство, под предлогом защиты Индии от германо-турецких войск, отдало приказ своему генералу Маллесону принять все меры к захвату советского Туркестана.

В двадцатых числах августа отряды Красной Армии и Красной гвардии были уже у крупной железнодорожной станции Каахка. В Асхабаде началась паника, повальное бегство, которое было остановлено только появлением там английских и индийских войск.

В ноябре фронт вновь придвинулся к Чарджую и стабилизировался у станции Равнина. Началось «великое стояние», которое длилось полгода.

А в Ташкенте ход политической борьбы принимал новый накал.

6-й съезд Советов Туркестана проходил в октябре 1918 года. Из 460 делегатов с решающим голосом одна треть принадлежала левым эсерам. Среди делегатов Закаспия — знакомые нам Алесковский, Лысенко, Мальков, Гейвандов, Феоктистов, левые эсеры Панасюк, Паскуцкий, Червяков, от туркменской секции Мервского Совета — Атабаев, Атаниязов.

Борьба началась сразу. В президиум съезда, однако, оказались избранными одни коммунисты. Эсеры предложили работать секционно и чтобы в каждую секцию вошло равное число представителей. Съезд отверг это предложение. Тогда был поднят вопрос о «неправильном» действии мандатной комиссии, о «неправомочии» съезда. На второй день работы эсеры устроили грандиозное собрание в Главных железнодорожных мастерских — рабочем оплоте Ташкента, — на которое вынесли обсуждение вопросов работы съезда.

Кайгысыз Атабаев чувствовал себя не в своей тарелке, ходил хмурый. Формально он являлся членом партии левых эсеров, а душой, разумом был согласен с позицией и предложениями большевиков. Ему стоило не-

малых усилий проголосовать за вывод левого эсера Панасюка из состава Военно-политического штаба. Между тем прозвучало веско и доказательно выступление Николая Паскуцкого. Он говорил о насущной необходимости выделить штабу большие силы, серьезней относиться к его деятельности и прекращения партийных разногласий в решении военных вопросов. Угроза интервенции и контрреволюции, опасность которой, может быть, не все понимали, склонила многих левых эсеров голосовать за утверждение нового состава Военно-политического штаба. В него был введен и Николай Паскуцкий.

Съезд принял Конституцию Туркестанской Автономной Советской Республики, обсудил экономическое и финансовое положение, заслушал отчеты ЦИК и СНК. В составе нового Центрального Исполнительного Комитета, который возглавил большевик Всеволод Вотинцев, оказалась одна треть эсеров. В Совнарком же вошли одни коммунисты. Его председателем стал Владислав Фигельский.

На следующий день после закрытия съезда собралась его коммунистическая фракция. Следовало немедленно принимать решительные меры, чтобы охранить в столь грозный для жизни республики момент единство партии. Из сторонников руководителя краевого комитета партии Ивана Тоболина, среди которых были и ответственные работники республики, в том числе и Федор Колесов, сформировалась группа, называвшая себя «старые коммунисты». Она принимала в штыки всех, кого присылал на работу ЦК РКП(б). Группа не считалась с мнением низовых парторганизаций, выступала против выборности, принципа коллегиальности в работе, привлечения к руководству коммунистов коренной национальности (мусульманских коммунистов).

В интересах дела собрание партийной фракции съезда объявило себя партийной конференцией. Опираясь на заявления и декларации рядовых организаций и, главным образом, Ташкентской городской парторганизации, конференция серьезно раскритиковала фракционную деятельность «старых коммунистов» и прежний крайком заменила Временным Центральным Комитетом, который возглавил Андрей Солькин.

Однако ни руководители левых эсеров, ни «старые коммунисты» так просто не сдавали своих позиций.

Ташкент бурлил. В состоянии повышенного возбуждения пребывали не только партийные массы и работ-

ники советских учреждений. Волновались жители как нового (европейского), так и старого (мусульманского) города¹, принимали боевую стойку и скрытые враги Советов, которые чувствовали приближение момента: «Сейчас или никогда!»

Как ни был Кайгысыз Атабаев занят заботами, вызванными появлением дочери (не сына, как ожидал), он глубоко переживал остроту момента. Чтобы найти ответы на волновавшие его вопросы, много ходил по библиотекам, читал, встречался с разными людьми, особенно с теми, кто недавно приехал из России.

В самый канун Нового года, выходя из Белого дома — здания бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, в котором теперь размещался Совнарком, — Атабаев нос к носу столкнулся с Алесковским. Кайгысыз собирался пройти от Соборной площади вниз по Карла Маркса в Дом Союзов — в библиотеке имени Полторацкого договорился о встрече с ученым-энтомологом Иваном Александровичем Севастьяновым, который обещал интересную книгу.

— Чем занимаешься сейчас, Константин? — спросил Алесковский после обычных в таком случае ритуальных вопросов.

— Я — член Новогородской боевой партдружины, — с гордостью ответил Атабаев, и Алесковский подумал: «Скромничает. Точно, пост занимает».

— А где это?

— Штаб на Советской, угол Гоголя, как раз напротив Дома Свободы.

— Командуешь?

— Нет, я боец дружины, Борис Николаевич, нахожусь при штабе и, бывает, несу охрану банка, телеграфа или казначейства.

— Только и всего? — искренне удивился Алесковский. — Да ты что? Тебе не пристало. Чего это так?

— Сам пошел и попросился, Борис Николаевич.

— Поехали на фронт, там нужны люди, которые станут работать с местным населением. Хочешь, я сделаю?

— Нет, Борис Николаевич, у меня маленькая дочь. Ей месяц только, — сказал Кайгысыз.

---

¹ Условное деление территории города.

— Съезд обязал наладить агитационно-пропагандистскую работу, издание литературы на местных языках. Ты же учитель, Константин. Я поговорю с товарищами. Хочешь сейчас же? Пойдешь работать в издательство.

— Спасибо, Борис Николаевич, не надо.

— Да это мой партийный долг. В резолюции съезда так и записано — помогать и приобщать мусульман к ответственной работе, выдвигать их, а ты? Ты же и есть как раз такой! Однако смотри, не желаешь в издательство, поехали на фронт! Свистульки-бирюльки! Там вот как нужны партийные кадры! — Алесковский провел пальцем по шее. — Ты, кстати, ушел уже от эсеров? Как же иначе?

— Еще нет, — к лицу Кайгысыза прилила кровь, но смуглая кожа спасла, Алесковский этого не заметил.

— Ладно, все равно ты наш. Как только вернусь в Чарджуй, пришлю тебе вызов от штаба Закаспийского фронта! Точно!

— Мне пока здесь надо быть, — эти слова Кайгысыз произнес тоном, хорошо знакомым Алесковскому, тот знал, что настаивать дальше бесполезно, и все-таки продолжил:

— А то смотри, у нас сейчас начальником штаба Николай Паскуцкий. — То ли Алесковский имел в виду, что Паскуцкий был левым эсером, то ли знал о том, с каким энтузиазмом Атабаев принял выступление Паскуцкого на 6-м съезде Советов, когда тот хоть и косвенно, но призывал эсеров объединиться с большевиками.

— Вы вот скажите, это правда, что мервские туркмены вернулись из песков, как только пришли белые?

— Правда, но не прошло и месяца, как они увидели, что вытворяют белые, и снова ушли в пески, да еще в большем количестве.

— Вы имейте в виду, Борис Николаевич, туркмены отколются от белогвардейцев сразу, если им разъяснить настоящую причину того, почему здесь англичане. Туркмены уже и сейчас сильно возбуждены — они думают, что англичане пришли забирать их земли. — Атабаев еще не окончил мысли, как Алесковский его перебил:

— Вот, Константин, нам и нужны такие люди!

— Ну ладно, Борис Николаевич, я пойду. Передавайте всем нашим приветы. Говорят, не знаю верно, что в октябре банды Эзиз-хана в Теджене взяли в плен мать Паскуцкого. Надо бы кого через линию фронта послать.

Поговорите с Атаниязовым, он здесь, в Ташкенте. Надо ее освободить, а то будет плохо.

— Передам, Константин. Ну, давай руку. Будь здоров!

Алесковский возвратился в здание Белого дома, а Кайгысыз поспешил к Дому Союзов. Шагал и размышлял над реакцией Тани, которую вчера отчитал за сержки. Она встретила его у калитки, когда он пришел домой пообедать. Оправившись от родов, принаряженная, радостная Таня ждала мужа. Сержки ей были подарены старшей сестрой Наташей по случаю рождения дочери Зои. Но Кайгысыз возмущился таким проявлением мещанства. Он считал, что если уж скинули власть царя, то все должно быть по-новому, следовало решительно покончить и со всеми привычками и побрякушками старого обывателя. Потом он вспомнил, что у него сегодня свободный день, вечер надо бы провести дома, а может быть, и сходить с Таней в кино. В «Аполло» показывали интересный американский фильм о ковбоях.

У библиотеки Севастьянов уже вел беседу с пожилым человеком, должно быть, ученым или преподавателем. Кайгысыз приостановился, услышав слова профессора: «Он грубый, неотесанный. Угловатый какой-то весь. Никакой гармонии. А дух...»

— Прошу вас, Константин Сергеевич, подойдите к нам. Мы здесь с коллегой ведем разговор, присоединяйтесь.

Профессор оглядел Кайгысыза, его довольно дорогое пальто (времен работы в банке), серую каракулевую шапку, которую тот вертел в руках и успокоился, возможно, рассудив: «Друзья наших друзей — наши друзья», а Севастьянов с жаром продолжил:

— Вот-вот! Однако таких большинство. И будущее должно принадлежать большинству! Это справедливо.

— Но как они смогут что-либо толковое сделать?

— Я давно вам собирался сказать и думаю, сейчас это уместно. Я ведь тоже не хочу мириться с тем, что у вас вызывает возражения. Но я стремлюсь, в отличие от вас, поднять таких, как он, изменить их в лучшую сторону. Вы же тяготеете оставить их за границами вашего мира. Не видеть, забыть о них, хотя бы на время. А знаете отчего?

— Скажите, сделайте милость. Интересно!

— Вы свершившееся в России и здесь, в Туркестане, приняли только разумом. Я же — и душой! Я верю в

грядущую победу! И еще раз повторяю — всеми силами старайтесь делать их такими, чтобы они, простые люди из народа, поднялись над собой, усовершенствовались во всех областях и сферах своего бытия. Дайте им знания, привейте личную гигиену, уберите водку и раскройте перед ними силу и прелесть духовной красоты.— Севастьянов смолк.

— Я всегда считал вас человеком образованным, большим специалистом в своей области, Иван Александрович, но что вы такой блестящий теоретик — не знал.

— Загнули. Это просто необходимость, «атрибут» интеллигента, его суть — не делать ничего без убеждения, без веры в правоту. Здесь уместно вспомнить Достоевского.— Севастьянов развернулся к Атабаеву:— Русский гений считал высшей мерой наказания принуждать человека бесконечно переливать воду из одной бочки в другую.

— Да, да! Я уже не раз замечал, что появились у нас такие, переливают и других к тому понуждают.

— Правильно, что это вас настораживает. Тем более наше с вами значение возрастает. Только переборите в себе снобизм, социальную неприязнь. Тяжело и страшно, но жизненно необходимо. Или вы возьмете себя в руки и поможете ему взлететь, или он потянет вас до своего уровня — третьего не дано!

Кайгысыз стоял и часто моргал глазами. Перед мысленным взором возникла фигура его друга Мухаммедкули Атабаева. Подумалось: «Да. Мы еще в студенческие годы проводили вечера напролет, рассуждая, как лучше решить проблему, о которой сейчас так четко и ясно говорит Севастьянов. Во имя этого одолевали знания с удвоенным усердием», — а в ушах звучал голос их наставника по Учительской семинарии Меркуловича: «Знание, и только знание, делает человека свободным и великим».

Севастьянов проводил своего коллегу до дверей читального зала и вернулся к Атабаеву.

— Константин Сергеевич, я уже шибко задержался. Вот вам книга, — и он протянул новенький том Бартольда «Культура мусульманства». — Приходите сюда почаще. Прочтете, поговорим.

— Хорошо, но два слова, Иван Александрович. Что вы скажете по поводу декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»?

— Прежде всего, что это повторение январского дек-

рета СНК Российской Федерации, но только применительно к Туркестану.

— Но десяти месяцев мало, чтобы здесь можно было это понять.

— Молодцом! Верно мыслите, но я спешу, а разговор этот не короткий,— Севастьянов показал на книгу Бартольда и поклонился.

— Вакуфы¹ так просто не могут стать народными,— по инерции произнес Кайгысыз.

8

Военному комиссару Осипову было хорошо известно, что арестованные ЧК участники заговора, бывшие офицеры, как и он сам, умело держались на допросах и не раскрывали оставшихся на свободе. Одна нить, правда, вывела чекистов на личного адъютанта Осипова. Но появление военного комиссара республики собственной персоной на Воронцовской 49/52, где размещалось ЧК, похоже, оборвало эту нить. Чекисты освободили адъютанта.

Однако председатель ТуркЧК Фоменко и замнаркома внутренних дел Билик уже разрабатывали план ликвидации крупного заговора (он был намечен на 25 января), одним из руководителей которого подозревался Осипов. Задача была не из легких. Нужно было убедить руководство ТуркЦИКа, Совнаркома и крайкома в существовании подобного заговора.

Герою же нашей повести ничего конкретного известно не было. В ночь на 19 января, когда он, сменившись с дневного дежурства, крепко спал, вспыхнула вооруженная борьба. Из разных разговоров он уяснил, что затеявшие ее имели пароль: «Левые эсеры». Атабаев решил не выходить из дома. В выступлении против законной власти на стороне эсеров он принимать участия не желал. Таня плакала от радости, полагая, что муж послушался ее совета.

Утром стало известно, что весь город в руках мятежников, а какую они преследуют цель, толком никто не мог сказать.

Осипов, опираясь на контрреволюционное офицерство, входившее в «Туркестанский союз борьбы с больше-

---

¹ Имущество, земля религиозных учреждений.

визмом», на часть национальной буржуазии, мусульманского духовенства и пользуясь советами английского разведчика майора Бейли, сумел перетянуть на свою сторону некоторых левых эсеров и воинские части. Мятежников не поддержали Главные железнодорожные мастерские, военное училище. Верными Советской власти оказались Новгородская боевая партдružина, расположенная в Доме Свободы, артиллерийская учебная команда, стоявшая в гарнизонной крепости, часть красноармейцев 4-го Туркестанского полка, курсанты Оренбургской школы военных инструкторов и первых туркестанских командных курсов — всего до полутора тысячи человек. На стороне мятежников воинских сил оказалось втрое больше.

Под предлогом возникшей необходимости срочно обсудить важные вопросы Осиповым были вызваны в казармы 2-го Сибирского полка председатели ТуркЦИКа В. Д. Вотинцев, Совнаркома — В. Д. Фигельский, ТуркЧК — И. П. Фоменко и еще одиннадцать комиссаров и видных большевиков Туркестана. Приглашенные, как только собрались, были схвачены и расстреляны в казармах 2-го Сибирского стрелкового запасного полка.

Однако утром 20 января слушатели Ленинского училища и рабочие отряды Главных и Бородинских железнодорожных мастерских при поддержке артиллерии крепости пошли в наступление. В жарких схватках один за другим у мятежников были отбиты важные пункты по Кайлюкскому тракту, по улицам Старо-Госпитальной и Духовской. В середине дня мятежников выбили из Белого дома. Осипов, сумев ограбить банк, бежал в Бухару, откуда перебрался в Афганистан.

Кайгысыз Атабаев, когда оставшиеся в живых товарищи по дружине не без оснований принялись распекают его за отсидку дома, достал из кармана гимнастерки заранее заготовленное заявление о приеме его в ряды РКП(б). Он объяснил, что был сбит с толку слухами о выступлении левых эсеров.

Через три недели Атабаев был принят в партию большевиков с зачетом стажа пребывания в партии эсеров. Прежние сомнения по поводу того, чем кончатся разногласия между левыми эсерами и большевиками, теперь его не терзали. Он испытывал истинное счастье от того, что после ликвидации в конце января оренбургской «пробки» из России в Туркестан по железной дороге потянулись специальные маршруты с хлебом и другим

продовольствием, медикаментами, сельскохозяйственными орудиями и кипами тканей. В Ташкент прибыли опытные партийные и советские работники. Одна только Тверь (ныне Калинин) направила сто пятьдесят инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Поступало оружие, боеприпасы, артиллерия, самолеты, прибывали и свежие воинские части.

Атабаев, не переставая, с глубокой радостью в душе рассказывал своей Тане о том, что на 7-м Чрезвычайном съезде Советов Туркестана по настоянию председателей ТуркЦИКа А. Казакова и крайкома партии Солькина было решено упразднить комиссариат и секции по национальным делам, но под давлением приехавших из Москвы товарищей и Петра Кобозева эти учреждения вновь были восстановлены.

В начале апреля Кобозев возвратился с Астраханского фронта в Туркестан уже членом Особой временной комиссии ЦК РКП(б) и СНК РСФСР. Мандат, подписанный Лениным, давал ему право на руководство партийной работой и надзор за исполнением декретов и постановлений Советского правительства.

Была встреча с Атабаевым, Кобозев предложил ему работу в Наркомате просвещения. Кайгысыз отказался, ответив, что видит свой партийный долг в борьбе за освобождение Закаспия и хотел бы уехать на фронт. Он подал заявление и в конце апреля получил задание — выяснить нужды фронта в литературе и пропагандистских материалах на местных языках для красноармейцев и для мирного населения. Когда Атабаев прибыл в Чарджуй, там уже заканчивалась подготовка к решительному наступлению. Николай Паскуцкий проявил свои незаурядные качества военного и партийного организатора. Полки были переформированы и укреплены командными и партийными кадрами, дисциплина налажена, управление фронтом реорганизовано, как того требовали принципы регулярной Красной Армии, Временно-политический штаб был заменен Реввоенсоветом фронта.

Войска Великобритании покинули территорию Закаспия, убедившись, что контрреволюционные устремления мятежников обречены на провал, что русский и туркменский народы окончательно отдали свои симпатии большевикам, Советской власти. Но место английских рот и батальонов тут же заняли подразделения частей белого генерала Деникина.

Однако теперь уже ничто не могло остановить запланированный удар по контрреволюционному, ставшему открыто белогвардейским правительству Закаспия, созданному после асхабадского мятежа, и наступление советских войск началось в назначенный день.

Свет ярко вспыхнувшей лампочки в помещении, где наскоро разместился штаб Закаспийского фронта, как бы прибавил энергии людям, утомленным бессонной ночью и напряжением боевого дня. Рабочие Байрам-Али, с радостью встретившие Красную Армию, обещали к вечеру исправить на электростанции повреждения, совершенные белыми, и слово сдержали.

— Я полагаю так — Победа! С большой буквы! — командующий фронтом Алексей Соколов, красавец, с тонкими чертами юношеского лица и ясными, добрыми глазами, говорил, стремясь придать весомость своим словам. — Надо точно подсчитать трофеи, наши потери и только тогда составить реляцию в Ташкент. Наша телеграмма, думаю, уже дошла по назначению. Там уже знают о главном.

— Полностью согласен, — поддержал его председатель Реввоенсовета фронта Николай Паскуцкий. Он сидел за огромным столом красного дерева. Лицо его сильно осунулось. Густые усы над слегка раздвоенной верхней губой отвисли.

У стола поменьше, заваленного бумагами, сидел заведующий оперативным отделом Иван Ефимов — небольшого роста, с черными, как вакса, зачесанными назад волосами и усами, отпущенными на манер Паскуцкого. Начштаба Сергей Попов и одорукий Василий Мальков, заведующий политическим отделом РВС, расположились у окна.

В дверь просунулась голова Кайгысыза Атабаева.

— Разрешите?

— Входи, товарищ Атабаев, — дружески пригласил Паскуцкий. — Ну что? Уточнил?

— Да, товарищ Паскуцкий, все три случая подтвердились.

— Считаю необходимым, товарищи, издать приказ, отпечатать типографским способом и широко распространить листовки в боевых частях, — предложил Паскуцкий. — Если нет возражений, кто-нибудь зовите ремингтонистку.

— Ты готов диктовать прямо машинистке? — спросил командующий.

— Готов! Я сейчас в настроении, — Паскуцкий улыбнулся и закурил очередную папиросу марки «Элегантные».

— Тогда, Николай Антонович, давайте я запишу, — предложил Ефимов. Он тут же проворно обошел стол, уселся, придвинул к себе лист чистой бумаги, выдернул из нагрудного кармана карандаш. — Приказ номер шестьдесят четыре.

— Так! Хорошо! Слушайте и поправляйте! — Паскуцкий глубоко затянулся и начал диктовать: — «С развитием военных операций и продвижением нашей армии вперед Реввоенсовет фронта призывает товарищей красноармейцев относиться к населению занятых местностей как к нашим братьям, ни в коем случае не допускать грабежей и насилия, помня, что этим они сохраняют честь Красной Армии. Все грабители и мародеры будут караться самым беспощадным образом, вплоть до расстрела без суда!»

Ефимов оторвал взгляд от бумаги, посмотрел на товарищей, те несколько помедлили, но тут же дружно поддержали Паскуцкого.

Дверь отворилась, в комнату вошел политкомиссар фронта, член РВС Михаил Мжельский, высокий, длиннолицый, с короткими усиками, кушкинский большевик. Должно быть, он слышал последние слова Паскуцкого и сразу оценил обстановку.

— Если догадываюсь, то это дело! Дисциплина в полках намного повысилась, — это да, настроение превосходное, подъем духа что надо. Но есть и отступления.

— Так вот, дальше, — Паскуцкий почесал затылок, снова затянулся. — «Товарищи! Очищая местности, ныне занятые противником, мы освобождаем угнетенные народности от гнета капиталистов и поработителей, этим мы исполняем наши обязанности...»

— Я бы сказал — святыне обязанности, — предложил Соколов.

— «Святыне обязанности борьбы за справедливость, и мы должны быть честными бойцами, показать миру нашу доблесть и благородство!»

— Правильно, Николай! — произнес Мжельский.

— И последнее: «Реввоенсовет выражает полную уверенность в том, что товарищи красноармейцы не запятнают своего Красного знамени!»

— Коля, лучше тебя, ей-богу, никто не сочинил бы,— с уважением произнес Соколов, его поддержал начштаба Попов.

— Товарищ Паскуцкий, разрешите сделаю перевод. Это необходимо, я уверен.

— Правильно, товарищ Атабаев! Действуй, Костя!— сказал Паскуцкий, присутствующие согласно закивали.

— И еще могу доложить, я по пути побывал в типографии. Там наши ребята из политотдела наводят порядок. Все кассы на месте. Так что типография готова.

— Спасибо за инициативу, Константин Сергеевич.

Когда Атабаев вышел, Соколов спросил:

— Он ведь из местных? — и добавил: — Смышленный товарищ.

— Кайгысыз Атабаев, из Мерва. Был в Ташкенте и Реввоенсоветом Республики прикомандирован к нам,— ответил Паскуцкий.

— Мы хорошо его знаем, товарищ Соколов,— это говорил Василий Мальков.— Толковый! Бывший учитель и банковский служащий. Дружил с передовыми рабочими. После Февральской бросил банк, хотя имел там приличный заработок. Возглавил мервский продовольственный комитет. После расстрела белыми Полторацкого скрывался у друзей, а жена в это время носила ребенка. Он участник 6-го съезда Советов в Ташкенте. В Красную Армию пошел простым красноармейцем...

На дворе уже занималась заря, когда заведующий мусульманской секцией политотдела Фатхил Рахматуллин и Кайгысыз Атабаев передали бойцам, присланным в типографию Мальковым, листовки с приказами РВС, отпечатанные на русском и туркменском языках. Усталые, но довольные, они, пожав друг другу руки, разошлись по домам.

9

Описанный эпизод произошел вечером 21 мая 1919 года. Днем того же дня, в результате атаки на хорошо укрепленные противником позиции, после жаркого и многочасового сражения, был взят город Байрам-Али. А через двое суток штаб фронта разместился уже в Мерве. Атабаев испытывал неведомое ему доселе ощущение радости, которое буквально захлестывало его. Он хотел в один день сделать все: узнать о судьбах друзей, выявить и

наказать врагов и предателей, помочь нуждающимся и всем рассказать, что он видел в Ташкенте и что там думают о Советской власти.

Кайгысыз проводил до вокзальной площади, где стояли их кони и арбы, группу яшули и представителей местных родов. Уже в комнате Кайгысыз сбросил гимнастерку, скинул сапоги и принялся с карандашом в руках просматривать списки богатых и влиятельных людей, покинувших Мерв и окрестные аулы.

Он прекрасно понимал, что нельзя вернуть жизнь города и уезда в нормальное русло без возвращения разбежавшегося с приближением Красной Армии мирного туркменского населения. Нельзя, как следовало бы, безо всего населения организовать аульные, волостные и уездные комитеты. Трудность создания комитетов из представителей населения, поголовно неграмотного, была очевидна. Сложной, на взгляд многих, непреодолимой проблема эта становилась еще и потому, что среди туркмен почти не было членов партии. Рассеять ложь и провокационную клевету на Советскую власть и ее сторонников не составляло особого труда. Однако, когда фронт двинется дальше, штаб, политотдел с мусульманской секцией и боевые части уйдут из Мерва, на кого тогда опираться? Поиск ответа на этот вопрос лишал сна.

А в это время в номере люкс «Гранд-отеля», который пятые сутки служил временным кабинетом председателя ревкома Мерва нового состава, Самуил Гейвандов диктовал текст письма. Он — осунувшееся, обросшее лицо, ввалившиеся глаза, волосы над широким лбом взъерошены — был возбужден и не замечал, как сладко зевала в паузах, старательно прикрывая рот рукой, машинистка. Помимо приказов и распоряжений она уже отпечатала массу писем. Вот и сейчас в каретке машинки было заложено письмо, которое будет зарегистрировано в книге учета исходящих бумаг под № 90. А уездный ревком работал менее недели. Письмо было адресовано в политотдел РВС Закаспийского фронта товарищу Малькову. Содержание его было кратким, но конкретным:

«Ввиду крайней нужды в партийных работниках-мусульманах просим об откомандировании в распоряжение политотдела фронта для последующей работы среди туркмен Мервского уезда товарища Атабаева, моби-

лизованного в Ташкенте и находящегося в распоряжении Реввоенсовета Республики.

Председатель Мервского ревкома
С. Гейвандов».

В ту же ночь Гейвандов зашел в штаб и заручился поддержкой Малькова. Тот дописал: «Просьбу Револькома нахожу вполне основательной и прошу уважить». Ждали председателя РВС фронта Паскуцкого из поездки под Теджен, где части Красной Армии готовились нанести новый удар противнику. Прибыв в Мерв, он сделал на письме собственноручную запись: «Затребовать телеграммой на имя Реввоенсовета Республики».

Через сутки по штабу фронта в приказе № 44 появились строки:

«Ташкентской партдружины товарищ Атабаев с 1-го сего июня прикомандировывается к политотделу штаба фронта для организационных работ и с того же числа зачисляется на все виды довольствия на положении красноармейца, согласно приказу № 197. Справка: приказ ПО фронта от 2.VI за № 17».

В кабинете председателя Мервского ревкома находились председатель исполкома уезда Борис Алесковский, председатель Мервского Совдепа Андрей Лысенко, председатель уездного суда Роберт Кизнер, журналист-переводчик следственной комиссии уезда Чары Мурадов и другие товарищи. Шло обсуждение дел, которые надлежало решать в первую очередь.

— Ну вот, если правильно, тогда я хочу, чтобы мое предложение было обсуждено и принято. Но, я уже говорил об этом Николаю Антоновичу и Малькову, я хочу, чтобы все знали: работаю я в уезде, но остаюсь в составе политотдела.— Атабаев решительным взглядом обвел всех присутствующих.

— Ваше пожелание учтено.— Гейвандов произносил слова с расстановкой и перешел на «вы», он видел, что Алесковский и Лысенко, прежде занимавшие более высокие посты в Совете Мерва, не одобряют исключительности положения, созданного Атабаеву.

— Тогда, если не возражаете.— Кайгысыз два дня и две ночи размышлял о том, что собирался сейчас сказать. Даже проверяя себя, записал свои мысли на бумаге.— Сейчас главная наша трудность состоит в том, что напуганное всевозможными слухами туркменское население, бежавшее в пески, до настоящего времени не возвращается к месту своего постоянного жительства.

Я это хорошо знаю, потому как создавал аулсоветы. Причина одна — страх! До них доходят только провокационные бредни. Считаю, что следует немедленно провести в жизнь. — Атабаев сделал паузу, ему очень хотелось, чтобы его предложения были поддержаны и доложены членам Реввоенсовета фронта. — Первое. Полную амнистию туркменам, обманом вовлеченным в действия против Советской власти. Второе. Объявить населению, что никаких принудительных наборов в войска Советское правительство не думает проводить. Третье. Все дела уголовного характера, совершенные до вступления красных войск в Мерв, передаются из трибуналов в ведение обычного суда.

— Это как же? — выпалил Лысенко.

— А так. Подумайте, товарищи. — Кайгысыз успел заметить, что Кизнер согласно кивает. — Это справедливо, гуманно, покажет наше расположение. Ведь большинство преступлений совершено туркменами в период безвластия. Четвертое. Учредить по нашему выбору временную комиссию из туркмен. Я говорил об этом с товарищем Рахматуллиным, он согласен, у него составлен список. Это будет совещательный орган до созыва уездного Совета, то есть до тех пор, пока в аулах не будут созданы комитеты бедноты.

Желаемой реакции членов ревкома не последовало. Явную поддержку предложениям Атабаева оказывали только Кизнер и Чары Мурадов, который от возбуждения даже вскочил со стула.

— Почему, товарищ Атабаев, ты считаешь, что надо создавать комитеты или комиссии только из туркмен? — Лысенко не скрывал своего недовольства предложением Атабаева. — В Мерве было и есть достаточно коммунистов, которые возглавят власть. Или ты баев привлекать советуешь нам? Среди местных нет партийцев, в городах они почти не живут и не готовы понять пролетарской революции. Не готовы! Так что я не знаю, что скажут в РВС фронта.

Атабаев не ответил. Он чувствовал, что Кизнер возмущен, остальные тоже не вполне согласны с Лысенко. Еще в Ташкенте Кайгысыз переписал в свою записную книжку, которую всегда, как партийную карточку, носил с собой, слова наркомнаца РСФСР Сталина из его обращения «Совдепам и партийным организациям Туркестана». Кайгысыз наизусть знал эти слова: «С освобождением восточных окраин перед партий-

но-советскими работниками встает задача вовлечения трудовых масс национальностей этих окраин в общую работу строительства социалистического государства. Необходимо поднять культурный уровень трудовых слоев, просветить их социалистически, развить литературу на местных языках, ввести наиболее близких к пролетариату местных людей в советские организации, приобщить их к делу управления краем».

— Как же иначе, товарищи? — Роберт Кизнер слегка растягивал букву «р». — Как иначе можно будет сделать, чтобы Советская власть стала близкой трудящимся Закаспийской области?

Все согласно закивали, Алесковский, а затем и Гейвандов согласились с тем, что предложения Атабаева следует передать на обсуждение в Реввоенсовет фронта.

10

Лето было гнетущим, генерал Дутов опять перерезал Оренбургскую железную дорогу, прервав связь с Центром. Опять ощущался недостаток в хлебе и продовольствии.

Кайгысыз не обращал внимания ни на жару, ни на пыль, ни на нехватку продуктов. Он снова чувствовал себя счастливым. Закаспийский фронт победоносно продвигался вперед. В политотделе состав мусульманской секции утроился за счет присланных из Ташкента товарищей. Укрепился коллектив агитаторов и организаторов, который работал среди местного населения уезда. Теперь рядом с Атабаевым трудились и другие коммунисты-туркмены, в их числе Халмурад Сахатмурадов, окончивший ташкентскую Учительскую семинарию, грамотные Аннаберды Бурунов, Худайкули Ханов, Меред Перлиев, Бяшим Кульбешеров. Они активно помогали создавать аульные советы.

На днях — он с нетерпением ждал телеграммы — к нему должна выехать из Ташкента его Танечка с дочуркой. К их приезду все уже было готово. Но самой главной радостью, наполнившей душу гордостью, а сознание победой правого дела, была радиограмма ЦК РКП(б) от 12 июля 1919 года.

Эту радиограмму все друзья и единомышленники посчитали первой ласточкой, возвестившей наступление новой весны на Востоке. Центральный Комитет партии,

В. И. Ленин категорически высказались за право местных народов на широкое и пропорциональное представительство и участие в государственной и партийной жизни Туркестана. Это сосредоточивало власть в руках трудящихся, закрепляло союз рабоче-крестьянской России с красным Туркестаном. Это осуществляло в Туркестане самоопределение народов, уничтожало национальное неравенство и демонстрировало трудящимся массам, что строй рабочих и крестьян есть власть и она является истинно народной.

В конце августа на 1-й Мервской уездной партконференции Атабаев был утвержден на должность заместителя председателя уездного исполкома. Теперь он стал работать рука об руку с Иваном Бухаренко, заведующим Управлением тыла фронта. Они занимались заготовкой и снабжением продуктами, фуражом и другими товарами армии и населения освобожденной территории.

Много лет спустя об этих днях вспомнит сам Кайгысыз Атабаев: «Многие, вероятно, помнят, каков был тов. Паскуцкий: «В 24 часа — 40 вагонов хлеба, в 24 часа — 60 вагонов дров, в 24 часа — 30 верблюдов» и так далее, и мы по мере возможности выполняли задания. Мы знали, что Ташкенту трудно, он рвется на два фронта — Оренбургский и наш. Надо сказать, что Паскуцкий не верил своим глазам, что делалось. Мы пользовались исключительной поддержкой населения».

Сложным был вопрос с хлебной монополией. Дело в том, что в целях более эффективного проведения в жизнь мероприятий, связанных с осуществлением хлебной монополии, введенной ТуркЦИКом и Совнаркомом, Наркомпрод Туркестана вопреки мнению крайкома, прислал в Мерв коллегию, которая считала себя единственной заготовительницей хлеба в уезде. Не располагая большим аппаратом, она стала действовать через частных агентов. На стороне коллегии было преимущество — она отоваривала сдаваемый хлеб мануфактурой и продуктами. Однако к началу ее деятельности значительная часть запасов хлеба, а у бедняков — весь запас был уже закуплен армией и государственными продорганами по цене 40 рублей за пуд. Коллегия закупала хлеб в основном у баев по 50 рублей за пуд, да еще отоваривала эти деньги мануфактурой и продуктами. Баи смекнули и всюду стали придерживать зерно. Начались перебои в торговле хлебом, цены на него взлетели. В некоторых

аулах уже требовалось применение вооруженной силы, иначе население не продавало хлеба.

Атабаев проявил инициативу и вместе с уездным мусульманским бюро РКП(б) подготовил материал, который лег в основу приказа № 163 РВС фронта, отменявшего, с учетом местных особенностей, хлебную монополию в Закаспийской области, являвшейся прифронтовой полосой. Одновременно воспрещалась продажа хлеба на базарах, частные лица не могли закупать в целях спекуляции и вывоза за границу крупных партий хлебных злаков и скота. Однако разрешен был беспошлинный ввоз из Афганистана и Персии всяких продуктов и товаров для снижения цен на базарах Закаспия.

И в недельный срок картина изменилась в лучшую сторону.

Срочная телеграмма, подписанная Паскуцким, ждала Ивана Бухаренко на столе его кабинета. Он поеживался — ранняя, внезапно наступившая осень, холодный утренний дождичек давали себя знать. Однако, ознакомившись с текстом депеши, Бухаренко крикнул, озноба как не бывало. Помятое от ночного сна лицо разгладилось. Он сел в кресло, упер локти в стол, обхватил голову руками, как делал всегда, когда нужно было подумать: «Где, к лешему, достану я этих верблюдов? Восемьсот голов, да еще с седлами! А денег не дают. Да и зачем им столько сразу? Не есть же. Надо. Вот задача! — Бухаренко яростно почесал затылок. — И неделя сроку, ни дня больше. Здесь сам шайтан ничего не сможет. Но делать что-то надо, Иван. Ломай башку. Кто может выручить? Только дехкане. Айда напрямик к Атабаеву. Во!» — Бухаренко посмотрел в окно — управленческий фаэтон стоял на месте, рядом с номерным знаком на задке коляски красовалась порядком уже потертая табличка: «Лихач».

От здания бывшего железнодорожного училища, где размещались подразделения штаба Закаспийского фронта, до «Гранд-отеля» было рукою подать, но Бухаренко уже почему-то твердо уверовал, что с Атабаевым, окажись он только на месте, они обязательно поедут дальше. В кабинете Атабаева сидел молодой дехканин, активист исполкома Сапаржа Аманеков. Они о чем-то горячо спорили на родном языке, который Бухаренко понимал с пятого на десятое.

— Выручай, друг Костя! Вся надежда на тебя! — начал было Бухаренко, держа перед лицом телеграмму.

— Нет, ты погоди! Не умираешь? Нет. Ты вначале скажи, что там на съезде происходит? Слух по городу плохой ползет, — Атабаев поднялся из-за стола, и, без того всегда кажущийся тяжеловатым, взгляд его иссиня-черных глаз был грозным. — Что за шумиха, из-за чего? Казаков, Успенский¹, Сорокин² встали стеной против Кобозева. Дошел слух, я не верю, что Кобозев арестован.

— Имело место. Поспорили друг с другом малость. — Но тут Бухаренко устыдился самого себя. — Черт возьми! Все — радиogramма ЦК, из Москвы. Все, кого ты назвал, пошли против линии ЦК.

— Почему? — спросил Кайгысыз и махнул рукой, жест, который следовало понимать так, что он сам знает ответ.

— Да потому, что считали и старались другим доказать, что только русский рабочий класс может быть единственной опорой Советской власти в Туркестане. Но ты же знаешь, что это не так! — Атабаев молчал и Бухаренко продолжил: — Они еще выступили против использования в армии и в совучреждениях старых спецов.

— А верно, что Казаков заявил: «Уйду со всех постов, если Кобозев не уедет из Туркестана. Он или я!»?

— Было и это, Костя. Дело дошло до того, что фракция «старые коммунисты» стала призывать рабочих и рядовых членов партии признать 8-й съезд неправомочным и его распустить. Арестовали Кобозева по указанию председателя Ташкентского исполкома, который заявил, что если Кобозев будет на свободе, то он не отвечает за состояние войск.

— Против кого они собрались выступать?

— То-то и оно, Костя. Ты не волнуйся, все обошлось. То, о чем говорил Ленин, к чему призывал Кобозев, — победило. Мусульманские секции — это теперь дело железное. Кобозева съезд в обиду не дал. Его выпустили из-под ареста. Успенского покарают. Казакову и другим товарищам указано на их серьезные ошибки. ТуркЦИК и крайком уже переизбраны, будет назначен и новый председатель Совнаркома. Там все в порядке, Костя, а вот у нас с тобой прямо беда! Через неделю мне

¹ К. Я. Успенский — зампред ТуркЦИКа.

² К. Е. Сорокин — Председатель СНК Туркестанской республики.

не носить головы на плечах и тебе больше не с кем будет по-дружески калякать.

— Ветка ломается там, где сгибается, товарищ Бухаренко,— словно стыдясь своих слов, произнес Аманеков.

— Чего еще скажешь? — сухо спросил Бухаренко, посчитав, что парень вмешивается не по делу.

— Иван, если ты так пугать станешь, и трех дней головы не сносишь,— заявил Атабаев, а Бухаренко протянул ему телеграмму.

Брови тут же сошлись на лбу Атабаева.

— Вах, вах! — вырвалось из уст Кайгысыза чисто туркменское междометие, выражающее и удивление и сожаление.— Вот как! Ну, чего же — это хорошо!

Бухаренко уставился на Атабаева немигающими глазами.

— Ты чего? — Бухаренко обиделся.

— Но ведь сколько уже стоим? В лоб их позиции не взять.

— Ты так думаешь? — Лицо Бухаренко расплылось в радостную улыбку.— Светлая у тебя, Костя, голова.

— Это мы через неделю посмотрим,— серьезно произнес Кайгысыз и обратился к своему молодому товарищу: — Сапаржа, дуй прямиком на базар — они оба должны быть сейчас там,— найди Атаниязова и Комекова. Пусть ждут нас у трибуны через полчаса. Туркмен знает, что просить — позорно, но не давать — позор вдвойне.

Сапарже не надо было дважды объяснять. Глядя ему вслед, Атабаев покачал головой:

— Только вот всем же сразу станет ясно, что верблюды нужны для передвижения войск в обход Кызыл-Арвата. Зачем же еще? И противник об этом узнает. Это точно!

Теперь до Бухаренко дошел смысл атабаевских слов.

— Да ты только достань скотину! Я ее в одну ночь двумя эшелонами под самый Кызыл-Арват доставлю. Вагоны найду в два дня.

— Ты хорошо говоришь, Иван. Будто из кармана рубль достаешь или воду из колодца. Но восемьсот — это не восемьдесят, а денег у штаба нет. Придется еще раз испытать нашу силу. Надо только твердо заявить: «Берем взаимобразно. По истечении надобности верблюдов вернем владельцам или за каждую голову — рыночная цена». Это справедливое условие, Иван!

— Давай! Хош! ¹

— Чего давай, Иван? Это серьезно! Не шути.

— И я серьезно, товарищ Атабаев. Слово даю! Гарантирую!

— Ну, тогда поехали.

На базаре их ждали Атаниязов и Чурли Комеков — свежеспеченный член партии. Сапаржа был рядом. Атабаев разъяснил план действий.

— Начинай, Сапаржа! — Атабаев положил парню руку на плечо.

Сухая, крепкая фигура Аманекова подтянулась. Он поправил красный изношенный халат, посмотрел на свои ноги, к их подошвам сыромятными ремешками были привязаны куски кожи, перевел взгляд на Бухаренко и полез на помост, который прежде служил для жарчи — глашатаев. Сапаржа снял белую, изрядно потрепанную папаху и громко крикнул:

— Елдашлар! Фронтдан тезе хабар бар! Новые вести с фронта! — громко несколько раз повторил он эти слова, прежде чем раздались голоса: «Тише! Что там говорит глашатай?»

Дехкане приближались к говорящему. Когда помост окружило плотное людское кольцо, на него поднялся Атабаев. Высокий, стройный, он был одет в длинную кавалерийскую шинель, из-под которой виднелись аккуратно начищенные сапоги. Черную, блестящую кожаную фуражку он не снял. Откашлявшись, Атабаев своим негромким, но внятным голосом начал:

— Елдашлар! Мир и счастье вашим домам! Хочу сказать, что войска Советов вместе с лучшими сыновьями нашего народа, под руководством старшего брата, русского рабочего и русского дехканина, успешно очищают туркменскую землю от белогвардейцев — слуг оказавшегося для туркмен плохим белого царя. Под давлением этих войск англичане ушли с нашей земли. Красная Армия, к которой и я принадлежу, не есть армия поработителей. Мы — армия освободителей! Изгнали англичан и теперь осталось недолго — покончим и с белогвардейцами. Они сейчас крепко, пока крепко еще сидят в Кызыл-Арвате. — Базар еще шумел, кое-кто переговаривался с соседом, слышались и выкрики: «Тише!» — Многие из вас хорошо знают, что Эзиз-хан — ярый враг, но и у него открылись глаза. Он хотел отказаться от борьбы с

---

¹ Ладно, хорошо!

нами и за это был убит англичанами. Его боевой отряд возглавил Кизыл-хан, который сам добровольно пришел к нам. Я принимал участие в переговорах с ним. Овезбаев и Хаджи-Мурад, — какие им предоставлялись там высокие посты! — и те ушли от белых. И сейчас, я должен вам сказать, Овезбаев формирует туркменский красивый кавалерийский отряд. Два почтенных туркмена не пожелали идти против интересов своего народа, хотели, чтобы туркмены обрели мир и сытую, спокойную жизнь. Поэтому они и перешли на сторону Советской власти. Махтум-Кули-хан и Нобат-хан Коушут-хан оглы тоже с нами.

Теперь над базаром воцарилась тишина, было слышно лишь изредка движение скотины, звон металлических частей конской упряжи. Солнце стало припекать, Атабаев распахнул шинель.

— Сейчас нам нужно отправить на фронт восемьсот верблюдов с седлами! Обязательно! Необходимо! Чтобы освободить Кизыл-Арват и дальше гнать врага. Мы просим вас оказать фронту помощь. Успех зависит от вас. Верблюды будут возвращены каждому владельцу или он получит хорошие деньги за скотину.

По толпе прокатился говорок одобрения, а Атабаеву показалось, что в дальнем ряду он видит под пышной туркменской папачой знакомые глаза полковника Наибова. «Не может быть! Он, поди, сейчас в Кизыл-Арвате, если, хитрец, уже не подался в Персию». Атабаев затянул паузу и жестом пригласил на трибуну Бухаренко.

— Вот командир тыла фронта. Его люди ровно через час во дворе товарной станции начнут составлять списки. Там вас будут ждать. Но, если вы не пожелаете сегодня дать верблюдов для фронта, помните — белогвардейцы и английские интервенты могут вернуться. И все будет как прежде.

Атабаев умолк, слышались голоса: «Надо помочь! Надо дать!» Но не находилось смельчака, который бы первым это сделал. Тогда на помост поднялся гигант Атаниязов. Он говорил красноречиво, со знанием психологии тех, к кому обращался. Закончил свое выступление словами:

— Я сейчас отправлюсь домой и первым приведу своего верблюда на товарный двор!

Атаниязова сменил Чурли Комеков, который сказал, что отдает своего верблюда и попросит отца сделать то же самое. Тогда из толпы стал проталкиваться к помо-

сту седобородый старик. Раздались голоса: «Тише! Пусть говорит!» Яшули поднял руку:

— Я так думаю, что мы все должны помочь. Дадим по верблюду.

Раздались возгласы одобрения, тут же выбрали комиссию из пяти человек постарше. Ей надлежало присутствовать при сдаче верблюдов Управлению тыла. Атабаев знал, что каждый из этих пяти человек станет затем всю жизнь рассказывать с гордостью своим сыновьям и соседям о высоком поручении, которое ему было доверено выполнить.

К исходу вторых суток во дворе товарной станции оказалось 813 верблюдов, и Бухаренко хотел было 13 из них возвратить владельцам, но ни один из них не пожелал взять своего верблюда назад.

11

В ноябре Атабаева РВС фронта перевел в Полторацк — так сразу после занятия его Красной Армией стал называться город Асхабад. Атабаев занял пост заместителя председателя облревкома. Стало труднее. Область не уезд, и Полторацк не Мерв. Там его знали и он всех знал, и дело уже было налажено. В Полторацке же пылали страсти. Фронт со всеми своими требованиями совсем рядом, восстановление разрушенного куда большего, чем в Мерве, хозяйства, строительство советского и партийного аппаратов — все требовало огромных сил, знаний, многое приходилось начинать с нуля.

Первые два месяца Атабаев присматривался, ему казалось, что другие знают больше и следует у них учиться. Разговор с Куйбышевым, состоявшийся тогда, в декабре, стал семенем, которое дало первый росток. Кайгысыз раскрыл перед Куйбышевым свои затаенные думы как перед представителем власти, способным правильно его понять.

Поначалу, во время обсуждения и принятия решений по делам облревкома, Атабаев ощущал смущение, часто не находил в себе уверенности высказывать и твердо отстаивать свое мнение. Особенно остро он переживал «притирку», налаживание деловых отношений с работниками, которые приехали в Полторацк со штабом 1-й армии, членами ее политотдела. Главной причиной разногласий, при безусловно большем опыте приезжих

товарищей, было недопонимание многими из них необходимости учета в работе местных условий.

В феврале — марте 1920 года состоялось партийное совещание, оно проходило бурно — разгорелись политические споры и личные страсти. Тогда же в Полторацк приехали Ш. Элиава — председатель Турккомиссии и М. Фрунзе — член комиссии и командующий Туркестанским фронтом. После встреч с ними, подготовки и проведения 1-го съезда представителей туркменского народа, в котором активное участие приняли Элиава и Фрунзе, сумбур в голове у Атабаева как бы улегся.

Особенно пришлось по душе Кайгысызу мысли Шалвы Элиавы, которые немедленно были занесены в заветную записную книжку, подаренную Куйбышевым. «Я счастлив сейчас перед вами засвидетельствовать искреннее желание Советского правительства не жалеть ни средств, ни материальных, ни духовных, чтобы эту задачу просвещения молодого туркменского поколения проделать здесь до конца...» И еще: «Если вы теперь забудете, отрешитесь от старого подозрения к Российской власти, если посмотрите на нас, как на людей, желающих не выгоды для себя, а добра и просвещения для туркменских масс, если это сознание между нами установится, то в ближайшее время мы добьемся величайших результатов и Туркестан станет образцом для всех соседних стран».

Элиава говорил о необходимости создания административного аппарата, о привлечении к строительству новой жизни уважаемых народом представителей родов и племен, об оказании материальной, технической помощи туркменскому народу в организации хозяйства, о создании аппарата социального обеспечения беднейшей части туркменского народа, о постановке образования с привлечением к просвещению всех туркменских детей школьного возраста, а также всех желающих получить образование.

Участники съезда благодарили Советскую власть за свое освобождение. В резолюции съезда было записано, что для поднятия экономического благосостояния народных масс необходимо создать соответствующий экономическим особенностям туркменского народа административный аппарат, привлечь к работе уважаемых народом представителей родов и племен. Съезд единодушно принял приветствие В. И. Ленину: «Мы, туркмены, клянемся стоять грудью, как один человек, на страже завоева-

ний Советской власти, и мы скорее погибнем в борьбе, нежели позволим врагам социальной революции опрокинуть Советскую власть в Туркестане и во всей России».

Все это происходило в Полторацке в то время, когда в Ташкенте национал-уклонисты¹, совместно с не осознавшими свои заблуждения «старыми коммунистами», в борьбе с колонизаторством и великодержавно-шовинистическими настроениями части европейских партийных и советских руководителей впали в другую, не менее опасную крайность. Группа ответственных работников во главе с Тураром Рыскуловым, по сути дела, вела Туркестан к отрыву от Советской России. Игнорируя решение ЦК РКП(б), эти товарищи требовали упразднения Турккомиссии, ограничения прав Туркфронта, вывода из Туркестана частей Красной Армии и формирования взамен их чисто «мусульманской армии», требовали изъятия вопросов военных, внешней политики и внешней торговли из ведения РСФСР и передачи их в ведение ТуркЦИКа, настаивали на переименовании Компартии Туркестана в «Тюркскую компартию», а Туркестанскую автономную советскую республику в «Тюркскую республику». И вновь широкие партийные массы решительно поддержали позицию ЦК РКП(б).

На дворе стояла весна. Цвели алыча и урюк, в садах по вечерам пели соловьи. Снега на горных хребтах Копет-Дага таяли не спеша, неся на поля живительную влагу. Дехкане заканчивали сев и радовались приметам хорошего лета и предстоящего богатого урожая. Из кибитки в кибитку распространялся слух о предстоящих в скором времени благоприятных переменах в жизни туркменского народа.

Уже седьмой день в актовом зале бывшей мужской гимназии шло 1-е совещание председателей уездных и городских комитетов партии Закаспийской области.

Перерыв между заседаниями заканчивался, когда Атабаев подошел к группе товарищей, работникам Временного обкома партии. Здесь же был председатель обкома Андрей Солькин, направленный на работу в Полторацк из Ташкента. Они курили у крыльца, выходявшие

---

¹ Националистическая группировка в Компартии Туркестана, члены которой настаивали на переименовании ее в «Тюркскую компартию», а Туркестанскую автономную советскую республику в «Тюркскую республику».

го в засаженный ясенем, кленом, туей двор. Атабаев слышал конец фразы члена Реввоенсовета 1-й армии Баранова: «...следует использовать свой авторитет. Не умеют силу применить там, где надо!»

— Нет, товарищ Баранов, война у нас кончена. Красноводск давно взят, область очищена от белогвардейцев. И теперь исполкому Совета должна принадлежать вся полнота власти. Надо Советы укреплять, создавать им авторитет. А с оружием в руках, Петр Ионович, в Туркестане социализма не построишь.— Атабаев произнес эти слова тоном, не допускающим возражений.— Уж вы не обижайтесь.

— Да ты, Константин Сергеевич, не слышал, о чем я говорил.— Баранов даже удивился такой прыти Атабаева.— Не о том речь.

— Как же не о том, если Кутузов из политотдела армии требует разогнать облревком как ненужный, а на партсобраниях, когда принимаются решения, выставляет за дверь коммунистов — членов мусульманской секции? — Атабаев хотел сказать еще что-то, но на крыльцо торопливо вышел Александр Певзнер, председатель облревкома, и попросил всех быстрее заходить в зал.

Действительно, Атабаев выступил со своей сентенцией не к месту, поскольку Баранов говорил о слабой работе Временного обкома партии, о необходимости слияния обкома с облмусбюро, о нежелании целых организаций и отдельных лиц подчиняться решениям обкома.

А в зале разразилась буря. Александр Певзнер в докладе по вопросу о партийном и советском строительстве вдруг загнул такое, что многие поначалу не поняли, затем взорвались от негодования. Певзнер являлся одновременно и заместителем председателя Временного обкома и всего три дня назад в убедительном докладе призывал всех участников совещания в повседневной работе непременно учитывать особенности края. Теперь же он без обиняков предложил, «исходя из обстоятельств», закрыть доступ в партию представителям местного народа.

Атабаев подумал об Алесковском, который по этой самой причине — «нежелание работать с представителями неевропейских национальностей» — потерял доверие и был отстранен в Мерве от должности председателя уездгорисполкома и переведен на работу в Полторацк. А Баранов выкрикнул:

— Как понимать? Где тот Певзнер, которого мы слу-

шали три дня назад? Его подменили! И когда он говорил искренне?

— Тогда и сейчас! Поднимем их культурный уровень и откроем двери партии! — в запале выплеснул в зал свое сокровенное убеждение Певзнер, который совсем недавно прибыл в Туркестан с политотделом 1-й армии. — Мусульманские ячейки переименовать! Вместо них создать мощные культурно-просветительные центры!

Поднялся невообразимый шум. С мест повскакивали несколько участников совещания, каждый из них возбужденно говорил. Выявились и сторонники Певзнера. Это — кушкинские большевики Морозов и Баленков, работники обкома Мендельсон и Вагин и особенно Суворов — председатель Мервского уездгорисполкома, которого Атабаев хорошо знал по Мерву. Суворов заявил:

— В отношении местного населения Мервская парторганизация настаивает: пусть они организуют демократическую партию, но не коммунистическую. Пока коммунистами они еще быть не могут!

«Как же это получается? — лихорадочно думал Кайгысыз. — Только еще вчера критиковал Алесковского, занял его пост, а сегодня держит такие речи!»

— Рыскуловчина! Мы не пускайт мусульман компартия, они создавайт тюркская партия. Буржуазный национализм! Коммунист аул — еще не марксист, но который есть тогда еще наш опора? Ячейка аул — против байства! Запирайт двери партия — не согласен. Сильнее открывайт двери Советов, это — да! — произнес на ломаном русском языке Шпитцер, руководитель комитета иностранных коммунистов из бывших военнопленных.

Баранов потребовал слова. Был он одет в командирские сапоги, галифе и белую косоворотку. Простое, приветливое лицо, пышная русая, слегка вьющаяся шевелюра.

— Зачем, товарищ Певзнер, забрызгиваешь президиум слюной, а зал словесной шелухой? Пытаешься цитировать Ленина, подгоняя его под свои идеи, в которые веришь, как в псалмы.

— Что ты хочешь этим сказать? Конкретнее! — довольно недружелюбно откликнулся Певзнер.

— А то, что многие имеют опыт не менее твоего — и подпольная работа и ссылки за плечами. Но никто себя так не ведет. Вчера одно, а сегодня — другое. Три дня назад был согласен, что в России чай пьют из стаканов, а тут пиалами, там черный, а здесь — зеленый, там жи-

денький гоняют, да с блюдечка, а здесь густо, да еще три раза заваривают.

— Не разводи, товарищ Баранов, демагогии.— Певзнер покраснел, как рак, попавший в кипяток.

— Вот и выходит по моей «демагогии», что Ленина надо правильно применять. Я говорил и говорю, что наша работа здесь прежде всего осложнена недоверием мусульман к местным русским и европейцам. Почти цитирую тебя, товарищ Певзнер: прежние руководители Туркестанской республики вели ошибочную политику, в результате которой вместо укрепления идей коммунизма в среде местного населения мы восстановили его против себя. Так? — Певзнер согласно опустил голову.— А недоверие не так-то просто изжить! Оно тянется еще от царя. Русские капиталисты не могли зародить доверчивого и благожелательного отношения к русскому народу. Они и те, кто с ними, преследовали задачу эксплуатации наиболее темных, отсталых мусульманских масс. Здесь процветали гнет экономический и национальный. И при Советской власти в Туркестане кое-кто не избавился, к сожалению, от русификаторских замашек. Это печальное явление еще не изжито. А товарищ Певзнер со своей теорией о том, что в компартию может входить только человек с пролетарской идеологией, с классовым самосознанием, а, мол, у мусульман его нет, только подливает масла в огонь.

Атабаев заерзал на месте, было слышно, как стул скрипел в навалившейся на зал тишине. Кайгысыз любовался Барановым, радовался его словам, окончательно понял, что на крыльце и в самом деле «речь шла не о том», в чем он упрекнул Баранова.

— Подливаешь масло, товарищ Певзнер, и отталкиваешь местное туркменское население от нас, может быть, хочу верить, сам того не подозревая. Впадаешь в ошибку, последствия которой трудно предвидеть. Я не против, я за то, чтобы вести среди мусульманского населения идейно-просветительную работу. Но, товарищи, ее надо вести и не только среди населения. Надо, чтобы русские коммунисты усилили истинно партийную работу. Всем нам требуется глубже усваивать коммунистические знания. Необходимо усилить партийную работу не митинговую — пошумели и забыли, а пропагандистскую, с лекциями и занятиями. Я говорил и повторяю, что нашей главной задачей здесь является вовлечение широких трудовых масс в советскую работу. Если определен-

ные категории людей не могут быть приняты в партию вследствие их классового, имущественного положения, воспитания и так далее, то их можно вовлечь в общественную работу, в советское строительство. Необходимо выявлять всех туркмен, желающих с нами работать, из них можно сделать советских работников. Это сейчас очень важно!

Атабаев хотел что-то сказать в поддержку Баранова, но стеснялся. Он радовался, что подавляющее большинство присутствующих разделяло позицию Баранова, а тот продолжал:

— Я говорил и повторяю,— правда, мы уже приняли по этому вопросу решение, но пусть товарищ Певзнер не забывает,— амнистия туркменам, которые воевали на стороне белогвардейцев — это верный шаг! Мы проявили лояльность и понимание к ошибкам населения.

— Призываете идти на поклон к байству? — заметил с места Сахатмурадов, один из руководителей облмусбюро и член обкома партии.

— Нет! Призываю к проведению правильной политики по отношению к мусульманскому населению в особых условиях Туркестана. Призываю не ломать дров и помнить то, к чему призывает Ленин.

— Байство держится палкой, своей силой, а беднота приходит в партию жаловаться,— произнес кто-то из зала.

— Товарищи, а вы сумели за два года вырвать эту палку? Нет! Только дали, к сожалению, возможность баю крепче ухватиться за нее. И если мы сейчас станем ее вырывать, могут произойти нежелательные последствия. Мы обязаны сделать так, чтобы палка сама выпала из рук бая. И потому никоим образом не должны закрывать двери партии перед нашим активным и наиболее верным помощником в ауле. Более того, начинать надо с того, чтобы дать местному населению ощутить конкретные материальные блага, идущие к нему вместе с Советской властью. Оно легче и быстрее пойдет на просвещение, легче и быстрее поймет нашу идеологию.

Совещание, сыгравшее значительную роль в строительстве партийной организации Закаспийской области, с одобрением встретило выступление Баранова. Атабаев, как только закончилось заседание, поспешил к нему.

— Петр Ионович, я ваш друг! — Кайгысыз горячо тряс руку бывшему рабочему, вступившему в партию в самый тяжелый год столыпинской реакции. — Чаше бы-

вайте на заседаниях облревкома, надо нам создавать специальные комиссии по работе в ауле и по земельной политике.

— Ты прав, Константин Сергеевич. Дело говоришь. Об этом следует подумать, и чем скорее, тем лучше. Обязательно!

— Аулсоветы начинают набирать силу. Теперь ком-ячейки создаем. Только в одном Полторацком уезде из сорока двух аулов в двадцати пяти мы уже создали ячейки. Люди охотно вступают, они понимают, что только так могут добиться лучшей жизни.

— Понимают, говоришь, Константин Сергеевич?

— Не сомневайтесь!

Продолжая беседу, они вышли на улицу. Легкий ночной ветерок трепал укрепленные на шестах под фонарями полотнища, на них были написаны лозунги: «Две стальные хорошо работающие железнодорожные нити — путь к счастью рабочего класса!», «Все на линию трудового огня!», «К сытой, свободной и счастливой жизни!»

12

Покидая Полторацк, Фрунзе и Элиава сообщили Ленину: «В политическом отношении наше положение в Закаспии в данный момент вполне благонадежно». Тогда же командующий Туркестанским фронтом сделал заявление корреспонденту ТуркРОСТА: «Одной из характерных черт съезда было полное отсутствие националистических чувств и настроений... И это не было случайным явлением. Напротив, у интеллигенции, поскольку это удалось выяснить из бесед, это было результатом глубокого убеждения, что, во-первых, вне советского строя не может быть речи о приобщении туркменского народа к культуре; во-вторых, что задача создания в области крепкого идейного, честного и авторитетного аппарата власти может быть достигнута лишь путем дружной совместной работы всех национальностей на почве советского строительства без искусственного раздувания национальных чувств... Прощаясь с делегатами съезда, я... между прочим, заметил, что считаю отныне дело советского строительства в крае обеспеченным, ибо опорой его является вся толща туркменского народа... И это заявление мое является глубочайшим моим убеждением».

К. Атабаев (20-е годы)

К. Атабаев (в центре) среди делегатов I Всетуркменского
съезда рабочих и дехканок — членов Советов.
3 октября 1927 г.

Делегаты I съезда Советов Туркменистана.
К. Атабаев — во втором ряду, третий слева

Ленинград. На совещании по научной организации труда

К. Атабаев в своем рабочем кабинете

Заседание Совнаркома Туркменистана.
К. Атабаев в центре, второй справа от него — С. М. Буденный

Почетный караул в честь туркменской делегации
на Московском вокзале Ленинграда
(третий слева — К. Атабаев — председатель СНК ТССР). 1933 г.

К. Атабаев (30-е годы)

Атабаев теперь работал буквально день и ночь. Засыпал на три-четыре часа там, где его заставляла ночь. Он был введен, вместе с Певзнером и Барановым, в новый, 3-й состав обкома, где вел все дела, связанные с земельной политикой, а в облревкоме, помимо общего руководства, отвечал за работу среди местного населения. Много энергии и времени уходило у него на борьбу с теми, кто своей деятельностью, часто не желая того, наносил вред делу привлечения широких мусульманских трудовых слоев к строительству Советской власти. Атабаев хорошо помнил и следовал советам Куйбышева, Фрунзе, Эльявы. Он с жадностью впитывал каждое ленинское слово, сказанное им в адрес Туркестана. Атабаев знал и пристально следил за событиями в Ташкенте, где не прекращалась борьба разных точек зрения о путях развития края.

Памятными на долгие годы остались гневные словесные баталии на заседаниях обкома партии с председателем облмусбюро, хорошим знакомцем К. Аннамухамедовым. Он упрямо стоял на своем: не допускать беспартийных туркмен в аульные советы. Х. Сахатмурадов, молодой грамотный учитель, всякий раз, когда разговор заходил об использовании на советской работе туркмен из состоятельной среды, даже лез драться. Атабаев в делах и заботах не уследил, а то бы, очевидно, смог прекратить козни — иначе он это не называл — Сахатмурадова в отношении Сендмурата Овезбаева, высокообразованного туркмена, в прошлом царского офицера, амнистированного Советской властью. В начале 1920 года Овезбаев был выдвинут Атабаевым на должность председателя Полторацкого городского ревкома. В одно из отсутствий Атабаева в Полторацке Овезбаев был снят с работы.

И в тот значительный в его жизни день Атабаев страстно доказывал членам облревкома, что дело не терпит и следует принять самые экстренные меры, чтобы немедленно снабдить ячейки и Советы в аулах элементарной политической литературой. Во время заседания вошел Петр Баранов с телеграммой в руке. Первым делом он показал депешу Атабаеву.

Атабаев прочел, замотал головой, видимо, смысл телеграммы, подписанной командующим Туркестанским фронтом, не доходил еще до его сознания. Баранов взял депешу и, попросив тишины, громко прочел: «Реввоенсовет товарищам Баранову Зиновьеву тчк Немедленно ко-

мандируйте Ташкент товарища Атабаева тчк Время отъезда сообщите сейчас же тчк Атабаев необходим как центр объединения мусульманских коммунистов тчк Фрунзе».

Дела были переданы. Видавший виды большой кондукторский чемодан собран. Он был набит книгами и с трудом отрывался от пола. Телеграмма в Ташкент послана. Шинель свою, всего одну зиму ношенную, в надежде на то, что в Ташкенте получит новую, Кайгысыз по половице, так он и сказал Сапарже Аманекову, «На добро отвечать добром — дело каждого, а на зло добром — дело отважного» подарил Аннамухаммедову, хоть и находился с ним в постоянных разногласиях. В комнате, где жил Атабаев, уже поселился Сапаржа, который, как Алесковский и Чары Перлиев, был вызван Атабаевым из Мерва для работы в облсовнархоз.

Остались сутки до отъезда. Кайгысыз на фаэтоне носился из одного конца города в другой, прощался с друзьями. Более всего он сожалел, что в Полторацке не было Паскуцкого, тот с апреля во главе трудового отряда находился в Кызыл-Арвате на восстановлении железнодорожных мастерских. Зайдя к Баранову, Кайгысыз попросил передать привет Николаю Антоновичу. Когда Кайгысыз прощался с Барановым, невольно вырвалось:

— Жаль расставаться.

— Ну что поделаешь, Константин Сергеевич. Мы возражали, да товарищ Фрунзе категорически настаивает. Вы не огорчайтесь. Гора с горой не сходятся, а человек с человеком...

«Вот как! Не хотели отпускать», — подумал Атабаев. Он только в Ташкенте узнал, что Баранов несколько дней не отвечал на телеграмму Фрунзе, а на повторный запрос сообщил: «Командировать Атабаева Ташкент не представляется возможным так как это может вызвать разложение облревкома и обострит отношения РВС. Кроме того откомандирование Атабаева затруднит работу среди туземного населения». Тогда Баранов был вызван к прямому проводу, после чего и последовало его появление на заседании облревкома.

С Андреем Солькиным Кайгысыз решил не прощаться. Черная кошка пробежала между ними, а вышло это, когда возник вопрос о пресечении пьянства, оно распространялось в городе (несмотря на сухой закон) особен-

по среди командиров воинских частей и некоторых ответственных работников. Солькин свел на нет его предложение: за первую же пьянку исключать из партии. И выступил против выдвижения ряда туркмен на работу в исполком...

Фаэтон катил к дому, где размещалась особая продовольственная комиссия 1-й армии. Однако Ивана Бухаренко Кайгысыз там не застал и по этой же улице проскакал до дома Хаджи-Мурада. Они заранее условились о встрече в середине дня. Хаджи-Мурад работал в туркменской комиссии по приему жалоб от населения, созданной по рекомендации Фрунзе и Элиавы. Комиссию возглавлял известный среди населения Махтумкули-хан. У Хаджи-Мурада в беседке, увитой виноградными лозами, отягощенными зреющими плодами, Атабаев неожиданно встретил Иомудского, недавно возвратившегося из Персии, где он скрывался от Закаспийского белогвардейского правительства. После первых радостных восклицаний Кайгысыз вспомнил своего друга по Учительской семинарии Мухаммедкули. Это он познакомил его с Иомудским, бывшим подполковником царской армии, уволенным в отставку еще до революции по политическим соображениям.

— Что, Кайгысыз-джан, так пристально меня разглядываете? Изменился? Знаю,— заметил давний знакомец.

— Где же вы были последнее время, Николай Николаевич? — Кайгысыз подумал, перейдет или нет Иомудский на туркменский язык. Хозяин дома вежливо молчал, он только жестом попросил домашних подать чаю.

— О, моя жизнь грустна, но увлекательна. Не знаю, ведомо ли вам, что летом восемнадцатого года я был в Красноводске и возглавлял там Революционный трибунал. После асхабадского мятежа укрывался в аулах.— Николай Николаевич отер платком высокий лоб, пригладил бородку и усы.

— Был слух, что вы удержали иомудов¹ от участия на стороне белогвардейского Закаспийского правительства.— Кайгысыз не сводил пристального взгляда с лица собеседника.

— Отчасти.— Иомудский склонил свою небольшую почти лысую голову.

— Присутствие скромности есть свидетельство ума,—

---

¹ Иомуды — одно из туркменских племен.

заметил Хаджи-Мурад.— Однако ни Куну и Дружкину¹, ни английскому командованию, ни генералам Лазареву и Джунковскому не удалось заполучить к себе хотя бы одного иомуда.

— Поэтому летом девятнадцатого мне все же с семьей пришлось перебираться в Персию. Но генерал Лазарев достал меня и там, арестовал и этапом отправил в Кисловодск — Ростов и далее в Таганрог. Мне удалось бежать, я добрался до Красноводска, а там в первых числах января этого года из-под носа генерала Казановича увел в Персию, на остров Ашур-Ада, наливной пароход со штабом текинского отряда на борту. Потом мирил джафарбайцев с атабайцами². Как только подошла Красная Армия, установил с ней связь. Не поверили, но Николай Антонович Паскуцкий — умный человек. Вот я и здесь.

— А что, Константин Сергеевич, уезжаете в Ташкент? — Хозяин дома разлил чай по-европейски, в стаканы с серебряными подстаканниками. — Это хорошо или плохо?

— Думаю, хорошо. Если что не так, мы тут предлагаем, упрашиваем, а там приказы издают. Время-то сейчас упустить нельзя. Это как дом строить: фундамент не заложишь — и дому долго не стоять. А я сплю и вижу наш народ объединенным, самостоятельным. Может быть, это и есть самое настоящее счастье, когда мечты юности сбываются. Нет дня сейчас, чтобы я не вспоминал моего дорогого названного брата Мухаммедкули Атабаева.

Иомудский при упоминании этого имени оживился, резко поставил подстаканник на стол, потер руки.

— Вот был светоч! Гордость наша. Стал жертвой мулл. — Иомудский говорил серьезно, снял пенсне, потер глаза, как это делают, когда они утомлены.

— Вот вы и подумали бы, Николай Николаевич, как лучше дело повести, чтобы народ оторвать от мулл и от религии. Только декретом этого не сделать. — Атабаеву очень хотелось услышать ответ умудренного жизненным опытом высокообразованного человека, прекрасно знающего проблемы туркмен. Но хозяин дома неожиданно сменил тему:

— А вот Аннамухаммедов, Сахатмурадов и другие

¹ Деятели Закаспийского контрреволюционного правительства.

² Два племени иомудов, проживающих по реке Атрек, которые враждовали между собой много лет из-за раздела воды и пастбищ.

полагают, что все можно сделать декретом, силой их воли, опирающейся на волю партии большевиков. Однако, как я понимаю, Ленин требует осторожности, призывает к гибкости.

— Молодо-зелено! — Иомудский пододвинул пустой стакан к самовару. — Неведома им истина — поступай с отцом и с матерью так, как хочешь, чтобы с тобой поступали твои собственные дети. Потом спохватятся, но, может быть, и поздно. Благодарствую, дорогой. — Иомудский взял стакан из рук Хаджи-Мурада, подул и, смешно сложив губы в трубочку, чисто по-русски потянул в себя горячую жидкость.

Кайгысыз воспользовался паузой и вышел отпустить извозчика. Когда он возвратился, Иомудский спросил:

— Кайгысыз-джан, а у вас не возникает сомнения, что активное привлечение к работе влиятельных представителей родо-племенной знати и лиц, как вы называете, принадлежавших к старой интеллигенции, есть ход в шахматной игре, явление временное? Я тут кое с кем беседовал. Существуют серьезные опасения.

— Опасения могут быть, Николай Николаевич, только у тех, кто сам рассматривает сотрудничество с Советской властью как временную игру! — Кайгысыз говорил уверенно и смело. — У вас лично на этот счет есть сомнения?

— Видите ли, Кайгысыз-джан, вопрос классового расслоения для вашей партии, я так понимаю, есть величина постоянная, при помощи которой вы, так сказать, спокойно отберете из среды поднятых и стимулированных нами к жизни наиболее достойных полупролетариев и...

— Николай Николаевич, я уверен, что те, кто решительно порвут с прошлым и сожгут корабли или мосты, так и эдак, к отступлению, могут не опасаться. Поглядите на множество военных специалистов. И чем больше таких найдется среди вас, тем лучше будет для общего дела. А чем вы, Николай Николаевич, полагаете сейчас заняться?

— Целью жизни всегда считал создание, так сказать, вполне образованного среди народа кадра, поднятие просвещения.

— Но не только среди иомудов? — Атабаев знал, что среди молодых туркмен, активно взявших сторону Советской власти, вопросы родо-племенной розни ушли на

второй, а то и на третий план. Чего не скажешь о стариках, с ними сложнее. И он не представлял себе, как лучше бороться в этом направлении. Было известно, что Иомудский придерживался идеи сохранения родового строя и быта туркмен.

— Ну что вы, Кайгысыз-джан! Будучи приставом в Мерве, я искренне помогал роду тохтамышцев и делал все, что было в моих силах, в Бахардене помогал родам, живущим в долине Ахала. Европейская культура излечила от этого недуга, который — бойтесь! — может оказаться куда сложнее в решении, чем муллы и их религия. Так что пока вижу свою пользу лишь в деле культурно-просветительском. Грамотные, образованные туркмены очень скоро потребуются. В них видел и вижу альфу и омегу процветания туркмен, *conditio sine qua* pop¹ создания туркменской нации.

— Мы говорили о Ленине, Николай Николаевич. Вот взялись бы за перевод тех его работ, которые, на ваш взгляд, наиболее доступно разъясняют туркменам идею новой власти.

— Это почетно, но, Кайгысыз-джан, вы до конца не продумали. Мне не доверяют это дело. Да и потом у меня неумный характер, слишком я требователен и придирчив, а с годами становлюсь невыносимым. Однако проживем — увидим.

Беседа этих троих просвещенных туркмен затянулась, но Атабаев был благодарен судьбе. Перед отъездом к пока неведомым, но большим делам он как бы наполнил свой хурджун² «запасом прочности».

---

¹ Непременное условие (лат.).

² Переметная сума.

ВОЗМУЖАНИЕ

ЧАСТЬ II

Еда, питье, гульба, любовь —
вот жизни цель;
Но для джигита конь с крутой
спиной — лучше!
Махтумкули

Доверься разуму, покуда он с тобой.
С драконом в бой пойдешь — горой
за правду стой.
Кемин

1

События, которые с начала года происходили в Ташкенте и значительно обострились к лету 1920 года, в деталях не были известны Кайгысызу Атабаеву. Те месяцы, как никогда, оказались переполненными сомнениями из-за безалаберщины, как он считал, в делах, из-за сумятицы в умах, из-за недозволенных действий тех, кому революция вручила в руки власть. Он чувствовал нутром, что так нельзя, что это несправедливо и вредно, но не был способен сам четко сформулировать, как все же надо. Он знал твердо одно — революция должна припести облегчение народу, а не отдельным его представителям.

Перевод Атабаева в Ташкент был не случаен. Выбор пал на честного, чуждого корыстолюбия, мыслящего человека, о котором Куйбышев в скором времени сообщит в ЦК РКП(б): «Уроженец туркменского аула чудом при крайне неблагоприятной обстановке выработал в себе здоровое коммунистическое мировоззрение». И для Атабаева этот перевод был необходим. Это был иной размах, иная масштабность и люди, умудренные опытом, общение с которыми поможет раскрыть способности, снимет сомнения, утвердит веру в свои силы.

Он не знал, что едет в Ташкент кандидатом в члены Временного Центрального Комитета Компартии Туркестана, которому предстояло работать до избрания съездом постоянного ЦК КП Туркестана.

В этот период, после личных докладов партийных, военных и советских работников, Владимир Ильич в СНК, а затем и в ЦК РКП(б) провел ряд постановлений «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». Ш. Элиава, М. Фрунзе, а также Я. Рудзутак, присутствовавший в Туркестане в качестве уполномоченного ЦСНХ по хлоп-

ку, и группа туркестанских коммунистов, возглавляемая Т. Рыскуловым и Н. Ходжаевым, ездили в Москву для встречи с В. И. Лениным.

Понимая сложность обстановки в Ташкенте, Владимир Ильич был согласен с мнением Турккомиссии — отозвать из Туркестана тех, кто упорствовал в своих колонизаторских взглядах. Это во-первых. И во-вторых, заменить отдельных коммунистов из коренного населения, продолжавших стоять на своих ошибочных позициях, новыми работниками, способными провести в жизнь решения партии и правительства. В. И. Ленин призывал смелее опираться на «здоровый местный элемент» и, в целях оказания практической помощи, направил в Среднюю Азию опытных советских и партийных работников, а по его настоянию, несмотря на затруднительное положение в Российской Федерации, Туркестану была оказана ощутимая материальная поддержка. Если в прошлом, 1919 году в Туркеспублику было направлено 2 миллиона пудов хлеба, то за период с февраля по декабрь 1920 года в адрес Турккомиссии пришло 614 вагонов с народнохозяйственными грузами.

Кульминацией бурных принципиальных споров, порой доводивших тех, кто стоял на позициях, осужденных решениями ЦК РКП(б), до вульгарной брани, было сложение ими с себя в июле 1920 года полномочий. Уйти решили: Рыскулов — председатель ТуркЦИКа и член крайкома, Незаметдин Ходжаев — член ТуркЦИКа и член Президиума крайкома, Турсун Ходжаев — член Президиума ТуркЦИКа и председатель крайкома, Любимов — член ТуркЦИКа и председатель СНК, Абдуссатаров, Железов, Бисеров и другие члены Президиума ТуркЦИКа. Все они заявили, что не согласны с последними постановлениями ЦК партии. Известны высказывания Рыскулова: «Мы не мальчишки, сами разберемся. Не нужна нам здесь Турккомиссия», Бисерова: «Вначале решительная классовая борьба, а уже потом классовое расслоение», обоих Ходжаевых: «Ограничить права РВС, заменить полностью части Красной Армии чисто мусульманскими войсками», Любимова: «Я расхожусь в тактике с Турккомиссией».

Он ехал в Ташкент, и сердце его наполнилось радостью от предстоящей встречи с Таней, дочуркой, Наташей, сестрой жены, их родителями. Они всегда искренне пере-

живали за него, стремились понять, помочь. Кайгысыз волновался, его обуревали смятения. Он не знал, какое назначение его ждет. Отключившись от праздной беседы попутчиков, он лежал на полке и, машинально разглядывая грязные разводы на потолке, перебирал в памяти всю прожитую им жизнь...

И вот Ташкент. Знакомый вокзал. Подъездные пути к станции расчищены, вокзал прибран, разукрашен праздничными флагами. Поезд прибыл в десять утра. Затащив с армянинном-фаэтонщиком чемодан в дом и расцеловав Таню, Зоечку, она уже говорила «мама» и «дедя», Наташу, которой он был бесконечно благодарен — она его познакомила с Таней, — Кайгысыз тут же отправился на Куйлюкскую, где размещалась Турккомиссия. В здании, которое прежде принадлежало Туркестанской казенной палате, на втором этаже он представился молодой женщине в свободной синей блузе, голова ее была повязана красной косынкой. Как заметил Кайгысыз, она, закуривая папиросу, старалась делать это так, чтобы все видели. Только неторопливо разложив бумаги по папкам и позвонив по телефону: «Это Чека? Товарищ Домбровский? Говорит Шура Глаголева. Полчаса вам, чтобы доложить лично товарищу Куйбышеву о приведении в исполнение приговора о расстреле Богомазова», она сказала, не глядя на Атабаева:

— Сейчас доложу!

— Скажите, а кто этот Богомазов? — спросил Кайгысыз.

— Бывший член Ташкентского Совдепа, комиссар трамвайного депо и заведующий земледельческим товариществом «Салар номер один». Хотите знать, за что? — Шура испытующе поглядела на Атабаева. Он кивнул. — За продажу спекулянтам казенного оборудования, — и скрылась за массивной дверью.

«Вон оно как здесь! А в Полторацке одни разговоры. Но почему так? Приспособленец? Или не верит, что Советская власть долго продержится. Может, и оттого, что не свое и не чужое, хозяина нет. Можно не совеститься. Ну, шайтан, а что скажут дехкане — у них и так инструмента нет, нечем пахать! Спекулянты — значит, инструмент в руках у баев окажется».

Дверь отворилась, и Шура произнесла:

— Входите! Вас ждут.

Большой кабинет носил следы былой роскоши. Шура позже рассказала, что многие предметы из обстановки

кабинета были свезены в музей. Над широким кожаным диваном висел портрет В. И. Ленина. В комнате находились В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, комиссар земледелия Хедыр Алиев и нарком просвещения Назир Тюрякулов.

— О, Константин Сергеевич, с приездом! Давно бы надо прибыть.— Куйбышев вышел на середину кабинета, дружелюбно пожал руку.

— Ни дня не медлил,— начал Атабаев.

— Ну ладно, ладно! Здесь — и хорошо! Знакомься. Вот, товарищи, тот самый Атабаев. Это товарищ Фрунзе.

— Да мы знакомы, Валериан. В Полторацке встречались.— Михаил Васильевич поднялся с кресла, обошел стол, приставленный к торцу большого письменного, пожал руку.— Представлял мне туркменскую знать, переводил. Ну, как они сейчас себя ведут?

— Это особый разговор, товарищ Фрунзе.

— Да, ты прав,— согласился Михаил Васильевич.

Алиев был безразличен, хотя знал, что Атабаев должен стать его заместителем, а Тюрякулов с нескрываемым интересом разглядывал будущего сотоварища по работе.

Фрунзе предложил Атабаеву сесть с ним рядом на диван.

— Так что, товарищи, происходит? Суд приговорил к высшей мере Райзнера, Ямщикова и Денисенко? — произнес Куйбышев и счел необходимым пояснить Атабаеву.— Симон Райзнер, уполномоченный ЦСНХ по канцелярским принадлежностям, прислан из Москвы, был за некоторые делишки посажен в тюрьму и пытался сотруднику Чека дать взятку в сто тысяч рублей.

— Он за год в Ташкенте прослыл «королем спекулянтов»,— заметил Тюрякулов.— Нет ему прощения! Суд правильно поступил!

— А вот Афанасий Денисенко, член партии, начальник милиции 1-го района. Конфисковав при обыске значительную партию чая, продал ее по спекулятивной цене. А Ямщиков, военком ташкентского караульного батальона, продал винтовку врагу революции.

— Что вы скажете, товарищ Атабаев? — спросил Фрунзе.

— Нет прощения! Им доверили власть. Это не просто ее дискредитация, это предательство! Мы, туркмены, предательство строго караем.— Кайгысыз даже поднялся на ноги.

— Правильно! Да вы сидите,— Фрунзе усадил Атабаева на диван.

— Далее мы говорили о садах,— слово взял Алнев.— Есть предложение хотя бы частично передать их в ведение Наркомпроса. Пусть школьники возьмут шефство.

— Сады национализированы, но, кроме убытка, они ничего не приносят, идет порча деревьев,— опять Куйбышев пояснил Атабаеву.— Такое же положение с домами, которые национализированы. Средств на починку нет. Дома разрушаются. Мы несем убытки.

— Надо потребовать от Любимова, если не приняли его отставку, пусть занимается не разглагольствованием, а своим прямым делом,— запальчиво произнес Тюрякулов,— и перестанет недооценивать местных мастеров, которые за работу берут куда меньше чем рабочие-европейцы и могут, если хорошо их попросить, выполнить работу в долг.

Атабаев кивнул. Это не ускользнуло от внимания Фрунзе.

— В Катта-Кургане на полях появилась саранча, товарищи. Необходимы серьезные меры. Мы послали санитарный отряд, но его явно недостаточно. Следует просить помощь Москвы,— доложил нарком замледелия.

— Хорошо.— Куйбышев поглядел на ручные часы.— Хорошо, сады, дома, саранча — к этому мы еще вернемся. А сейчас, извините, мне надо на вокзал, встретить московский. Интересные люди к нам едут. Ты, Назир Тюрякулович, не поедешь со мной?

— С удовольствием, Валериан Владимирович,— ответил Тюрякулов.

Фрунзе и Атабаев остались одни. Михаил Васильевич, явно желая получше узнать собеседника, заговорил о басмачестве. Оно несколько поутихло к лету двадцатого, но еще не было ликвидировано, и в Ферганской долине шли бои. Явление это противоречило духу народной власти: грабежи, поджоги, разрушения, чинимые басмачами, приводили хозяйство Ферганской долины, и без того разрушенное войной, в плачевное состояние. Командующий Туркестанским фронтом считал басмачей не просто разбойниками, тогда, понятно, с ними было бы давно покончено. Но основные силы басмачества — это сотни и тысячи простых людей, малосознательных дехкан, которые находились под влиянием духовенства и баев. Уйдя к басмачам, они придали басмачеству размах и силу. Поддержку ему оказывало не только му-

сульманское население, среди людей Мадамин-бека и Ахунджана были и русские крестьяне.

— Кулаки! — решительно заявил Атабаев.

— Почему, Константин Сергеевич, когда я говорил о простых крестьянах из мусульман, вы молчали?

— Да потому, что бедных крестьян из русских у нас, в Туркестане, почти нет. Каждое их хозяйство — иной бай такого не имел, Михаил Васильевич. Это кулаки, которым при царизме были созданы привилегированные условия. Им разрешался захват лучших земель у местных жителей, особенно в Семиречье. Вот почему Советская власть им не подходит.

— Верно мыслите.

— Я это хорошо знаю, Михаил Васильевич. Царские чиновники, их несправедливость, вымогательства и взятки восстановили многих против русских. Царизм на окраинах русских крестьян и рабочих воспитывал специально в духе национального превосходства. Отсюда сложности. Вспомните хотя бы железнодорожников Ташкента. Сколько с ними мороки!

— Да, да! — Фрунзе подумал, как было не просто Рудзутаку, перед его отъездом в Москву, распустить 3-й железнодорожный райком партии. — Из-за отсутствия устойчивых революционных традиций и опыта классовой борьбы немногочисленный русский пролетариат здесь неизбежно подпадал под влияние колонизаторско-националистических идей. Товарищ Атабаев, неделю назад мы издали приказ по войскам, он требует строить отношения красноармейцев с местным населением, строго руководствуясь письмом Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана».

Михаил Васильевич попросил Атабаева высказаться о том, какими видятся ему дальнейшие шаги в борьбе с басмачеством. Атабаев ответил, что, как ему кажется, следует, не откладывая, при помощи агитаторов и партийных работников из мусульман вести разъяснительную работу среди местного населения о том, что в действительности есть Советская власть, какие цели преследует Коммунистическая партия и что власть и партия не враги, а защитники их интересов. Второй мерой Атабаев назвал немедленную и беспощадную чистку аппарата Советской власти от примазавшихся к революции лиц, которые используют ее завоевания в личных интересах. Третья мера — под руководством коммунистов усиление на местах авторитета гражданской власти, вы-

бранной населением. И наконец, создание воинских частей и коренных жителей Туркестана в составе отрядов Красной Армии, а не взамен их, как это некоторые предлагают.

— И тогда, Михаил Васильевич, каждый второй басмач, по меньшей мере, станет красноармейцем,— заключил Кайгысыз.

— Это интересно! Мы кое-что в этом плане уже делаем, навели порядок среди командования Ферганской группы, обновили ревком, и в результате многие басмачи сложили оружие. Так значит, вы считаете это верным шагом?

— Да! Как здорово, Михаил Васильевич, когда уважают и считаются с нашими обычаями, учитывают уровень развития народа. У нас не всегда помнят, что широкие массы населения еще толком не знают, кто «царский-русский», а кто «русский-большевик».

Фрунзе волновал еще один вопрос — экономическая политика. Он считал ее квинтэссенцией туркестанской проблемы. Член Реввоенсовета Юсуф Ибрагимов и председатель СНК Исидор Любимов, по просьбе Куйбышева, готовили пространную телеграмму В. И. Ленину и наркомпроду А. Д. Цюрупе. То, что услышал Фрунзе от Атабаева, не очень порадовало, поскольку ряд членов Турккомиссии считал, что спасти дело можно только жестким и неуклонным проведением хлебной монополии.

— Система закупки товаров на рынке по вольным ценам породила спекуляцию, Михаил Васильевич, укрепила положение бая и русского кулака. Малоимущие хозяйства стали еще беднее. У нас здесь народ читать не умеет, он судит о новой власти и по тому, что есть на рынке и сколько это стоит. Монополию объявили, а государственный аппарат для осуществления ее не создали. Начались трудности. Из них теперь срочно надо выходить. Слышал от одного товарища, командированного в Полторацк из Ташкента,— и председатель обкома Солькин с ним согласен,— что туркестанское правительство из-за этого опасается даже за существование Советской власти.

— Ну это уж слишком! — Фрунзе пристально поглядел в глаза Атабаеву, но, очевидно, убедившись, что тот так не думает, успокоился.— Но положение сложное, это да.

— Такая политика неправильная.

— А почему, конкретно, вы так считаете? — Фрун-

зе понимал, что перед ним человек с чистой душой, искренне переживающий за общее дело.

— Да потому что я с первых дней, еще с Февральской, занимался продработой и знаю, что к ней плевое отношение. Кто провинился — иди туда, как в наказание. Мы в Мерве с Бухаренко в тяжелый год фронт и область обеспечивали.

— Бухаренко, начальник тыла? Помню.— По лицу Фрунзе было видно, что поездка в Закаспий вызывала у него приятные воспоминания.

— А я так понимаю, Михаил Васильевич, чем лучше будет поставлена продработа, тем сильнее будет Советская власть, тем быстрее заглохнет басмачество, тем скорее свершится мировая революция.

— Вот тут я с вами согласен. Мы и предлагаем бросить на продработу все советские и партийные силы.

— Это желательно, и обязательно расплачиваться товарами. А их нет. И потом, как бы сделать, чтобы население само, с желанием сдавало хлеб.— Атабаев помедлил: — Михаил Васильевич, а что по этому поводу думает товарищ Ленин? — Қайғысыз даже задержал дыхание.

— Мы готовим телеграмму, подождем ответа. Пока же, Константин Сергеевич, включайтесь в работу. Окажетесь среди соплеменников из крайкома и особенно членов ТуркЦИКа, не спешите с выводами и принятием решений. Присмотритесь. Я знаю, что вас ждет назначение на пост замнаркома земледелия. Вам и карты в руки. Однако не спешите. Нарком Хедыр Алиев честный человек, но горячий, не все понимает, как надо, глядит на вещи и события «со своего минарета». Потом, знаете, Турккомиссия рассчитывает на вас еще и по партийной работе. Так что устраивайтесь и начинайте работать.

В это время через открытое окно кабинета послышался гудок автомобильного рожка. Фрунзе проворно поднялся, по-военному одернул гимнастерку.

— Идемте, это Куйбышев. Мне с ним надо в РВС.

Куйбышев их встретил у широкой мраморной лестницы, ведущей на второй этаж.

— Вот как я быстро! Все в порядке. Москвичей отлично встретили. А ты, Константин Сергеевич, где устроился? — и, не ожидая ответа, продолжил: — Поднимись сейчас к Глаголевой, возьми ордер. Тебе приготовили квартиру.

— Не надо, я живу у родственников, спасибо,— поблагодарил Атабаев.— Когда завтра и куда приходить?

— Не выдумывай! Это люкс в бывшей гостинице «Новая Россия». Там хорошо, удобно и питание налажено.

— Не нужно. У нас хорошая комнатка. Отдайте кому-нибудь из москвичей.

Фрунзе и Куйбышев переглянулись. Каждый подумал: «Вот видишь, каков!»

2

В состав Временного ЦК партии Туркестана вошли почти все новые люди. Членами исполбюро были избраны Ф. Я. Рабинович, Т. Хакимов, К. Атабаев, В. П. Билик и Н. Тюрякулов.

Кайгысыз Атабаев, имея в Ташкенте добрых знакомых — он не раз уже встречался и с Севастьяновым,— хорошо знал, что большинство коммунистов и ответственных советских и особенно военных работников с облегчением и надеждой встретили решение Турккомиссии о значительном обновлении состава прежних руководителей края.

Работу на новом месте он начал с того, что первым делом предложил заведующим отделами наркомата в короткий срок подготовить ему материалы для составления программы земельно-водной реформы в Туркестане. Она предусматривала наделение земель и водой широких слоев трудового дехканства и сокращение до минимума экономического потенциала байских и зажиточных хозяйств из числа европейских переселенцев.

Столкнувшись с первых же дней с фактами грубейшего нарушения некоторыми ответственными товарищами в наркомате норм и правил работы, он создал комиссию. В результате ее деятельности ряд лиц были освобождены от работы, а некоторые даже арестованы. Вскоре нарком Хедыр Алиев обратился с просьбой освободить его с поста наркома.

Пленарное заседание Временного ЦК шло полным ходом, несмотря на то что его аппарат накануне переехал в здание Турккомиссии на Куйлюкскую улицу и

еще как следует не разместился. Чайники с зеленым чаем, который с таким трудом где-то раздобыл заведующий хозяйственной частью, внесенные в комнату Шурой Глаголевой и Ольгой Хорош — секретарем председателя Турккомиссии, остыли, стаканы так и не были разобраны с подносов.

Председатель исполбюро Рабинович, переходя к следующему вопросу, сообщил:

— Необходимо обсудить и утвердить состав президиума и кандидатуру председателя ТуркЦИКа. Мы будем, товарищи, рекомендовать их предстоящему съезду. Исполбюро выдвигает товарищей Любимова, Билика, Атабаева, Бисерова, Рахимбаева, Файзуллина, Ширинского. Председателем предлагается Бисеров.

— В составе нет узбеков, — заметил Билик. — В основном татары.

— То есть как, а Рахимбаев Абдулло, учитель по образованию, опытный товарищ, работал председателем Ходжентского уездно-городского исполкома, председателем Самаркандского обкома, — ответил Рабинович.

— Рахимбаев — таджик. Предлагаю вместо Ширинского Файзуллу Ходжаева. И Бухара будет представлена.

— Я против кандидатуры Бисерова, — произнес Юсуф Ибрагимов. — Зачем? Он же сам подал заявление об отставке.

— Мы заинтересованы в нем, — пояснил Рабинович.

— Ввести в состав, но не председателем, — предложил кто-то из присутствующих.

— Линия поведения Бисерова расходится с нашей. Я также считаю, что неудобно его в председатели, — заявил Билик. — Нужна яркая фигура, на которую можно возлагать надежды. Я выдвигая на пост председателя товарища Атабаева, как серьезного и положительного работника.

Кайгысыз от неожиданности уткнулся в бумаги, лежавшие на столе, а секретарь исполбюро Зорина, которая вела протокол заседания, обрадованно поглядела на Кайгысыза.

— Предлагаю избрать временно Бисерова, — предложил Хакимов. — Кандидатуру Атабаева отклоняю. Его нельзя выдвигать в председатели ТуркЦИКа, так как он намечается комиссаром земледелия и является единственным подходящим в этой области работником. Бисерова же, пока есть ЦК и Совнарком, мы сумеем на-

править в должное русло. Думаю, надо, чтобы товарищ Бисеров окончательно выявил до съезда свою линию и линию Рыскулова. Почему они тайно ведут работу против созыва съезда? И потом, я так думаю, нам надо крепче держать линию центра.

Голоса за выдвижение Бисерова разделились, было подано шестнадцать «за», двое воздержались и двое проголосовали «против». В это время в комнату вошел Куйбышев и попросил разрешения присутствовать на заседании. Узнав позицию ЦК, он высказал мнение Турккомиссии — Бисерова совсем не вводить в состав ТуркЦИКа, а председателем его рекомендовать Абдулло Рахимбаева.

3

В начале августа Хедыр Алиев был освобожден от работы в наркомземе и направлен в Бухарский ревком. Атабаев ездил к Алиеву домой. Думается, что в той беседе, длившейся до рассвета, Кайгысыз Атабаев сумел проявить присущую ему силу убеждения, и они с Алиевым расстались добрыми друзьями...

В помещении театра «Колизей» только что закончилось собрание коммунистов Ташкентской организации РКП(б). Слушался доклад М. В. Фрунзе «О задачах Компартии Туркестана». Рядом с Атабаевым, в десятом ряду, сидел замнаркома просвещения П. Н. Лепешинский, который полгода как прибыл в Ташкент в составе группы партийных работников. Старый большевик, распространявший на Псковщине, по заданию Ленина, еще на рубеже века «Искру» и многие годы работавший в Швейцарии рядом с Ильичем, сразу пришелся по душе Атабаеву. Лепешинский в короткий срок навел порядок в наркомате, заменил, несмотря на сопротивление коекого из высшего руководства, многих неспособных работников, ликвидировал бюрократическую громоздкость, ввел плановность в работе. Создал комиссию по разработке проекта реформы алфавита, более приспособленного для усвоения.

Кайгысыз проникся к Лепешинскому глубоким уважением, граничащим с сыновней любовью. И внешний облик Лепешинского — седой, с уложенными на пробор волосами, бородка клинышком и пышные, опущенные книзу усы, светлые глаза под густыми белыми бровями

и проницательный взгляд — располагал, вызывая желание сделать для него что-нибудь приятное.

Атабаев встречался с Лепешинским на заседаниях Совнаркома, с увлечением слушал его выступления, чуточку завидовал свободе его речи и старался брать с него пример.

— Пантелеймон Николаевич, если не спешите, вечер располагает — пройдемся немного по летнему саду. Это через дорогу, — предложил Кайгысыз, когда они вышли из театра. — Глядите, многие из наших направляются туда же.

— С превеликим удовольствием, молодой человек. Мне, знаете, просто необходимо пройтись после этих, с позволения сказать, речей, особенно этого сумасброда, не иначе, Азис-заде. А ведь он высокий пост в ТуркЦИКе занимает. И надо же, выступить против Наркомнаца, за создание Тюркской республики.

В парке было многолюдно, слышались звуки духового оркестра. В летнем кинотеатре шел фильм «Юлий Цезарь». Кайгысыз собирался его посмотреть.

— Пантелеймон Николаевич, вы виделись перед отъездом сюда с Лениным? — почему-то робко спросил Атабаев.

— О, да! Наверняка хотите знать, что говорил Владимир Ильич. А tout prix! — это с французского — любой ценой, во что бы то ни стало ни тени шовинизма! Ни одного атома русификаторских замашек! При этом, как вы понимаете, Владимир Ильич в курсе настроения тех воинствующих мусульманских коммунистов, которые не останавливают себя перед крайностями.

— С этим уже покончено! — решительно заявил Кайгысыз.

— Простите, мой дорогой друг, но не так быстро. Еще будут эксцессы с обеих сторон. Пока не придет опыт, политическое прозрение. Не спорьте! Задача партии, более опытных товарищей смягчать, ограждать от сильных ушибов, не допускать болезненных вывихов. Но со временем все станет на место, — Лепешинский покосился на высыпающую из дверей ресторана компанию веселых людей. — Но возвратимся к Владимиру Ильичу. Знаете, поразительно! Кругом война, разруха, голод, а он думает о лучшем типе школы для мусульман Востока, о том, как быстрее внести образование и культуру в широкие массы одной из самых угнетенных, забытых окраин бывшей Российской империи.

Кайгысыз проворно отстегнул пуговицу правого кармана гимнастерки, извлек записную книжку, нашел страницу и прочел, благо они находились рядом с фонарным столбом:

— «Нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности».

— Вот как! У вас это выписано? Похвально, молодой человек. Обязательно расскажу об этом Ильичу. Непременно!

— А вы знаете, Константин Сергеевич, в Европе персональный гонор не принят, там он приоритет государственный, в России его больше, а уж в Туркестане, как... хлопка или как жары.

Пропустив мимо ушей это замечание, которое в другое время непременно бы заинтересовало его, Кайгысыз, будучи очень взволнованным, произнес:

— А все же я на завтрашнем заседании исполбюро поставлю вопрос об исключении из партии этого Азизаде за недостойное, дезорганизаторское поведение. Предложу исключить, довести до сведения Ташкентской организации и обнародовать в газете. Так следует поступить! Не иначе.

4

Атабаев, как коренной житель, острее и глубже чувствовал неурядицы, сбоя, накладки как в городе, так и в сельской местности. Особенно его беспокоило басмачество, которое не только не шло на убыль, а временами набирало силу. Отъезды из Ташкента Фрунзе на Южный фронт, где необходимо было покончить с Врангелем, и Куйбышева — в Бухару, где он был полномочным представителем РСФСР и уполномоченным ЦК РКП(б) при Бухарской компартии, на время просто расстроили Атабаева. Он проникся к ним искренней дружбой, доверием и в добрых и верных советах их порой очень нуждался.

Между тем жизнь продолжалась. Временное ЦК поручило Атабаеву подготовить к предстоящему партийному съезду тезисы по земельному вопросу, а к съезду Советов — содоклад. На съездах своими выступлениями он произвел впечатление коммуниста, твердого в сво-

их убеждениях, непоколебимо стоящего на позициях РКП(б).

5-й съезд Компартии Туркестана состоялся в середине сентября 1920 года и прошел, как уже привыкли в Ташкенте, бурно. Умонастроения сторонников Тураара Рыскулова были осуждены съездом как националистический уклон в партии. Съезд избрал Центральный Комитет, в состав которого вошли Тюрякулов, Рахимбаев, Атабаев, Билик, Хакимов, Султан Ходжаев, Любимов и другие товарищи, опиравшиеся в своих взглядах и деятельности на партийные решения. Съезд заверил ЦК РКП(б) в том, что КПТ не на словах, а на деле докажет, что она является частью РКП(б) и полностью разделяет ее политику раскрепощения трудящихся угнетенных национальностей.

Кайгысыз Атабаев, вновь вошедший в состав исполбюро, председателем которого стал Назир Тюрякулов, радовался, что подавляющее большинство участников съезда, и в первую очередь коммунисты из местных национальностей, с неподдельным энтузиазмом приветствовали слова Ленина об отказе от шовинизма через последовательный отказ русским меньшинством от позорной привилегии господствующей нации, установленной царизмом и русской буржуазией.

На 9-м съезде Советов, состоявшемся в тот же месяц, на котором одна треть делегатов состояла из представителей коренных национальностей, Атабаев был избран Председателем Совета Народных Комиссаров Туркестана.

Управляющий делами Каплан и секретарь Совнаркома Рудой ждали Атабаева у парадного входа бывшего здания Туркестанского генерал-губернаторства, где размещался Совнарком. Это был первый день работы нового Председателя СНК. Каково же было их удивление, когда прибежавшая секретарша сообщила им, что Константин Сергеевич уже в кабинете, он вошел в здание со двора. Постучавшись, Каплан и Рудой вошли к нему. Они застали Атабаева выкладывающим из портфеля многочисленные бумаги. Затем он стал отодвигать ящики массивного письменного стола, извлекать из них кипы документов.

— Помогите, пожалуйста, сложить все это вон на тот столик,— попросил он.

Атабаев достал из кармана записную книжку и взглянул на ручные часы фирмы «Павел Буре», оставленные на память Михаилом Васильевичем Фрунзе.

— Вот что! Сейчас я побуду один. Скоро подойдет Исидор Евстигнеевич.

— Вы покажите товарищу Любимову эти бумаги,— посоветовал Каплан.

— Конечно! Как же иначе? Мы с ним поработаем часа два-три. Словом, я вас прошу,— Атабаев подошел к письменному столу и на чистый лист переписал что-то из записной книжки,— к двенадцати часам изготовьте вот эти два лозунга: «К станкам, молотам, киркам, лопатам, топорам, трудящиеся Туркестана! Не забудьте также и о винтовке со штыком! Бейте по обломкам буржуазного строя, выше воздвигайте здание социализма!» Пусть напишут помельче. Мы поместим его в кабинете на этой стене, а другой: «Дело строительства Советской власти и хозяйства республики — дело только самих рабочих и дехан!» — надо сделать покрупнее и повесить над главным входом в СНК. Второе. Задание обоим вам. Подработайте приказ и состав комиссии. С завтрашнего дня начнем чистку аппарата Наркомпрода. Сократим аппарат наполовину! Следует собрать четыреста, четыреста пятьдесят коммунистов, которых мы направим в кишлаки и аулы возглавить продотряды.

Каплан и Рудой переглянулись, Атабаев это заметил.

— Что-нибудь не ясно? — Управделами и секретарь молчали.— Тогда приступайте. И попрошу, чтобы до девяти утра завтрашнего дня об этом никто, кроме вас двоих, не знал. Это важно. Далее. Почему вы не записываете?

— Мы запомним,— ответил за обоих Каплан, которому не очень-то нравилась активность нового председателя.

— Садитесь к столу и записывайте,— вежливо попросил Атабаев,— чтобы мы потом не тратили напрасно время. Далее, это посложнее. Составьте вчерне проект декрета об изъятии у населения платины, золота и серебряных монет. Золотые и платиновые изделия весом свыше сорока восьми золотников,— Атабаеву сначала показалось как-то неудобно с этого начинать, но он вспомнил выписанный из «Правды», еще в мае месяце, призыв «Бейте по обломкам буржуазного строя» и решил, что именно с этого и следует приниматься за де-

ло,— и бриллианты свыше трех карат подлежат сдаче. С пережитками прошлого надо кончать!

Атабаев отпустил своих помощников и сел за стол. Вынул из портфеля материалы, углубился в них. Они содержали информацию не из приятных: объем валовой продукции промышленности Туркестана сократился на 80 процентов, только двенадцать вагонов, платформ, цистерн из ста можно было использовать в деле, тридцать семь паровозов из сотни стояли с потухшими топками. Посевная площадь под хлопок сократилась с 529 тысяч десятин до 106 тысяч. Выход хлопка-сырца в сравнении с 1913 годом сократился в 23 раза. Многие районы Туркестана не имели хлеба.

5

Последний партийный съезд, проходивший в сентябре 1920 года, определил главные задачи: восстановление транспорта, хлопководства, топливной промышленности, организация союза «Кошчи» — массового союза крестьян (дехкан) и нормализация работы Наркомпрода. Особым постановлением съезд обязал Наркомпрод усилить работу по проведению земельно-водной реформы. Состоявшийся вслед в сентябре же 9-й съезд Советов Туркестана принял разработанный под руководством Атабаева «Закон о земле». По закону в пределах Туркестанской республики все земли и воды, в чьем бы они пользовании ни находились, считались отныне государственным достоянием. Право на землю имел теперь любой дехканин, чайрикер, мардокер¹, если он обрабатывал ее личным трудом. Купля, продажа, залог и аренда земли рассматривались как государственное преступление.

Еще в августе были повышены закупочные цены на хлопок-сырец, а хлопкоробам предоставлены определенные льготы — обещана компенсация натурой. В октябре Атабаев провел в СНК решение, по которому развитие хлопковой промышленности признавалось наиболее острой и ударной областью экономики Туркестана. «На развитие культуры посевов следует обратить сугубо серьезное внимание» — во фразе ощущалось явное влияние И. А. Севастьянова. Атабаев, вписывая ее в проект постановления, думал о Куйбышеве, о его беспокойстве

---

¹ Издольщик, поденщик.

по поводу «непоправимой беды», которая, как он говорил, придавит революцию, коль случится, что фабрики Российской Федерации окажутся без хлопка.

Басмачество было серьезной помехой исполнению этих планов. Основным его очагом выступала Фергана. Меры, принятые Фрунзе весной, начинали приносить результаты. Однако явно необдуманные действия отдельных военачальников, особистов и членов ревкомов, в том числе и местных коммунистов, особенно молодых, у которых отсутствие политического опыта с лихвой восполнялось классовой ненавистью к богатым, усугубляли положение. В Фергане был полностью заменен ревком и смены многие командиры частей, создан Военный совет Ферганской области. Его председателем Атабаев рекомендовал Николая Паскуцкого. «Он справился с беляками в Закаспии, не сомневайтесь. Я его знаю», — убедительно заявил Атабаев на заседании Туркбюро. То было летом, а в конце октября в Фергане был уже создан Реввоенсовет, во главе которого, оставаясь в должности Председателя СНК, оказался сам Атабаев.

Он в сложной обстановке за полгода много работал над собой, расширял кругозор, приучал себя из множества проблем уметь выбирать главные, те, что в наибольшей степени способствовали организации новой жизни в Туркестане.

С радостью и гордостью, словно он сам являлся автором декрета, встретил Атабаев сообщение о том, что Ленин подписал постановление об учреждении Туркестанского государственного университета. На заседании СНК было принято решение направить в Ташкент около ста ученых, профессоров и преподавателей. Атабаев навестил Лепешинского в Наркомпросе, они вместе набросали текст листовки, чтобы население узнало об этом событии. Обсудили меры по набору студентов. Решили установить квоту для имущих, а из народа отбирать самых способных. Сошлись во мнении, что надо незамедлительно создать подготовительные курсы и рабфак, куда направлять больше детей дехкан, и особенно девушек. Меры эти проводили под лозунгом: «Косность ломать образованием».

На улице шел дождь вперемешку с мокрым снегом, но окно в кабинете было распахнуто настежь.

— Откомандировать в ЦК РКП(б) всех туркестан-

ских коммунистов, зараженных колонизаторством, национал-шовинизмом, и просить Москву мобилизовать несколько сотен европейских и мусульманских коммунистов для Туркестана. Вот резюме моего выступления.— Председатель Туркбюро и командующий Туркфронтом Г. Я. Сокольников опустился в кресло и предоставил слово очередному выступающему.

Им был Билик, член исполбюро ЦК. Основная мысль его выступления сводилась к необходимости оздоровить состав партии Туркестана, очистить ее от кулаков, баев, торговцев, бывших царских чиновников, позорящих партию недостойными коммунистов поступками. Затем слово взял Яков Петерс, член Туркбюро и полномочный представитель ВЧК в Туркестане. Он требовал повести решительную борьбу с религиозными предрассудками, но при этом, конечно, учитывая культурный уровень товарищей.

— Свобода от религиозных предрассудков и поможет нам очистить партию.— В ту минуту Петерс, видимо, был убежден, что проблема заключалась именно в этом.

Слово взял Атабаев:

— Мусульманская беднота веками воспитывалась в духе повиновения, освященного традиционными законами и обычаями. Она еще слабо осознает свои интересы, товарищи. Своими силами беднота не сумеет освободиться из-под влияния баев и мулл. Начинать борьбу с религиозными предрассудками, как и со всем, что нам мешает, следует с правильной организации наших дел и в городе, здесь в столице, и в кишлаках и аулах. А то что же выходит? Дехкане узнают о приезде в Ташкент новых членов Туркбюро, как они говорят, «правительства», и радуются тому, что приехали снимать в ревкомах большевиков. Эти извращенные представления у населения мы обязаны изжить! Когда же они увидят новую жизнь, которую дает им Советская власть, они сами перестанут верить в бога.

— Скорее бы! А то глядишь, ответственный работник, а верит в аллаха,— заметил Петерс.

— Конечно, работать с людьми трудно, особенно с местными. Бывает и такое, кто пошире улыбнется, скажет приветливое слово, тут же его выдвигают на ответственный пост. В Наркомпросе — сколько ни противится товарищ Лепешинский, он везде не успевает — появляются люди совершенно малограмотные, но с полномочиями. Я думаю, для руководителей-коммунистов опас-

на тенденция окружать себя «своими» людьми, без учета их знаний и способностей. И еще у меня предложение — в Наркомзем перевести Паскуцкого. Отозвать его из Ферганы и назначить замнаркома.

— Вот вы и предлагаете своего человека, — заметил Петерс.

— Паскуцкого я знаю как человека партии, искреннего, преданного, который скорее умрет, чем совершит недостойный поступок или сделает так, как хочу я, а не так, как это необходимо Советской власти. Уверен, с его приходом в наркомат проведение земельно-водной реформы двинется. Решения принимаются хорошие, а кто их будет исполнять? Земельная реформа, хлопководство — первостепенные задачи! А я считаю, создать толковый советский аппарат — тоже первостепенная задача. Предлагаю устранить сепаратные действия наркомов! Обязать НКВД и ЧК подчиняться и руководствоваться постановлениями СНК Туркестана. А то на местах пять властей получается.

— Каких пять? — спросил Сокольников.

— НКВД, ЧК, военвед, ревком и исполком. Пять! Разнобой получается. Завтра в девять всех приглашаем на заседание Большого СНК. Будем работать двумя органами, как в Москве, — Малый решает практические вопросы, Большой — главные, решения, которые, если приняты, хочешь не хочешь, а выполняй! А наводить порядок надо с ЧК. Пусть для начала товарищ Домбровский доложит о выселении из Туркестана контрреволюционного элемента. Его выселяют, а он возвращается.

После выступления Атабаева спор разгорелся так, что никто даже не вспомнил об обеде.

6

В соседней с Туркестаном Индии, где борьба за национальную независимость, руководимая Махатмой Ганди, проходила под явным влиянием Октябрьской революции, ширилась новая волна стачечного движения. В Вене открылся объединенный партайтаг Коммунистической партии Австрии, социалистической левой рабочей партии и чешских центристов. Обсуждался вопрос о предстоящем развитии мировой революции. В Англии резко обострился угольный кризис и без работы находилось 1750 тысяч рабочих. Из Константинополя поступило со-

общение о том, что вопрос об очередной вооруженной агрессии против большевиков, при материальной поддержке правительства Франции, получил практическое разрешение: в Голландии началось формирование трех корпусов в 60 тысяч солдат. Итальянское правительство согласилось на назначение В. В. Воровского представителем Советской России в Риме для возобновления торговых отношений. Полномочный представитель РСФСР в Америке Мартенс как «агент большевизма» выслан из Нью-Йорка, а миссия закрыта. В Западном Китае убит известный белогвардеец генерал Дутов, палач рабочей бедноты, друг семиреченских кулаков и ферганских басмачей. В Бухару прибыла, с целью установления торговых отношений с Советской Россией, миссия афганского правительства.

В Москве были опубликованы проект постановления X съезда РКП(б) по вопросу о роли и задачах профсоюзов и тезисы Сталина по докладу об очередных задачах партии по национальному вопросу. В Петрограде за недостатком топлива бездействовали 64 предприятия, в том числе заводы: Путиловский, Сестрорецкий, Сименс и Гальске, «Треугольник», Эриксон. Газета «Правда» объявила о серьезной угрозе наступления в стране соляного кризиса; обнародовала постановление Совнаркома о сокращении всех видов пайков; сообщила о том, что состояние здоровья «великого мыслителя, вождя социализма, анархиста и революционера» Кропоткина резко ухудшилось, что вызвало тревогу в сердцах борцов за свободу трудового народа.

В Ташкенте же главным событием дня стала внеочередная Краевая партконференция, ее открыл 11 февраля 1921 года секретарь ЦК товарищ Е. А. Преображенский, специально прибывший из Москвы для участия в ней.

Зал театра «Колизей», построенный за год до начала первой мировой войны, бурлил, как река Чирчик в дни весеннего паводка. Прежде здесь, поражая воображение сидевших в зале, актеры играли короля Лира, Отелло, Бориса Годунова. Теперь с незатейливой трибуны, установленной на сцене, справа от длинного стола, покрытого красной материей, за которым сидели члены президиума, раздавались не менее страстные и проникновенные речи. Своды театра снова стали свидетелями диалогов и массовых сцен, только участниками их были и находив-

шиеся в зале и члены президиума. Прежде на сцене действовали актеры, воскрешавшие историю, а сегодня на сцене находились те, кто не играл, а сам создавал историю.

Кайгысыз Атабаев, сидя в президиуме, частенько поглядывал в зал, где в десятом ряду на седьмом кресле сидел Лепешинский. Он то и дело переговаривался с Севастьяновым. Кайгысыз, слушая очередного оратора, обдумывал вчерашние решения Совнаркома, а их было множество: охрана памятников, учет музыкальных инструментов, установление конвенции с Ираном по почтово-телеграфным сношениям, вопросы охраны материнства и младенчества, борьбы с малярией и эпидемическими болезнями, реформа узбекской орфографии, мусульманский театр и музыка, деятельность Туркодежды. На заседании был принят проект декрета о пользовании водами в республике. Мирабы станут избираться общим собранием дехкан, утверждаться исполкомами и будут им подконтрольны.

А на трибуне выступал Березин, военный командир, член бюро Закаспийского обкома.

— Почему я не согласен с докладом товарища Сафарова? Да потому что он не видит классовых противоречий среди коренного населения. Их нет? Тогда почему они есть в руководстве партии Бухарской республики? Вспомните Иранскую революцию, тогда партия оказалась не персидской, а тюркской и неверной линией оттолкнула массы. Хотя революция была антифеодальной и антиимпериалистической, но классово правильная позиция могла бы оказать реальную помощь подъему революционного движения на Востоке. Другое дело, есть люди, которые пытаются отсутствие арабского шрифта выдать за колонизаторскую политику РСФСР. Выходит, и товарищ Сафаров с ними. В чем я с ним согласен, так это в том, что национальный вопрос не решить без подъема национальной культуры. Ее надо поднимать и поэтому больше прав и полномочий дать исполкомам.

Атабаев подумал: «Что происходит? Сам же он был за твердую линию. Пока есть басмачество — никаких Советов, все должно быть в руках армии. А теперь критикует члена Туркбюро». Кайгысыз унесся мыслями в Полторацк. Забеспокоило воспоминание о последних сообщениях из Хивы в связи с бандитскими налетами на узбекские кишлаки людей Джунaid-хана. «Крепче надо нашу власть делать. Признает ее и сам отпадет». Из

размышлений его вывели громкие выкрики: «Правильно! Хош!»

Слово держал Бурнашев, председатель Ферганского обкома партии.

— Товарищ Скалов утверждает, в угоду докладчику, что в Туркестане не может быть классового расслоения. А раз так, раз буржуазия не строит социализма, а дехканин не знает своих задач, так и нечего говорить о Советской власти, о национальной автономии, о мусульманской культуре. Значит, пусть правят ревкомы, а потом включим Туркестан в РСФСР и пусть СНК, ЦК назначают в Хиву, Бухару и Ташкент губернаторов! Очевидно, товарищ Скалов метит на такое место. Напрасно товарищ не верит в силу туркестанского дехканина и ратует за партгубернаторство.

Скалов, уполномоченный Туркбюро в Хорезмской народной социалистической республике, попытался ответить с места, в зале поднялся гвалт. Ему не дали возможности говорить. Бурнашев спокойно выждал, пока шум уляжется, и продолжил:

— Я уверен, мусульманская беднота знает, что такое буржуазия и капиталист, она поэтому кричит, что не хочет их опеки и эксплуатации, потому как жила под ярмом, и наша задача — прийти ей на помощь и повести по верному классовому пути, показать, что Советская власть — это ее власть.

Раздались дружные аплодисменты. Председатель поднял руку и сообщил, что на этом вопросы повестки дня исчерпаны.

Через два дня утреннее заседание открыл Атабаев и первому, в порядке прений по отчету ЦК КПТ, предоставил слово Назиру Тюрякулову. Тот толково говорил о задачах предстоящей работы: сплочении всех сил, подъеме культурного уровня коренного населения, расширении полномочий исполкомов, об отходе от методов «военного коммунизма». Речь он закончил следующим заявлением:

— Я полностью поддерживаю положение доклада о том, что борьба с басмачеством средствами одной физической силы не оправдала себя. Необходимо применение политических мероприятий. Но есть товарищи, которые твердо стоят «на позиции палки». Конечно, можно одолеть Фергану, но мы ведь хотим строить Советскую власть с привлечением широких слоев трудящихся. Поэтому пусть иные товарищи не делают вид, что не пони-

мают, что такое колонизаторство. Не время сейчас играть в театр.

Вечером того же дня, до начала заседания, Атабаева видели читающим газету «Известия»¹, в которой была перепечатана статья Ленина «Кризис партии». В ней разбиралась суть шумевшей по стране профсоюзной дискуссии. Кайгысыз, как истинный педант-учитель, спокойно обсуждал эти строки со всеми, кто встречался ему после этого. Он ощущал нутром, душой, реагирующей на всякую несправедливость, разумом практика, что только критика и изживание собственных ошибочных действий в условиях Туркестана и есть верный путь исправления положения, залог успешного строительства Советской власти в крае.

Конференция приступила к обсуждению вопроса о роли профсоюзов. Преображенский, явный сторонник платформы Троцкого — Бухарина, всеми силами стремился взять реванш за проигранные дискуссии в Москве, Петрограде и в других районах страны. И кое-кто из туркестанских коммунистов потянулся за ним. Сказывались инерция «колонизаторского соблазна» и межнациональные трения между коммунистами коренных национальностей.

В самый разгар дебатов Лепешинский спросил теперь сидевшего рядом Кайгысыза:

— Ну, а ваша позиция?

— Ясное дело! Где Ленин, там и я!

Севастьянов нагнулся к Атабаеву и сказал так, чтобы слышал Лепешинский:

— Бывает, что человек ощущает боль в области сердца, когда на него давит диафрагма. Так и здесь, сознание, что ты — власть, распирает грудь и в голове нет ясности. «Демократический централизм не есть идеал, а зависит от условий жизни», — повторил Иван Александрович слова, только что прозвучавшие с трибуны. — Ну так и создавай эти условия!

Следующим оратором был Сафаров, активный член Туркбюро. Он пространно, не утруждая себя выбором выражений, излагал свою позицию.

Лепешинский попросил у Атабаева газету и написал: «Полагаю, что стремление Сафарова и его дружков рассматривать национально-культурное самоопределе-

---

¹ Орган ЦК КПТ и ЦИК Советов рабочих, дехканских, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

ние как ведущее положение в решении национального вопроса, равно как и тезис об отсутствии в Туркестане классовых противоречий среди коренного населения, вызовет у Ильича недоумение». Лепешинский показал написанное Севастьянову, тот согласно закивал. Пантелеймон Николаевич возвратил газету Атабаеву. Тот прочел и прошептал:

— Сколько думаю, ответа не нахожу. Почему тезисы ЦК РКП(б), опубликованные в газете «Правда», на нашей конференции не обсуждаются? Получается, что имеется своя позиция по национальному вопросу. На исполбюро мы об этом не говорили.

Красноречивые, вроде бы убедительно звучавшие выступления сторонников «завинчивания гаек», «огосударствления профсоюзов», применения методов военных приказов не убедили участников партконференции. Это показало голосование: 97 мандатов было отдано за платформу Ленина и только 14 получила группа Троцкого — Бухарина, у «рабочей оппозиции» оказалось лишь 7 голосов.

Последний день работы партийной конференции отводился на прения по докладу Юдовского «О партийном строительстве» и выборам руководящих органов КП Туркестана.

В. Г. Юдовский, приехавший из Москвы партработник, член ЦК КПТ, главный редактор газеты «Известия», бойким пером написавший массу передовиц и статей, был на стороне тех, кто не видел в Туркестане необходимых условий к переходу в партийной работе на принципы демократического централизма. В этом духе Юдовский и составил доклад.

Когда с трибуны прозвучали слова: «Компартия Туркестана находится в такой стадии развития и ей приходится работать в столь сложных условиях, что отказ от военно-централизованного управления приведет к полному развалу ее партаппарата», Атабаев достал свою записную книжку и что-то в нее стал записывать. Однако большинство делегатов конференции высказалось за демократический централизм на основе действовавшего единого партийного устава. Юдовский в заключительном слове признал свою ошибку. Позже в своей работе он перестроился, стал глубже вникать в условия работы в Туркестане.

X съезд РКП(б) положил конец дискуссии о профсоюзах, удержал партию от раскола, завершил собой этап «военного коммунизма». Съезд наметил и дальнейший путь развития народного хозяйства молодой Советской страны, приняв разработанную Лениным новую экономическую политику.

Туркестан по-прежнему представлял собой готовый разбушеваться Везувий. Обстановка здесь усложнялась своеобразными местными условиями.

Басмачество, частично разбитое, продолжало существовать. Все понимали, что с наступлением весны обнаружатся новые его очаги, поскольку зарубежные мусульманские контрреволюционные организации и английские политики активно поддерживали его из-за кордона.

Широкие же слои дехканства медленно приобщались к Советской власти. Баи и мапалы¹ — наиболее грамотная часть сельского населения — разбирались в обстановке и умело использовали ее в своих целях. Бедняки продолжали держаться баев и мулл. Не завоевал пока признания союз «Кошчи», дехкане шли в него с осторожностью. Земельно-водная реформа почти не проводилась, хлопководство восстанавливалось с трудом.

Вот почему в марте 1921 года ЦК РКП(б) нашел необходимым сменить руководство Туркестанского бюро ЦК. Новым председателем был назначен Я. Рудзутак. Яна Эрнестовича хорошо знали в Туркестане как председателя Центротекстиля — энергичного, волевого и как члена Турккомиссии — опытного, рассудительного, относящегося с пониманием к туркестанским проблемам коммуниста. Суть их раскрывалась в задачах, которые были поставлены ЦК РКП(б) перед вновь назначенным руководителем Туркестанского бюро партии: ликвидация фактического неравенства между европейским и мусульманским населением, укрепление дружбы и интернациональное воспитание трудящихся.

От седобородого человека веяло полем. Он был одет в стеганый халат, несмотря на тридцатисемиградусную жару. Приехал он в Ташкент из Ферганской долины, чтобы повидать главу правительства. Атабаев беседовал со

---

¹ Феодалы, богатыи-скотоводы, родовые вожди.

стариком уже около двух часов. Пропустив вперед аксакала, он вышел с ним в приемную.

Среди ожидавших приема находились новый управляющий делами Ванаг и секретарь Совнаркома Рудой.

— Трифон Михайлович,— обратился Атабаев к Рудому,— отправь, пожалуйста, аксакала на машине в старый город. Вас, Иван Иванович, попрошу немедленно установить местопребывание товарища Рудзутака.

Ванаг, как и Рудой, как и все, кто находились в приемной, по тону председателя Совнаркома понял: он чем-то озабочен.

— Товарищи, прошу меня извинить, сегодня принять не могу. Завтра приезжайте в любое удобное для вас время.— Атабаев посмотрел на секретаршу и возвратился в кабинет. Но через минуту вышел, сел на стул в опустевшей приемной.

— Ну, что там? — спросил он нервно Веру Дмитриевну.— Подите узнайте у Ивана Ивановича.

Однако Ванаг стоял уже на пороге.

— Ян Эрнестович у Лазаревича, в его вагоне, третий тупик, слева от станции.

— Знаю.— Атабаев подошел к телефону, непривычно напряженным для сотрудников голосом попросил: — Одиннадцать ноль четыре.

— Снитковский у аппарата,— послышался в трубке голос адъютанта командующего Туркестанским фронтом Лазаревича, который жил и работал в своем штабном вагоне.

Атабаев передумал, положил трубку.

— Иван Иванович, еду к Лазаревичу, буду завтра в половине восьмого. Сразу и заходите с приказом о сокращении переписки между наркоматами. А то писак развелось — потонем!

По дороге на вокзал гнев несколько улегся. Его «виновником» был Лазаревич. Неторопливый в рассуждениях и приказах, образованный — Владимир Саламанович еще в двенадцатом году окончил Академию Генштаба,— в гражданскую за организацию боя под Чонгаром и личную храбрость был награжден вторым орденом Красного Знамени. Он быстро нашел верный тон с местными товарищами. Атабаев заметил, что они в присутствии Лазаревича стеснялись даже задевать друг друга. Кайгысызу импонировало, что этот беспартийный человек, бывший подполковник царской армии, решал дела с партийных позиций. Он заметно приструнил тех команди-

ров, которые считали, что им никакая власть — кроме шашки — нипочем.

Войдя в вагон, Атабаев сухо поздоровался с Лазаревичем, Рудзутаком, Барановым и Коноваловым, отказался сесть в предложенное ему кресло.

— Начинай, товарищ Атабаев, мы ждем. Здесь все свои, — сказал Рудзук.

— Если в течение десяти дней не примем конкретных мер, сила басмачества в Фергане вырастет вдвое! — Атабаев произнес это тихим голосом, но весьма решительно.

— Ультиматум? — спросил Рудзук.

— Получается так! — не стал возражать Атабаев. — У меня только что был ходок из Ферганы. Мы только покончили с грабежами вокруг Карши, приглушили влияние эмирских агентов, так теперь вся Фергана вот-вот поднимется.

Рудзук поглядел в сторону Лазаревича, сидевшего за рабочим столом с бумагами и картами.

— Командование групп, Ян Эрнестович, не принимает мер против грабежей, ссылаясь на отсутствие людей и на падение дисциплины, — ответил на немой вопрос командующий фронтом. Был готов общий план летнего наступления на басмачей. Однако Лазаревич не мог установить окончательную дату его из-за большой нехватки продовольствия, фуража и обмундирования.

— Но дело не только в грабежах! — Атабаев повысил голос. — Получается, что вся тяжесть продразверстки ложится на бедные слои населения. Байство каким-то путем ухитряется уклоняться от сдачи причитающихся с них продуктов.

— Путем, им хорошо известным, да и не только им, но и некоторым продовольственным агентам, — это заговорил Коновалов — участник первой мировой войны, кавалер четырех Георгиевских крестов. Сдав командование Ферганской армейской группой, он принял должность военкома Самаркандского участка. — Хочу поддержать товарища Атабаева. В некоторых поселках и кишлаках продразверстка, а в других — просто изъятие всего имеющегося хлеба и других продуктов. Не оставляется даже на пропитание.

— Ну за это мы с вас должны спросить, товарищ Атабаев. Наркомпрод в вашем ведении. Значит, нарушается решение X съезда партии о переходе от продразверстки к продналогу, — довольно строго сказал Рудзук.

— Вы же знаете, товарищ Рудзутак, что у нас есть решение о постепенном переходе к продналогу. Что же касается Наркомпрода и ответственности, то согласен, если бы продагенты не занимались своим делом в сопровождении военных. Еще лучше, если бы они были из мусульман,— Атабаев опустил в кресло напротив Рудзутака.

— Пока иначе не получается,— произнес до того молчавший Баранов, старый знакомый Атабаева. После Закаспия он был членом РВС 14-й армии Юго-Западного фронта, возглавлял политотдел войск Украины и Крыма, был участником X съезда партии, с оружием в руках брал Кронштадт, получив за это орден Красного Знамени.

— Будем разбираться, Константин Сергеевич, не кипятись. «Ретивая лошадь недолго живет»,— говорят мои земляки-латыши,— заметил Рудзутак.

— А мои говорят: «У кого летом в голове не кипело, у того зимой котел не закипит».— Атабаев замолк на полуслове, чувствовалось, что его осенила какая-то мысль. Он кашлянул.— Студенты! Товарищи, студентов двух университетов, пока они не разъехались на каникулы, в помощь продагентам послать в Фергану. Вот решение проблемы!

— Выходит вы, Константин Сергеевич, будто подслушали наш разговор,— с улыбкой произнес Лазаревич и поднялся со своего места.— Ян Эрнестович до вашего прихода говорил об этом. И мы решили, что триста студентов будет достаточно. Как вы считаете?

Командующий откатил дверь и попросил адъютанта:

— Владимир Петрович, распорядись насчет чаю и чего-нибудь перекусить. Без ужина, известно, подушка под головой вертится.

— Побольше местных коммунистов надо посылать в кишлаки,— заметил Атабаев.— И еще хочу сказать. Басмачей ловим, расстреливаем, а своих, кто пакостит, стараемся миловать. Своих дважды надо расстреливать! Басмачи — враги, а свои — предатели великого дела. С них по самой высшей мерке следует спрашивать. И еще! От этого большой вред происходит. Не выказал подострастия приехавшему сюда иному работнику — а партия этому учить не может, Ленин совсем другое говорит,— сразу жалобы, амбиция. Есть и такие, которые сколачивают группировки, разводят склоку. К примеру,

прежний наркомпрод Малютин не хотел считаться с тем, что он в Туркестане.

— Константин, тут ты прав,— миролюбиво произнес Рудзутак,— но знай, если дело с хлебом завалите, строго спросим.

— Ладно. Но все ж нельзя так, товарищ Рудзутак.— Атабаев не мог успокоиться.— Вы же хорошо знаете, как местные товарищи чувствительны, обидчивы. А бывает не дослушают их, обрывают. Со стороны смотрят люди и говорят: а может, Рыскулов был прав? Администрирование, вмешательство, а не помощь, не обучение. Как нам этого не хватает. Контроль, конечно, нужен! Местные тоже с плеча умеют рубить. Но легко ранить самолюбие, а рана потом долго кровоточит. Знаю, что вы мне скажете. Можете возразить. Да. Но что поделать. Переделывать нас надо не окриком.— Атабаев видел, что Коновалов и Лазаревич согласно кивают.— Любой мыслитель Востока поставит свое имя под словами Саади: «Терпенья угол — доля мудрецов, нетерпеливый мудрецом не станет».

— Еще скажи, что «слона вести ты можешь без опаски за волосок — побольше только ласки».— Рудзутак, увидев вошедшего в салон адъютанта, поднялся с места: — Да! Вот еще что хотел тебе сказать, Константин Сергеевич. Ты опять отложил решение важных вопросов по промышленности. Жмешь на сельское хозяйство. Это хорошо — хлопок стране нужен. Однако плохо, что Председатель Совнаркома Туркестана недооценивает роль развития промышленности в крае. Подумай над этими словами, а сейчас давай почаевничаем. Приглашают!

Рудзутак дружелюбно взял Атабаева под руку.

За чаем с бубликами и сухарями, с курагой и кишмишем разговор продолжился в более спокойном тоне. Атабаев узнал, что до его прихода обсуждался рапорт Коновалова о положении дел в Фергане. Рапорт пространный, более чем на десяти страницах. Подробно ознакомившись с ним, Лазаревич написал на нем: «Совершенно согласен с тов. Коноваловым». Основная мысль рапорта была изложена в простой и четкой фразе: «Окончательно ликвидировать басмачество исключительно военной силой НЕВОЗМОЖНО». Однако на место Коновалова назначался заместитель командующего фронтом, боевой, знакомый с условиями Туркестана командир Г. В. Зиновьев, а член РВС фронта Баранов посылался

в Фергану для проведения инспекции и налаживания более тесной связи в работе военных властей с обкомом и исполкомами.

8

Лютый неурожай в Поволжье и прилегающих к нему губерниях вызвал голод в столице, Петрограде, важных рабочих центрах и деревнях обширной части России.

Ленин обратился к Наркомпроду Туркестана с телеграммой:

«Ввиду необходимости срочного смягчения продовольственного кризиса в центрах, достигшего исключительной остроты, просим в порядке боевой срочности, имеющей политическое значение, немедленно погрузить маршруты, и отправить в Москву в адрес Наркомпрода двести пятьдесят тысяч пудов хлеба. Благоприятные результаты урожая Туркеспублики дают возможность быстрой отправки указанного количества».

Урожай в Туркестане ожидался неплохой — посевы зерновых возросли вдвое, а хлопчатника — в полтора раза. Совнарком совместно с РВС фронта готовили постановление о мобилизации по всей территории Туркестанской республики лиц допризывного возраста на сельскохозяйственные работы на август и сентябрь месяцы. Это должно было обеспечить сбор урожая и усилить контакт города с кишлаками и аулами. Оживилась и работа Хлопкового комитета, был обновлен его состав и председателем назначен Севастьянов, горячий сторонник создания в Туркестане «второго Египта».

Возвратившийся из Ферганы Баранов совместно с членом Туркбюро Сольцем на совещании РВС фронта и Туркбюро выступили с предложением срочно провести ряд экономических мероприятий, которые дали бы эффект в борьбе с басмачеством: образование материального фонда для товарообмена с населением, создание земельного фонда путем выселения русских поселенцев, усиление в Фергане советской и партийной работы.

Тюрякулов приветствовал предложения Баранова и Сольца и поддержал мнение Лазаревича о том, что прошлогоднее проведение продразверстки в Фергане почти ничего не дало, но озлобило население. Вместе с тем

Тюрякулов твердо стоял на позиции того, что продналог в Туркменистане следовало вводить постепенно. Атабаев отправил ему записку, в которой выражал свое с ним согласие.

В конце июля 1921 года в Ташкенте состоялось первое краевое совещание заведующих оргинструкторскими отделами областей и уездных парткомитетов по вопросу о продовольственной политике и переходе к нэпу. Атабаев выступил с отчетом о работе СНК и планах на будущее, в которых большое внимание уделялось работе с середняком. Доклад вызвал недовольство Сафарова, который непримиримо относился ко всему русскому сельскому населению Туркестана. Считая его кулацким, он выступал за проведение «политики репрессий». Томский — член Туркбюро — тоже считал излишним либеральничание и заигрывание «со всякого рода непролетарским элементом». Совещание имело принципиальное, важное значение, так как в воздухе уже носились вихри, предвещавшие неспокойную погоду.

Атабаев в приподнятом настроении возвратился из университета. Он присутствовал на первом выпуске годичного рабфака. Из пятидесяти одного слушателя восемнадцать были представителями коренных национальностей Туркестана.

Идя по коридору, он заглядывал в каждую дверь, но вынужден был одернуть себя за столь мальчишеское проявление радости.

В приемной, по улыбке Веры Андреевны, понял, что его ждет что-то приятное. «Звездочет непременно бы сказал: «Тагсыр¹, звезды сегодня располагаются на небе благосклонно для вас», — подумал он и прошел в кабинет. Вера Андреевна вошла в кабинет следом за ним, как всегда с блокнотом и карандашом в руке. Окинув взглядом стол, увидел, что одна бумага лежала отдельно, против его деревянного кресла, поставленного взамен мягкого, кожаного. Это была телеграмма, адресованная Совнаркому и Наркомпроду Туркесреспублики. Глаза быстро побежали по тексту:

«Тов. Бадаев, только что вернувшись из поездки в ваш край, рассказал мне немного о том, как хорошо его встретили местные товарищи и как горя-

---

¹ Сударь.

что отнесли к делу московских и питерских рабочих.

Очень прошу от меня передать всем местным товарищам глубокую благодарность и просьбу и впредь оказывать самую энергичную и всемерную помощь продовольствием рабочим столиц.

Положение тяжелое. Надо помочь всемерно. Уверен, что Вы сделаете возможное.

Шлю коммунистический привет.

В. Ульянов (Ленин)».

Перед взором Атабаева возникли контуры хребта Дохтар-Бокен, одно из наиболее стойких воспоминаний детства, в небо свечой устремился моллаторгай. Остро отточенным фиолетовым карандашом он написал слева в верхнем углу: «Управделами. Объявить Самарканду и Закаспию», поставил подпись и число. Поймал себя на желании оставить телеграмму, чтобы она еще немного побыла у него, но рука сама протянула ее Вере Андреевне. Она поняла, что Атабаев стесняется обнаружить переполнявшие его радостные чувства.

— Снять копию, Константин Сергеевич? — спросила Вера Андреевна.

Атабаев не понял:

— Зачем?

И Вера Андреевна, поняв, что все-таки верно угадала его желание, стушевалась.

Оставшись один, он попросил телефонистку соединить его с Туркбюро. Ответила Глаголева.

— Шура, ты знаешь, пришла телеграмма с благодарностью Ленина, в столице очень ждут хлеб,— сказал Атабаев.

— У нас ее не было.

— Скажу, чтобы прислали. Покажешь членам бюро.

— Хорошо, Константин Сергеевич.

— Обязательно доложи Яну Эрнестовичу о телеграмме. Потом позвони мне, Шурочка. До свидания.

...

9

Первые шаги осуществления новой экономической политики в Туркестане породили слухи о возвращении к старым временам. Торговцы, комиссионеры, спекулянты, русские кулаки, бай, муллы расправляли плечи, ожи-

ли и придавленные революцией, мерами «военного коммунизма», ушедшие в подполье приверженцы контрреволюции, бывшие саботажники. Зазвучали вдруг голоса, призывающие к отмене земельно-водной реформы, возрождались национал-уклонистские идеи, неожиданно обрели второе дыхание и поборники линии великодержавного шовинизма.

Трудность проведения нэпа заключалась еще и в отсутствии крупной промышленности в Туркестане, незначительном количестве рабочих, особенно из коренного населения.

Атабаев был среди тех, кто понимал, что нэп — необходимый этап в восстановлении народного хозяйства.

Что-то мелькнуло перед лицом и плавно опустилось на тротуар. Под косым лучом электрического света Атабаев увидел пожелтевший кленовый лист, подумал: «До осени далеко. Подточен червем». Он стоял с Тюрякуловым и Рахимбаевым у здания, построенного в год его рождения инженером Гейнцельманом. Жар исходил от стен двухэтажного дома, сложенного из красного кирпича, украшенного изразцами и майоликой. (Оригинальное строение позже станет архитектурным памятником, в нем расположится Музей истории народов Узбекистана.)

У обочины всех троих ожидали автомашины.

— Мне все же жаль, что Рудзутак уезжает. Он был на месте и с нами сработался.

— Больной, ему тяжело, трудно у нас. Жарко, — сочувственно произнес Рахимбаев — короткие черные волосы, широкий у основания нос, четко очерченные губы и приветливый взгляд.

— Говорят, едет лечиться в Германию. — Тюрякулов потер высокий лоб, приподняв густые брови вразлет, сосредоточенно устремив вдаль взгляд значительного, знающего себе цену человека. — Вы слышали, Сафаров еще одно письмо отправил Ленину.

— Слышал, Рудзутак доложил Владимиру Ильичу, что проведение земельно-водной реформы способствовало ликвидации остатков колонизаторских настроений в крае и укрепило межнациональную дружбу, — сказал Рахимбаев. — А Сафаров в письме поспешил добавить, что Рудзутак выдает желаемое за действительное. А если говорить серьезно, то любой район сегодня не готов,

нет необходимых условий для проведения земельно-водной реформы, как она задумана.

— Но проводить надо! — с нажимом произнес Атабаев. — И не потому, что есть решение. Она откроет глаза дехканам, прижмет баев.

— Но, Кайгысыз, тебе ли не известно, что Коран запрещает брать чужую землю, — заметил Тюрякулов. — Прежде следует провести широкую разъяснительную работу, перетянуть середняка на нашу сторону.

— Продналог в этом году на десять миллионов пудов зерна будет меньше. Дехканин вздохнет. Обязательно это скажется. Хоть разъяснять, конечно, надо. Еще как! У меня чешется язык взять да и всем наркомам, их замам и остальным — сюда же прихватить ТуркЦИК и аппарат ЦК — объявить, что двери закрыты и — всех в районы, — сказал Атабаев.

— А ты уверен, что, когда возвратишься, твое место не будет занято? — лукаво спросил Рахимбаев.

— Дело будет сделано!

— Пока с басмачеством не покончим, Кайгысыз, мало что сделаем, — категоричным тоном произнес Тюрякулов.

— Ленин должен все и хорошо знать о настоящем положении дел у нас здесь! — решительно заявил Рахимбаев.

— Кому хочется себя в неловкое положение ставить? — вопросом ответил Тюрякулов.

— Если вы согласны, я обдумал. Розенталь заговаривал со мной. Завтра я вернусь к теме, дам информацию и факты. Розенталь дружит с Гопнером. Сам он не станет писать. Но если расскажет Гопнеру, а он это сделает обязательно, то Гопнер, уверен, сообщит все Чичерину.

Ну а Чичерин непременно оповестит Ленина. О таком смолчать нельзя.

Тюрякулов и Рахимбаев нашли предложение Атабаева остроумным и своевременным. Так оно и получилось. Нарком почт К. Ф. Розенталь, по предложению члена Турккомиссии Гопнера, написал письмо, которое Гопнер направил наркому иностранных дел РСФСР. Чичерин письмо направил Ленину. В нем излагались факты неслыханного террора, развязанного басмачами, была подробная информация о катастрофическом состоянии железнодорожных путей, дорожных мостов, электростанций, хлопкоочистительных заводов.

— Кому-нибудь из нас надо в Москву, лично к Ленину,— решительно произнес Рахимбаев.

— Кому-то из вас,— тут же заявил Атабаев.— Есть еще одна мысль. Как вы считаете? Нам следует восстановить старые суды, возратить вакуфы? На время!

— Однако ишь чего захотел! — Тюрякулов чмокнул.— Вах!

— Надо быть политиком! Мы восстановим суды казиев, и, уверен, они на деле не выдержат существования рядом с советским судом. Надо только принять постановление и строго его придерживаться, чтобы тот гражданин, который окажется недовольным решением казия, мог обратиться в советский суд. А наш судья вынесет справедливое решение. И без насилия, без давления суды казиев сами по себе отправятся к аллаху.

— Если так получится, это будет большой политической победой, друзья мои,— констатировал Тюрякулов.

— А что, сто пятьдесят тысяч пудов хлеба Бухара не дает? — спросил Рахимбаев.

— Говорят, не на чем подвезти к железной дороге.

— Ты ж понимаешь! Не на чем! Зерно готово. Только бухарские товарищи ждут товаров в обмен. По старинке живут. Баш на баш! Не верят. Я не согласен. Послал человека. Хлеб получим. А товары потом пришлем.— Атабаев поглядел на часы.— О, теперь уже опоздал.

— Куда?

— В университете сегодня Бродский читал лекцию. Специально позже решили начать. Однако не успел! — искренне сокрушался Атабаев.

— Говорят, ты часто там бываешь, слушателем стал,— заметил Рахимбаев.

— Абдулло, учиться никогда не поздно. Потом я же учитель. Должен пример подавать. Сам же страдаешь оттого, что мало образованных.— Атабаев протянул руку Тюрякулову, крепко ее пожал, также простился и с Рахимбаевым.— Поехали по домам. Там нас ждут.

10

В конце лета 1921 года Атабаев поручил своему заместителю Асфендиарову и заместителю наркома земледелия Паскуцкому проверить наличие всех материальных запасов республики. Опасения оказались не на-

прасными. Асфендиаров и Паскуцкий констатировали полное истощение материальных средств — не было сортового железа, веревки, ремней, инструментария, краски, электропримусов, ламп, канцелярских принадлежностей. Возникла реальная угроза остановки работы многих предприятий. Вскоре, к радости туркестанцев, в СНК и ТуркЦИК пришла телеграмма от М. И. Калинина и А. С. Енукидзе о принятии ими срочных мер по финансированию и снабжению Туркестана строительными материалами, запчастями и промтоварами.

Но на плечи правительства Туркеспублики навалились новые трудности. Еще на основании постановления 9-го съезда Советов все жандармские, полицейские и бывшие царские чиновники подлежали высылке за пределы Туркестана. ЧК отправило около тысячи пятисот человек в Самару. Однако там они оказались неустroенными и стали возвращаться. Тюрякулов и Атабаев обратились в президиум ВЦИК с просьбой принять меры, которые бы оградили Туркестан от «нежелательного элемента».

Другая проблема была посложнее. В Туркестан неминуемо возрос поток беженцев из голодающего Поволжья. Наплыв беженцев уже давно превысил установленную цифру в двести тысяч человек. Выходил из строя транспорт, создавались очаги болезней, нарушалась нормальная жизнь края.

Были и радости. Небольшие, но все же вдохновляющие. В Госуниверситете ректором стал профессор Бродский. На семи факультетах: медицинском, сельскохозяйственном, техническом, общественных наук, педагогическом, рабочем и военном с нового учебного года должны были обучаться уже три тысячи пятьсот студентов. Я. Х. Петерс от имени Туркбюро сообщил Ленину, который лично интересовался положением дел, что сantonиновый завод бывших купцов Савинкова и Иванова по производству из цитварного семени морфия и опия даст продукцию уже в текущем году. Иомуды-атабайцы из Гасан-Кулийской волости по собственной инициативе приняли в свои аулы на полное содержание сто семей голодающих из Поволжья. В старом Ташкенте в помещении бывшей типографии «Эмиля Цинделя» были установлены и начали действовать мусульманские литографические наборные станки. Севастьянов доложил, что подготовил к севу тысячу двести пудов отборных высосортных семян, выведенных селекционером Навроц-

ким в Туркестане из сорта «Russel», который впредь будет называться «навроцким». Из центра пришло сообщение, что в 1925 году Туркестан соединят с центром еще одной железнодорожной линией.

В Ташкенте открылся 6-й съезд Компартии Туркестана. За десять дней до его начала Атабаев сообщил телеграммой Ленину, что «предприняты все меры к отправлению хлеба маршрутными поездами и эти меры неуклонно проводятся в жизнь. 31 июля отправлен маршрутный поезд Самаркандской областью в 24 вагона. 2 августа прибывает из Семиречья один маршрут. В дальнейшем отправление маршрутов будет производиться возможно усиленным темпом и при напряжении всех сил и средств. В заключение Турксовнарком считает необходимым подтвердить еще раз, что им принимаются все усилия оказания помощи Федерации в ее борьбе с голодом».

Приглушенный говорок в зале стих. Атабаев был в состоянии некоторого возбуждения, голос его звучал необычно громко:

— Слово «уклон» стало почти синонимом слову «враг». Очень опасно это, товарищи! Мы должны быть беспощадны к врагу. Это да! Но к тем, кто заблуждается, часто стремясь сделать лучше или, как это тоже нередко бывает особенно у товарищей из местных национальностей, просто проявить, утвердить свое «я», нам следует выработать иной подход.—Такая постановка вопроса Атабаевым являлась следствием духа, царившего последние месяцы в Туркбюро, Турккомиссии, который не мог не сказаться и на исполбюро ЦК, ТуркЦИК и СНК.—Снять голову с плеч не трудно. Но много ли у нас голов? Да вспомните X съезд, вспомните речь Ленина.—Атабаев раскрыл свою заветную записную книжку.—«Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон».—Атабаев отложил книжку, набрал в легкие воздуха:—Я за принципиальность, но ее не следует подменять скороспелым, поспешным пришиванием ярлыков. И, чуть что, сразу по голове! Враг, предатель! Но не дело, как говорят украинцы, что паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат. Кажется, так?—По

залу пронесся шелест — всем было ясно, что речь шла о Томском и Сафарове. — Великодержавные шовинисты не перевелись и продолжают не верить в творческие силы трудящихся местных национальностей. Нам говорят: своими силами вы не способны навести порядок в народном хозяйстве, не сможете заложить фундамент социалистического общества. Мы также не можем мириться с утверждением и других товарищей, что нэп направлен на восстановление прежних экономических отношений и приводится в интересах байско-кулацкой верхушки. Они ратуют за диктатуру русского рабочего и забывают о крестьянах коренного населения. Если же подумать глубже, товарищи, это только ослабляет союз рабочего класса и дехканства, к чему стремится наша революция. Возможно, баи и остатки эксплуататорских классов и могут воспринять нэп как возврат к старым дореволюционным отношениям. Ну и хорошо! Пусть заблуждаются. Хуже, когда заблуждаются наши товарищи, которые никак не могут расстаться со своими националистическими идеями и взглядами. Но и то! Националисты сейчас пытаются добиться политических уступок баям. Идут совсем не туда! Пусть! Помахровеют, станут нам еще виднее. Но скорее всего они поймут свои заблуждения и, очистившись, вернутся в строй. Знаю, за такие речи на меня осуждающе смотрят некоторые товарищи. Я их понимаю. Но, товарищи, следует помнить, что у большинства тех, кто сегодня колеблется, есть опыт, знания, авторитет. Эти люди нам нужны, без них действительно нам восстановить народное хозяйство будет трудно, — Атабаев оторвал взгляд от бумаги, мысль лихорадочно работала, он колебался сказать или не сказать и все-таки решился: — Вчера с этой трибуны товарищ Петерс критиковал Турара Рыскулова и Низаметдина Ходжаева. Действительно, товарищ Ходжаев, когда мы ему предложили стать замнаркома продовольствия, заявил, что он не одобряет нэпа. У нас есть письмо от товарища Рыскулова из Баку, где он тогда работал уполномоченным Наркомнаца по Азербайджанской республике. — Раздались отдельные аплодисменты. — Это письмо обрадовало нас. Турар Рыскулович во многом по-новому смотрит на вещи. Он начинает признавать свои заблуждения. Увидел! Я уверен, что и Низаметдин Исаметдинович поймет правильность, выгоду и необходимость для нашей страны, в том числе и Туркестана, новой экономической политики. Два слова

о товарище Сафарове. Думаю, что это похвально, что он такой упорный. Но почему он всю свою энергию бросает на борьбу с колонизаторством русского кулачества и ни слова никогда — по крайней мере, я не слышал — не говорит о борьбе с местным эксплуататорским элементом?

Зал замер в ожидании того, что еще скажет Атабаев.

— Теперь по поводу выступления делегата Пушкаренко. Мы уделяли мало внимания кустарной промышленности. Он прав. Но теперь обязательно поможем. Более того, предлагаю внести в решение партсъезда пункт о промышленности. Конечно, промышленность всегда будет основой народного хозяйства, и мы ее будем поддерживать всеми силами, всеми возможными средствами. И еще. Председатель экономического совета республики товарищ Асаткин говорил, что у нас до сих пор очень слабо знают о решениях партии, поэтому многие и считают, что нэп на короткое время, и это, мол, несерьезно, и им можно не заниматься. Ленин сказал — всерьез и надолго! Правильно! Нужна широкая пропаганда нэпа, следует разъяснить условия, породившие нэп, объяснить его выгоды. Я уверен, что новый состав Центрального Комитета с первых же дней своей работы обязательно этим займется. И последнее. Товарищи, пора серьезно кончать с таким положением, когда мы только и знаем, что спорим. Вчера встречаю знакомого, он идет, покачивается. «Ты что так идешь?» — спросил я его, а он отвечает: «Шатаюсь от уклонов. И не я один...»

В зале раздался смех и бурные аплодисменты.

Во время перерыва Атабаев оказался в кругу Томского, Тюрякулова, Рахимбаева, Паскуцкого.

— Николай Антонович прав, — сказал Атабаев. — В наркомземе следует пересмотреть руководящие кадры. Хотел бы с вами посоветоваться, есть кандидатура нового наркома. Он человек дельный, этим и займется. Возражений нет?

Атабаев посмотрел на Томского.

— Сами решайте. — Такой ответ был неожиданным для присутствовавших.

К группе подошел нарком здравоохранения:

— Неприятные вести, товарищи. Тиф распространяется. Сыпной, брюшной, возвратный. Все три вида сразу и в целом ряде мест.

— Сегодня после вечернего заседания соберемся у меня и всех специалистов пригласим. Не забудьте пригласить и доктора Слонима,— попросил Атабаев.

11

В августе 1921 года на 6-м съезде Компартии Туркестана Атабаев вновь был избран в Центральный Комитет и вошел в состав Исполнительного бюро ЦК КПТ. Работать приходилось до двадцати часов в сутки. Басмачество продолжало терзать наиболее плодородные районы края. Нэп требовал не только нового осмысления, но и больших усилий в его проведении. Голод, охвативший население граждан молодой Советской страны, требовал заниматься беженцами и заготовкой хлеба, мяса, жиров и отправкой их в Россию. В крае свирепствовал тиф. Больших усилий требовала борьба за широкие массы дехканства. Все это составляло каждодневные заботы главы правительства Туркестанской АССР.

После окончания работы 6-го съезда, определившего «коренной задачей момента тщательное, добросовестное и оперативное проведение всеми партийными и советскими работниками новой экономической политики, установленной на долгий, многолетний период», в Ташкент прибыл с поручением Ленина уладить разногласия между Томским и Сафаровым ответственный работник аппарата ЦК РКП(б) Иоффе Адольф Абрамович. Профессиональный революционер, в прошлом «левый коммунист», он проявил недюжинные способности дипломата, когда был полпредом в Германии и возглавлял советскую делегацию на мирных переговорах с Польшей, Эстонией, Литвой и Латвией.

Почти одновременно в Ташкенте появился и председатель Главхлопка Виктор Павлович Ногин, один из старейших и преданнейших большевиков-ленинцев. Атабаев встречал Ногина на вокзале и с первой улыбки, первого рукопожатия почувствовал, что полюбил Ногина так же искренне, как Фрунзе и Куйбышева.

Иоффе очень скоро был вынужден сообщить Ленину о бесплодности попыток примирения Томского и Сафарова, и они оба были отозваны из Туркестана. Политбюро ЦК РКП(б) в октябре 1921 года назначило нового председателя Туркбюро. Им стал А. А. Иоффе. Членами Туркбюро были назначены В. П. Ногин, Я. Я. Су-

риц из ЦКК, Н. Тюрякулов, К. Атабаев, А. Рахимбаев и Я. Х. Петерс. ЦК РКП(б) признало важнейшей задачей партийных и советских органов Туркестана ликвидацию басмачества.

В кабинете Адольфа Абрамовича, к своему удовольствию, Атабаев увидел Ногина.

— Константин Сергеевич,— обратился к нему Иоффе, усадив в мягкое кресло у стола напротив Виктора Павловича,— считаю долгом познакомить вас с важным письмом Владимира Ильича. Ленин запросил массу разнообразной информации. Вы сведущий товарищ. Помогите.

Атабаев внимательно прочел письмо, датированное 13 сентября, сделал краткие заметки в записной книжке. Читая письмо, он чувствовал, как внимательно за ним наблюдали оба ленинских соратника, когда он дошел до места: «Я лично **очень** подозреваю «линию Томского» (может быть, вернее, линию Петерса? или линию Правда? и т. *под.*) в великорусском шовинизме или, правильнее, в **уклоне** в эту сторону.

Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно **завоевать** доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; **доказать**, что мы *не* империалисты, что мы *укло-*
на в эту сторону *не* потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным.

С ком. приветом *Ленин*».

Атабаев прочел эти строки дважды: и должен был перевести дух. Слова так и рвались наружу, но он только сказал:

— Сделайте так, товарищ Иоффе, чтобы об этом узнало как можно больше людей.

— Ну, текст письма...

— Нет, смысл—это мировой вопрос, без преувеличения мировой.— Своей реакцией Атабаев явно радовал Иоффе и Ногина.

— А этим займемся вместе. Это ведь важно для укрепления дружбы, важно для понимания роли того, что мы, особенно мусульманские товарищи, делаем здесь.— Иоффе допил стакан воды, стоявший на столике.

— Откажитесь от холодной воды, Адольф Абрамо-

вич. Она летом вредна в наших краях. Чай, лучше зеленый, и обязательно горячий.

— Спасибо за совет. Не премину воспользоваться. Константин Сергеевич, постарайтесь побыстрее ознакомить меня с фактами, которые требуются Владимиру Ильичу. Оставляю вас с Виктором Павловичем, побеседуйте здесь, а я хочу повидать Тюрякулова.

Атабаев не мог оторвать глаз от Ногина. Крупная голова с густой седеющей шевелюрой, аккуратная борода и очень пышные усы, скрывающие полностью верхнюю губу, продолговатое лицо с высоким, почти прямоугольным лбом и пронизательный, неторопливый, из-под пенсне, поразительно умный взгляд. Одет в белоснежную рубашку под скромным галстуком и тройку, несмотря на туркестанскую жару. «Трудно поверить, что он бывший рабочий и начинал с конторского мальчика. Томский вон, родился в семье слесаря, а разница — день и ночь!» — подумал Атабаев о Ногине, который, по словам его современников, «ни в чем не уступал лучшим интеллигентам партии».

— Вот что я вам хотел сказать, товарищ Атабаев, понимаете, у вас здесь работа ведется несколько хаотически, чтобы не сказать сильнее. А следует выбирать главное, хватываться за это главное и тащить.

— Хлопок? — спросил Атабаев.

— Нет, дорогой мой. Прежде всего четкий план восстановления и развития народного хозяйства. Мне кажется, он должен состоять из трех частей. Во-первых, обеспечение Туркестана техническими возможностями более быстрой реализации вообще всех других планов. Сюда, в первую голову, входят пути сообщения, без чего ни к какой хозяйственной работе приступать нельзя. Во-вторых, такое развитие товарооборота, которое обеспечило бы большую свободу действий местным хозяйственным органам и предприятиям. В-третьих, я считаю, что необходимо обратить внимание на те отрасли хозяйства, которые обеспечивают ему наибольшие выгоды.

— Виктор Павлович, хлеб выращивать в России и везти к нам, а мы лучшие земли — под хлопок, — обрадованно заявил Атабаев.

— Это мысль! — отозвался Ногин. — На данный период с этим можно согласиться.

— С вами на днях долго беседовал Севастьянов. Он просто в восторге. — Атабаеву хотелось наговорить массу приятных слов, но он воздержался.

— И мне он понравился. Умный человек. Знаете, можно еще наскрести немало хлопка «по сусекам». Поддержите нас с Севастьяновым. А с нового года дадим ссуды, заинтересуем хлопкоробов товарами, установим премии.

— Многих вы уже зажгли, Виктор Павлович. Делегации дехкан, с которыми вы встречались, с энтузиазмом возвращаются домой. Ваши идеи им нравятся. Успех будет!

— Константин Сергеевич, не далее как вчера приходил ко мне домой один из ваших восторженных дехкан. Приволок — что бы вы думали? — живого барана. С моей Ольгой Павловной чуть не случился обморок.

— И вы отказались взять? Виктор Павлович, вы глубоко обидели дехканнина.

— Я сумел его убедить. Он не обиделся, он меня понял. Ведь так завтра понесут и другое.

— Нет. Он же ничего взамен не просил. Это знак уважения к вам. — Атабаев искренне сокрушался.

— Константин Сергеевич, товарищ Рахимбаев сейчас в Москве, и, я уверен, его примет Ленин. Думаю, там будут решаться хозяйственные вопросы. Вы давали ему в этом смысле свои поручения?

— Нет. Если Абдулло расскажет Владимиру Ильичу о положении дел, уже будет прекрасно. Зачем занимать его нашими мелочами?

— Тут вы не правы. Решительно не правы! Допустили ошибку. Непременно следовало, и не просто на словах. Бумагу с четким изложением проблем и вашими соображениями по поводу их устранения. Вы промахнулись, Константин Сергеевич. Впредь надо быть предусмотрительнее. Владимир Ильич любит точность.

В кабинет возвратился Иоффе.

— Да, вот что, Константин Сергеевич, давайте посоветуемся, где и как проводить чистку руководящих товарищей.

— Только в низовых коллективах. И у всех на виду, — ни на секунду не задумываясь, ответил Атабаев.

— Мы собираемся поручить Виктору Павловичу возглавить такую комиссию.

— Плохо, что у нас своих сил не нашлось. Так я вам прямо скажу, там, где чистка началась без учета нашей действительности, имеются ошибки.

— Это мы обязательно примем во внимание, — пообещал Ногин.

— Обязательно! Сам факт присутствия «варягов», так прозвали некоторых товарищей, прибывших к нам, не способствует успокоению страстей. Но я понимаю, иначе мало что получилось бы...

— Константин Сергеевич, я хорошо понял вас,— сказал Ногин.— Настоящим партийцам из мусульман поможем, но случайных, чуждых истинным идеям революции элементов в партии Туркестана хоть отбавляй, и им в ней не место. Вы, товарищ Атабаев, в исполбюро имеете сильный голос. Активнее используйте его. Установка Ленина известна — не копировать российскую тактику, применять ее исходя из своеобразия местных условий и воплощать не букву, а дух, смысл наших идей, опираясь на опыт четырехлетней работы. Теперь наиболее передовой части работников партии следует делать все, чтобы укрепить спайку, сплоченность партийных кадров. Побольше дискуссионных кружков, марксистских курсов. И сглаживать шероховатости между русскими и местными коммунистами.

Атабаев слушал и думал: «И между узбеками и туркменами, казахами и узбеками и киргизами. Создать бы самостоятельные республики. Вот в чем вопрос. Как бы на него ответил Ленин?»

После беседы, которая сблизила Атабаева и Ногина, Кайгысыз пошел пешком до университета, надеялся застать профессора Димо, декана сельскохозяйственного факультета, тот обещал ему книгу Глуховского «Пропуск вод Амударьи в Каспийское море». Он шел и размышлял: «Лукошко российского глубокомыслия», — говорил Иоффе о Ногине. Вот пример! Такими должны быть истинные коммунисты. Сам из рабочих, тюрьмы и ссылки использовал, чтобы набраться знаний, получить образование. А какая душа! Как ему больно от наших интриг. Никаких личных интересов, никакого честолюбия. Недаром дехкане тянутся к нему. Таких бы сюда побольше. Болен вот только».

12

Медперсонал, прибывший из центра в Ташкент, и 3 миллиарда рублей, выделенные союзным правительством, помогли справиться с эпидемией тифа. Финансовые ассигнования (в том числе 1 миллиард рублей от-

пускался только на закупку гренажа шелковичного червя), присылка из России стройматериалов, запчастей, промтоваров на сумму более 100 миллиардов рублей и начинавший уже положительно сказываться на народном хозяйстве нэп — все это понемногу способствовало выравниванию жизни Туркестана. Сильной помехой по-прежнему оставалось басмачество. Оно отнимало массу сил, вносило нервозность, способствовало брожению умов, что далеко не содействовало изживанию старых туркестанских болячек и стабилизации Советской власти в крае.

Правда,— и это открыто радовало Атабаева — одному из давних споров постановлением ЦК РКП(б) от 14 октября 1921 года был положен конец. В нем говорилось, что земельно-водная реформа в дальнейшем должна проводиться в порядке землеустройства пришлого и коренного населения, в целях уравнивания обеих групп в праве на пользование землей и водой и ликвидации самовольно захваченных земель у коренного населения.

В результате 8 тысяч бедняцких хозяйств казахов, киргизов и узбеков получили свои наделы земли. На ирригационные работы правительство РСФСР выделило 5 миллиардов рублей, и полмиллиарда рублей добровольно на эти цели собрало само население.

Немалую работу в этом плане проводил союз «Кошчи» — массовая организация трудящегося крестьянства. Она налаживала жизнь беднейшего крестьянства, крепила интернациональный блок русского и местного трудового крестьянства, становилась опорой партии и Советской власти в сельской местности.

...Атабаев теперь почти не бывал дома, редко видел дочурку и жену. Таня, воспринимавшая отлучки мужа чисто по-женски, не сдерживала себя в те минуты, когда они виделись, и, уставший, обремененный заботами, Константин Сергеевич вместо отдыха принимался за увещевания. Долгие, раздражительные разговоры эти постепенно и невольно привели к тому, что и домой уже не так тянуло. Вскоре до слуха Тани стали доходить разговоры, которые подтверждали ее интуитивное предчувствие. Она хорошо знала, что пылкое и темпераментное сердце Атабаева не могло долго оставаться не занятым. Назревал семейный конфликт, который не мог привести ни к чему хорошему.

Атабаев боялся опоздать и очень торопился. Посадка уже шла. Когда он подошел к вагону, в котором ехал Ногин, прозвучал первый звонок.

— Виктор Павлович, гора с плеч! Надеюсь на встречу в Москве. Не забудьте передать привет Пантелеймону Николаевичу,— в тоне Атабаева проскальзывали просящие нотки.

— Лепешинский сейчас в Истпарте, на Воздвиженке, важным делом занимается. Передам, Константин Сергеевич.

— Скажите, что я его постоянно вспоминаю и никогда не забуду, как и вас, Виктор Павлович.

— Вот здесь аналогичный случай! Рано я уезжаю, верблюжье мясо меня доканает. Спасибо вам огромное за заботу. Если бы не ваши старания, зелень, фрукты, чал¹ и айран², так кажется по-туркменски? Да и народ здесь собрался чересчур темпераментный.— Ногин стоял у подножки вагона и держал руку на животе. Атабаеву казалось, что сам он ощущает его боль. Если бы мог, он, кажется, взял бы ее на себя.

— Окраина,— произнес Атабаев и сам удивился такому определению.

— А вы продолжайте в том же духе.— Под сводами перрона прозвучали два удара вокзального колокола. Ногин стал прощаться с провожающими, а обращаясь к Атабаеву, сказал: — С вами, с тобой, так лучше и правильнее, товарищ Атабаев, с тобой я готов идти на любое дело!

Паскуцкий, когда возвращались в город, заметил:

— Гляди не задавайся, Константин. С тобой готов идти на любое дело такой партиец! До революции семь раз арестовывался и шесть раз бежал из ссылки. Да, за Ногиним слава лучшего конспиратора и знатока подпольной работы. И людей тоже...

Атабаев, председатель СНХ Асаткин, Асфендиаров, Паскуцкий, Солькин и приехавший из Москвы Рыкунов — опытный экономист, назначенный возглавить Водхоз,— работали над новым планом развития народного

---

¹ Напиток из верблюжьего молока.

² Кислое молоко.

хозяйства. При его составлении они опирались на решения 8-го Всероссийского съезда Советов, определившего перспективу перестройки народного хозяйства, рекомендации специальной комиссии по туркестанским делам и письмо ЦК РКП(б) «К товарищам коммунистам Туркестана».

Подспорьем им была и статья председателя Госплана Г. М. Кржижановского «Хозяйственные проблемы РСФСР и работа Госплана», в которой говорилось о необходимости разгрузить центр, дать ему возможность сосредоточить свое внимание на общегосударственных задачах, а местную промышленность передать в компетенцию местных властей, они сами лучше позаботятся о ней.

В рабочем кабинете Атабаева появился новый лозунг: «Уметь хозяйничать, уметь торговать! Чтобы одолеть капиталистов, мы обязаны научиться торговать, вести хозяйство, использовать успехи науки и техники лучше, чем они!»

После бурного заседания исполбюро Атабаев направился в штаб Туркфронта — пошел пешком, чтобы остыть. Бывший Константиновский, а ныне имени Революции, сквер был заложен еще в семидесятые годы прошлого столетия. Атабаев вспомнил, как здесь в 1905 году проходил митинг, и себя, беспокойного семинариста, боявшегося пропустить слово из выступления рабочих.

К зданию на Джизакской улице, построенному в 1911 году архитектором Маркевичем под гостиницу «Националь», где теперь размещался главнокомандующий и оперативный штаб Туркестанского фронта, Атабаев подошел вполне успокоенным. Открыв массивную резную дверь, он вспомнил Фрунзе и Куйбышева, беседы с ними в этих стенах.

Не дожидаясь доклада адъютанта, Атабаев с силой толкнул дверь в кабинет командующего. Из-за стола поднялся В. И. Шорин, уже немолодой мужчина, бывший полковник, герой борьбы с Колчаком и Деникиным, командующий многими фронтами, на его счету ликвидация кулацких мятежей и разгром белогвардейских войск барона Унгерна. Месяц назад он был назначен командующим Туркестанским фронтом.

— Плохо вы, товарищ Шорин, начинаете свою дея-

тельность в Туркестане. Я не в курсе приказаний Троцкого и главковерха Каменева, но я отлично знаю, к чему призывает Ленин и как он учит нас вести дела в Туркестане. Знакомы вы с этими ленинскими положениями или, как беспартийный, не хотите их знать? — Атабаев произнес это на одном дыхании, но Шорина это не смутило.

— Товарищ Атабаев, я с ними хорошо знаком.

— Тогда в чем дело? Почему тех, кого мы здесь удерживали от недостойных поступков, кому не уставали втолковывать, что Советская власть должна быть принята населением не из-за боязни штыков и сабель, вы своими приказами настраиваете на другой лад? — Атабаев глядел прямо в глаза Шорина.

— Начинаю разбираться. — Шорин никак не ожидал такой постановки вопроса.

— Я и пришел от имени исполбюро помочь вам! Под знаком «решительной борьбы» с басмачами допускаются грубые ошибки.

— Конкретнее, товарищ Атабаев, — сверкнул глазами командующий.

— Пожалуйста! Хотя бы невыполнение заключенных с Муэтдином договоров, неудачное разоружение Карабая. Бесчинства отдельных отрядов седьмой кавбригады, в большинстве состоящих из оренбургских и семиреченских казаков. А восьмая — состоящая почти полностью из мусульман, последовала их примеру. У меня стыдом заливало глаза, товарищ Шорин, когда я на месте глядел на это.

— Прошу не забывать, что последняя чистка лишила нас многих людей. Исключены из партии начальник политотдела и комиссар кавбригады, два комиссара полков, члены трибуналов.

— Но в то же время, товарищ Шорин, отозван в Москву Юдовский. Только потому что он не поддерживал таких, как вы, Баранов, Воронин, Тюрякулов, Рахимбаев, Икрамов и я считаем Юдовского ценным работником, знающим местные условия. По той же самой причине уехал Малютин. Дело знал и правильно понимал ленинскую политику здесь. И товарищ Иоффе поддался вашему влиянию. Вы можете, товарищ Шорин, призвать свежие части, подавить силой басмачество. Но если это сделать без поддержки населения, то, как только уйдут регулярные части Красной Армии, все начнется снова. «Важно завоевать доверие», — учит товарищ Ленин.

Есть тенденция сбивать с толку тех, кто правильно понимал нашу политику здесь,— Атабаев сжал кулаки.— Что стало с Барановым? Все верно видел. А сейчас? Словно подменили! Откуда такая жестокость? Если Троцкий дает такие указания по вашей линии, информируйте нас, будем ставить вопрос перед Лениным и ЦК.

Шорин молчал. Он по опыту знал, что пары должны выйти. Но то, что он услышал дальше, его сильно озадачило.

— Так что от имени исполбюро я заявляю вам категорически: басмачество — наша общая проблема и решать ее только военным не позволим. Туркестан не Россия, не Сибирь, даже не Кавказ. Кстати, там Киров, Нариманов, Орджоникидзе так дело не вели. Завтра в пять вечера заседание исполбюро. Вам тоже следует на нем быть. Будем принимать единые меры по борьбе с басмачеством. С ними войдем в Туркбюро и в Политбюро,— уже спокойно сказал Атабаев и, пожав руку Шорину, вышел из кабинета.

14

Знакомство Атабаева с Гусевым состоялось на заседании Туркбюро, председателем которого был назначен Сергей Иванович. Активный член ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», секретарь петроградского Военно-революционного комитета в дни Октябрьской революции, начальник Политуправления Красной Армии и член РВС ряда фронтов, кавалер двух орденов Красного Знамени, Гусев сразу нашел общий язык с коренными туркестанцами. Он быстро создал деловую, спокойную обстановку в работе этого руководящего органа. При активной поддержке Тюрякулова, Рахимбаева, Атабаева и Султан Ходжанова в состав Туркбюро были введены по одному представителю от Бухарского и Хорезмского ЦК партии. По предложению Гусева усилили состав исполбюро ЦК КПТ и его рабочий аппарат...

Несколько дней подряд Гусев приезжал в СНК, тщательно вникал в положение дел, изучал хозяйство и экономику республики. А задачи были все те же: восстановление и развитие ирригации, хлопководства, животноводства, кустарной промышленности и кооперации. Гусев по-

нимал, что топтание на месте во многом объясняется басмачеством и несогласованностью действий.

На ближайшем заседании Туркбюро было решено направить в Ферганскую долину Чрезвычайную комиссию в составе Атабаева, Баранова и Хедыр Алиева.

Было уже поздно. На лестнице Атабаев никого не встретил. Сквозь щель приоткрытой двери тянулась полоска света.

— Можно, Сергей Иванович? — открыв дверь, спросил Атабаев.

— Заходите, Константин Сергеевич. Жду. — Гусев отложил книгу, поднялся с дивана.

Прошли к письменному столу. Гусев показал последнюю телеграмму из Москвы.

— Это не меняет наших задач. Наоборот, быстрее нужно доказать, что мы правы. Вы только, Сергей Иванович, помогите Асфендиарову и Паскуцкому. Николай Антонович остается вместо меня на время отъезда. Помогите своевременно отправить в Фергану продукты и товары. Я думаю, товарищ Ленин не поедет в Геную. Взял бы да и приехал к нам.

— Да разве это мыслимо, если сюда по двадцать дней идут поезда?

— Баранов к вам не заходил? — осведомился Атабаев.

— Был час назад. Постарайтесь, Константин Сергеевич, уладить отношения с ним. — Гусев просил, но и приказывал.

— Да он хороший человек! Но, Сергей Иванович, у нас говорят: крепок тот мир, который завоеван без крови. А Баранов перестал понимать, что такое Восток.

Прощаясь, Гусев по-доброму сказал:

— Константин Сергеевич, смотрите там особенно не рискуйте.

— Я коммунист, Сергей Иванович. — Уходя, Атабаев обратил внимание на раскрытую книгу, это был роман Жюльо «Отверженные» на французском языке.

По пути в Коканд Атабаев, в душе с симпатией относившийся к Баранову, завел с ним разговор. Хотелось докопаться до истины резкого изменения его позиции.

— Петр Иванович, всех нас вы ведь не можете объявить буржуазными националистами. Я, например, с первых дней своей сознательной жизни твердо верил, что к туркменам, тогда я не мог думать о других националь-

ностях Востока, счастливая жизнь придет только в дружбе с русскими, но без царской кабалы. А тут революция! Свобода, равенство и братство!

— Так можно разговаривать с единомышленниками, а с врагами таким языком разговаривать нельзя, Константин Сергеевич. Так мы докатимся! Надо применять силу.

— Из талмуда, кажется: «Кто герой? Превращающий в друга врага своего?» Но речь я веду не о явных врагах Советской власти. Иргаш, Курширмат, Таш Рахманкул, Энвер-паша — с такими не может быть примирения. Речь о массах крестьянства, о середняке, лучших представителях мусульманской интеллигенции, которых отталкивать нельзя. Вы только подумайте, сколько лет потребуется, чтобы из народа подготовить нужных нам людей. Вы думаете, что это так просто? В армии тоже не все красноармейцы, есть командиры и командармы. Все умеют стрелять, но кто стреляет лучше, того в помкомвзвода выдвигаете, чтобы учил остальных. Так и наш дехканин, он умеет трудиться от зари и до заката, но он неграмотен, забит. Средняк, бай, который примет Советскую власть, — а такие есть, я сам с ними Закаспийский фронт снабжал, — вот их знания и умение на первых шагах мы и обязаны использовать, пока свои кадры не воспитаем.

— Вроде вы и верно говорите, но не пролетарская это теория.

— Вы городской, из рабочих, не знаете, а я из аула. С молодости видел, как одна и та же земля одним дает, а других по миру пускает. А сколько хлопка надо Москве, а сколько, чтобы победить мировую буржуазию? Из-под палки цветы без запаха рождаются. А на нас с вами глядит весь Восток.

— Вот скорее с этим и надо кончать!

— Но почему вы, Петр Ионович, до своей последней поездки в Москву по-другому «кончать» собирались? Как возвратились из Москвы, стали другим.

Баранов хотел сменить тему, но Атабаев продолжил свою мысль:

— Нам только стоит перетянуть массы и середняка, с басмачеством тут же будет покончено. А привлечь мусульманскую массу — неграмотную, забитую, фанатически религиозную, но чистую и честную можно исключительно справедливостью. Так вот!

В марте 1922 года на 6-й партконференции в Ташкенте — Атабаев на ней не присутствовал — были подведены итоги чистки Компартии Туркестана. Из 49 тысяч членов и кандидатов КПТ 10 тысяч были исключены и 3200 переведены в кандидаты. Вот цифры, которые весьма красноречиво показывают, с кем Атабаеву, истинному интернационалисту и преданному делу Ленина коммунисту, и таким, как он, приходилось в первые годы строить Советскую власть в Туркестане. Среди исключенных оказалось 175 бывших полицейских, 68 из которых принимали участие в январском 1919 года контрреволюционном заговоре Осипова, 443 бывших белогвардейца, 470 выходцев из чужой среды.

Отдавая всего себя борьбе с басмачеством, разъезжая по кишлакам, Атабаев не мог серьезно проштудировать материалы и решения XI съезда РКП(б). При беглом ознакомлении он только выписал в книжку два места из политического отчета ЦК РКП(б), сделанного Лениным: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил» и «Мы пришли к тому, что гвоздь положения — в людях, в подборе людей!»

В обкоме партии, который возглавлял Ханип Бурнашев, находились председатель облревкома Исеев, заместитель председателя Батай Дадабаев, член облревкома Кадырбек Камчибеков, полномочный представитель ГПУ области Кантор, заместитель комвойск Наумов, начальник штаба Иванов и начальник особого отдела Кирштейн. Докладывал Врачев, командующий Ферганской группой войск:

— Состояние войск удовлетворительное, но продовольствия и фуража не хватает.

— У вас красноармейцы сьедают за день двухдневный паек,— заявил Бурнашев.— Вот товарищ Атабаев здесь, мы примем меры, чтобы не было больше перебоев со снабжением, а вы наведите порядок.

— Не только это. Погодите, товарищ Бурнашев,— слово взял молодой и горячий Дадабаев.— Вот здесь присутствует товарищ Кирштейн. Это он на митинге перед

полками Седьмой бригады заявил, что здесь каждый дехканин — миллионер.

— Перепутал с эмиром, — заметил Атабаев, которому опухшее лицо начальника особого отдела Ферганской группы войск не понравилось. — Слушаем вас, товарищ командующий.

— Обязан доложить, что парткомы и ревкомы обольщаются несбыточными иллюзиями, по их мнению, перелом в жизни населения Ферганской долины должен произойти от частичных наших уступок. Я имею в виду свободную торговлю, суды казиев и биев, амнистию, о чем все здесь говорят. Решать эти вопросы, как я знаю, вы сюда и прибыли.

— А вы думаете иначе? Разве вы не член Чрезвычайной комиссии Туркбюро и ТуркЦИКа?

— Согласен, но думаю, что действительность заставила разочароваться в результатах. — Командующий поднялся с места, поправил портупею. — И еще! В присутствии всех скажу: парткомы и ревкомы, в целях оправдания своего бездействия, стремятся умалить значение военных операций. Поднимают шумиху по каждому отдельному случаю мародерства, инцидентов между гарнизонами и ревкомми.

— С больной головы на здоровую! — сказал Бурнашев и Дадабаев его поддержал.

— Как же не так? Работаете только в городах и вдоль полосы железной дороги. Пока гарнизон стоит, Советы функционируют, как мы уходим, разбегаются. Басмачи вылавливают большевиков, подвергают порке, убивают.

— А на смену приходят другие! Важно, чтобы наши силы все время росли, — сказал Атабаев. — Давайте разбираться конкретно.

— Есть еще одно важное донесение, — командующий подошел к распахнутому окну, выглянул, убедился, что за окном никого нет. — Фергана ждет полковника генерального штаба афганской армии Хусум Ходжиева. Он прибудет для объединения всех басмаческих отрядов. Везет оружие. Курширмат и Муэтдин готовы к торжественной встрече. Ходят слухи, будто в Восточную Бухару прибыл из Афганистана эмир Бухары.

— Насчет эмира не знаем, а вот Энвер-паша там задумал дело. Тем более нам следует скорее засучивать рукава. Быстрее, быстрее действовать! Видимо, и вы, товарищи Кантор и Кирштейн, примете меры. О нашем

приезде и наших планах должно знать как можно больше народа.

— Но не пускать на самотек! — тоном приказа произнес Атабаев. — А вам, товарищ командующий, с Ивановым и Наумовым необходимо установить контакты с Муэтдином, Исламкулом, Джанибеком и начать переговоры. Такова директива. Следующий шаг — переговоры с курбаши Микаш Махоммед Али и Сары Иматовым, по нашим сведениям, товарищ командующий, они тоже готовы на этот шаг. А теперь давайте прикинем, как лучше распределить по кишлакам чай, сахар, соль, мануфактуру, сельхозинвентарь...

Через неделю в Кизыл-Кие начались переговоры с Муэтдином. Баранов ознакомился с обстановкой, увидел, что большинство партийных и советских работников да и комвойск Врачев за проведение уступок и за мирные переговоры с басмачами, взял да и возвратился в Ташкент.

Дадабаев, Ходжаев и комбриг Серденко вели переговоры с Исламкул Палваном и его сподвижниками Карабаем Газы и Юлчи. Исламкул был известен своей жестокостью и категорическим неприятием Советской власти, но сам факт ведения переговоров с ним должен был толкнуть других курбашей на подобные же действия. Во время переговоров с ним был выработан предварительный договор о сдаче. Для его окончательного согласования Атабаев отбыл в Ташкент.

Газета политотдела Ферганской группы войск вышла с призывом: «Долой басмачество!» и с сообщением, что Исламкул выдвинул ряд политических требований, на которые Советская власть пойти не может, что это следует расценивать как желание сорвать переговоры. «Смерть коварному и дерзкому разбойнику, нарушившему свое же собственное слово! Раздавить вероломную гадину!»

Переговоры с представителями курбаши Джанибека, правой руки Муэтдина, которые вел сам комвойск Врачев, продвигались успешно.

Атабаев возвратился из Ташкента в Фергану. Он написал и предложил распространить листовку-воззвание. В ней говорилось:

«Четыре года уже тянется борьба между басмачами и Советской властью, четыре года населени-

Ферганы страдает от боевых действий, четыре года нет в Фергане спокойствия, необходимого для правильной хозяйственной жизни, для восстановления разрушенного хозяйства, для ремонта арыков, домов, для посева хлопка и хлеба.

Пора положить конец этому невыносимому состоянию.

Комиссии ВЦИК и ЦИК Туркестана решили принять все меры к тому, чтобы покончить с басмачеством и добиться восстановления мира и спокойствия...

Они гарантируют полную личную и имущественную неприкосновенность всех курбашей и басмачей, которые добровольно сдадут оружие Красной Армии и разойдутся по своим домам для мирного и благотворного труда.

Никаких советских курбашей и советских басмаческих отрядов! Такие отряды, как показал опыт, продолжают теперь под советским флагом свою прежнюю деятельность, это лежит бременем на мирном трудовом населении.

Да здравствует Советская власть — власть трудящихся дехкан!»

На улице брехали собаки, он слышал их лай. Какой-то посторонний шорох заставил его вздрогнуть. Чья-то голова заглянула в окно второго этажа, и тут же ее владелец по веревке спустился с крыши на подоконник. Атабаев сунул руку под подушку, выхватил револьвер, но незнакомец чиркнул спичкой и поднес ее к своему лицу.

— Я свой, тагсыр Атабай!

— Какой я тебе тагсыр, товарищ я, елдаш Атабаев, председатель Совнаркома, — почему-то ничего другого сказать он не нашел.

— Знаем! Поэтому разговор есть, лампу надо зажечь!

— Зажги! — Атабаев не отводил руку с направленным на незнакомца наганом.

Когда лампа разгорелась, Атабаев усадил пришельца на стул посередине комнаты, сам сел на постель, наган положил рядом.

— Мы пришли, Атабай-уртак¹, сообщить вам, что

---

¹ Товарищ.

Рахманкул и его близкие друзья, один русский офицер и три красноармейца, собираются вас убить. Вот бумага,— человек достал из-за матерчатого пояса сложенную записку.

Текст был написан арабской вязью грамотным человеком.

«В стане Мухитдина Рахманкула обсуждался вопрос о мерах борьбы с правительством, политика которого все больше и больше привлекает на свою сторону население. Было решено убить Атабаева, как одного из представителей современного политического направления. Это дело было возложено на Петра, бывшего офицера, и трех бывших красноармейцев, которые в бегах. Петр предварительно перевез свою семью (жену и детей) к Рахманкулу. После этого они поехали для осуществления своей цели в Коканд на четырех лошадях, которые привлекли внимание кокандских милиционеров и вызвали подозрение. Петр был задержан и передан Феробчека, а потом в Особый отдел, а красноармейцев не задержали.

Мы через нашего человека сообщаем это же самое Кантору.

Дополнительное сообщение. Один джигит Рахманкула Сеид Худояр из кишлака Пап Наманганского уезда служит уже один год агентом в Ташкентском ЧК».

— Ты от кого пришел? — спросил Атабаев, пряча записку в карман.

— Я человек Джанибека. Мы откололись от Муэтдина, давно не воюем с властью, не трогаем население. Хотим сложить оружие.

— Кем уполномочен?

— Полномочий нет. Только придет к вам Раиб Назар Дувансов, верьте ему. Джанибек хочет мира.— Незнакомец проворно встал и направился к окну.

— Постой! — приказал Атабаев и взял наган.— Пошли сюда.

За калиткой — глаза уже привыкли к темноте — Атабаев увидел часового. Тот вел мирную беседу с женщиной в чадре. Подозрение возникло сразу. Человек Джанибека меж тем попрощался и поравнялся с «женщиной». У той чадра слетела с головы, и онемевший от удивления часовой услышал звонкий юношеский смех. «Женщина», ставшая вмиг юношей, исчезла.

— Откуда родом? — спросил Атабаев быстро пришедшего в себя часового. — Не торопись. Свои.

— Из Солотчи, рязанский я, — ответил красноармеец.

— Смотри в оба, товарищ рязанский, а то неровен час, не за понюшку табаку голову сложишь. Это, брат, тебе Восток! — И Атабаев отправился в свою комнату.

16

Спор был горячим, на заседании Туркбюро обсуждался и требовал срочного решения принципиальный вопрос. Из Самарканда от зампреда ЦИК Сергазиева на имя руководителя ТуркЦИКа Рахимбаева поступило сообщение о том, что в области полным ходом идет формирование народной милиции, которая своими силами намерена справиться с басмачеством. Сергазиев просил прислать тысячу двести боевых трехлинейных винтовок и патронов. Резолюция РВС Туркфронта на телеграмме гласила: «Дадим тысячу берданок «гра» и «ваттерли».

Обсуждение длилось более десяти часов. Все члены Туркбюро, ТуркЦИКа, СНК и РВС высказывались по нескольку раз. Чаша весов склонилась в сторону военных. Было решено активизировать боевые действия против басмачей.

В Коканд, в адрес Атабаева, за подписью Гусева пришло решение Туркбюро, в котором подтверждалось введение в состав РВС Ферганской группы Чернышева, прибывшего из Сибири и твердо стоявшего на позициях главнокомандующего — за усиление военных действий. Сообщалось также, что вопрос, возбужденный Атабаевым о присылке в Ферганскую область пятисот трехлинейных винтовок для вооружения населения, согласуется с Москвой. Информация о заключении договора с курбаши Джанибековым принята к сведению, а окончательный текст договора с Муэтдином должен быть утвержден ТуркЦИКом. Атабаеву поручалось не позднее 15 мая провести съезд трудовых масс Ферганской области.

Длинные тени еще лежали на пыльных улицах, ночная прохлада сохранялась в тени дворов, длинных дувалов и пышных крон деревьев, женщины только еще разводили костры, а в доме ушедшего в стан Муэтдина манапа, где расположился исполком, работа шла полным хо-

дом. Атабаеву и его товарищам предстояло проделать верхом на лошадях тридцативерстный путь до кишлака в районе станции Курган-Тюбе, где население устраивало той¹ по случаю установления мира с курбаши Мамед Ходжи.

Атабаев в майке и галифе, босой и небритый, читал командующему группы, Бурнашеву и Дадаеву текст письма, написанного им накануне в адрес Туркбюро.

— «Теперь уже совершенно очевидно, что договор с Джаппибекком Казы Сабендыковым принес нам полный успех. Прежде всего это означает ослабление Муэтдина в военном и политическом отношении, закрепление за нами Ошского и Андижанского горных уездов (десять волостей) и создание опорных пунктов для наступательных действий. Падение авторитета Муэтдина настолько значительно, что среди населения уже начинают называть его «воришкой». И налицо явное повышение авторитета Советской власти в большом горном районе, населенном киргизами, кипчаками и каракалпаками, которые желают больше всего на свете скорее заняться мирным трудом, высевать хлопчатник, производить шелковые ткани, разводить скот».

Атабаев оторвал взгляд от письма. Все внимательно слушали, и он продолжил:

— «Завязаны новые переговоры в Андижанском районе с главой крупного басмаческого отряда Исраилом, которому предъявлены наши условия. Ждем его делегатов. В Наманганском районе ведем переговоры с Аман Пальваном, у него до тысячи джигитов. Следующая встреча назначена на 23 мая. Серьезные надежды возлагаем на договор с Ташматом, родным братом Курширмата, у которого до трехсот человек, он действует в районе Скобелева. В Кокандском районе встречаемся с представителями сразу трех, правда, небольших групп. Все они склоняются к переходу на нашу сторону».

— У кого есть добавления?

— Все-таки, Константин Сергеевич, я думаю, надо о главном говорить.— Бурнашев даже поднялся со своего места.— Пока мы не улучшим жизнь населения, пока не покажем каждой семье, что Советская власть несет ей блага, мы не получим никаких результатов. И не будет их, если мы станем опираться только на одну бедноту. В условиях нэпа нам надо опираться на баев и мулл.

---

¹ Празднество с угощением.

С их помощью восстановим хозяйство. Главную роль потом, думаю, должен сыграть средний класс крестьянства и национальная интеллигенция. Как хотите, они пойдут за нами и поведут за собой остальных.— Бурнашев выпалил эти слова одним духом и было видно, что он убежден в своей правоте.

Атабаев крикнул даже от неожиданности и не успел ответить, как слово взял комвойск.

— Все это разговоры! В России на основе нэпа проводится политический союз с крестьянином-середняком, а здесь, в Туркестане, самым резким образом — классовое расслоение крестьянства. Вот в чем заковыка! И другое. В Туркестане пока нет прочной социальной базы для диктатуры пролетариата, потому Советская власть и существует только в городах.

Атабаев знал позицию командующего Фергруппы, поэтому не стал спорить и только произнес:

— Скоро будет пленум ЦК. Вот там и изложите свою позицию. А сейчас надо думать, как народную милицию создать и с басмачами покончить. Вы же за милицию, вы же за эту линию. Мне известно, что вы среди своих друзей твердо стоите на этой позиции.

— Да!

Врачев был человеком не трусливого десятка, но и он не мог понять беспечности Атабаева, который, выезжая в районы, охваченные басмачеством, ограничивался только малочисленной охраной. Поэтому комвойск распорядился — того требовал устав — вслед за Атабаевым высылать отряд, связь с которым поддерживалась при помощи добровольцев из местного населения. Вот и на сей раз, как только конная группа всадников въехала в кишлак, два взвода на конях расположились по обе стороны его.

Аксакалы устроили торжественную встречу. Атабаева и членов его делегации провели в богато убранный двор, где еще цвели гранаты и инжир, усадили на почетное место. За спинами аксакалов маячила порядком отягощенная жиром фигура бывшего курбаши Мамед Ходжи, за ним неотступно ходил его бывший нукер¹, неся почти на вытянутых руках винтовку и богатую бухарскую шашку, убранную драгоценными камнями, оставленные в личное пользование Мамед Ходжи по договору.

---

¹ Слуга.

Когда гости входили в просторный двор, под навесом которого на коврах были разбросаны подушки и расставлены блюда с яствами, Мамед Ходжи подал знак и нукер с оружием удалился. Тогда Атабаев, уже усевшийся на почетное место, на глазах у всех достал из кармана револьвер и передал его хозяину дома на временное хранение.

Возгласы одобрения прокатились по двору. Вместе с Атабаевым, Бурнашевым, Дадабаевым и другими гостями сидели знатные седобородые люди. За праздничный стол были приглашены и бедные жители кишлака. Атабаев обратил на это внимание своих товарищей.

— Это хороший признак, — сказал он им.

Во двор торопливо вошли люди, что-то сказали старикам, и участники тоя заволновались. Кое-кто вскочил с места. Мамед Ходжа поспешно затрусил на задний, хозяйственный дворик. Председатель местного Совета распорядился, — Атабаев это явно слышал: «Беги за оружием! Собирай своих!»

Атабаев попросил Дадабаева узнать, в чем дело.

Оказывается, панику среди жителей вызвало присутствие красноармейских отрядов вокруг кишлака.

— Призываю к спокойствию! — прокричал Атабаев. — Ничего не бойтесь! Это провокация, затеянная басмачами. Правительство держит свое слово. Оно защищает вас и хочет мира. Оно верно вам и борется только против бандитов, которые грабят ваши дома, убивают вас, не дают возможности спокойно жить. Не поддавайтесь панике! Отрядов Красной Армии здесь нет.

— Есть! Я сам видел, — крикнул один из пришедших.

— Если так, — Атабаев был поражен, — отряд пришел сюда с миром. Никто никого не арестует. Все будет по договору, — председатель Совета уже отобрал револьвер Атабаева у хозяина дома и совал его в руки Председателя СНК, который, отстранив оружие, продолжил: — Вы только не забывайте, товарищи, что главный враг — это басмачи. Если бы не они, не их зверства и грабежи, вы давно бы жили мирно и сами управляли бы своей жизнью. Наша власть — это вы! Наша воля — это ваша воля! Встаньте против басмачей, и не прольется больше кровь и в дома ваши придет мир.

Убедительная речь Атабаева подействовала, но праздник был сорван. А когда подтвердились сведения, что вокруг кишлака расположились красноармейцы, он приказал товарищам собираться в обратный путь. Изумруд-

ные в это время года адары — холмистые предгорья долины, засеянные хлопчатником, — сады и виноградники, стройные пирамидальные тополя не радовали Атабаева.

17

В мае 1922 года ЦК РКП(б) направил в Ташкент комиссию в составе товарищей Г. К. Орджоникидзе и Ш. З. Элиавы. Комиссии надлежало оказать помощь партийным и советским организациям Туркестанской и Бухарской республик. А положение было тяжелым. Из ста восьмидесяти хлопкоочистительных заводов действовало только четыре! Из восемнадцати маслобоек не работала ни одна. Посевная площадь сократилась на две трети, а посевы хлопка в десять раз. Население Ферганской области уменьшилось на одну треть. Басмачи нещадно разрушали фабрики, заводы, кустарные мастерские, железнодорожные пути, мосты, травили посевы, отнимали у жителей скот, имущество, хлеб и хлопок.

Зрительный зал бывшего театра «Колизей» набит до отказа. Воздух наэлектризован. С утра в Ташкенте стало известно, что Энвер-паша, бывший генерал турецкой армии, фактически возглавлявший в первой мировой войне вооруженные силы Турции, а теперь объявивший себя поборником ислама, при помощи английского генерального консула в Кашгаре Эссертон, снабдившего его средствами и оружием, собрал около пятидесяти тысяч джигитов и движется из Душанбе на Восточную Бухару.

С докладом «О мерах борьбы с басмачеством в Туркестане» перед партийным активом выступал Гусев. Увидев Атабаева, Сергей Иванович сказал:

— Завтра утром, товарищ Атабаев, зайдешь, поговорим, а вечером поедешь назад.

Элиава прислал записку, в которой просил непременно с ним переговорить. Атабаев слушал Гусева и старался не выказывать недовольства отдельными, явно сглаженными, смягченными местами доклада. Это чувствовали и другие. Доклад чаще прерывался возгласами негодования, чем аплодисментами.

Сразу после выступления Гусева к Атабаеву подошел товарищ из Хивы.

— Товарищ Атабаев, если не секрет, о чем это только

что ты так с ним горячо говорил? — спросил Орджоникидзе у Атабаева.

— Какой там секрет! Жаловался, что командир бригады, стоящей в Хиве, неправильно себя ведет. Плохо, что из-за него товарищ высказывает недовольство против всех европейцев.

— И что ты ему сказал? — Орджоникидзе сощурил глаза.

— Зачем обобщать? Разъяснил, что действия одного, плохо знакомого с делами Туркестана товарища нельзя переносить на всех. У наших местных товарищей есть такая склонность: чуть что, сразу обобщать и обращать это против всех русских.

— Константин Сергеевич, говорят, ты разъезжаешь по кишлакам без охраны. А если схватят?

— Григорий Константинович, а вы жалеете себя? Вчера вам было плохо, почему отказались от врача? Я пришлю профессора Слонима, он наш Авиценна. А что касается охраны... Зачем мне быть главой правительства, которого надо охранять от народа? Мои гарантии — мои дела! Были у меня в семинарии два учителя, один русский, другой поляк. Они не уставали говорить, что, если я хочу видеть счастливым свой народ, должен не столько думать о сегодняшнем дне, сколько о будущем. А закладывать у нас, здесь, в Туркестане, фундамент новой жизни надо крепким, без трещин. Я так понимаю. И все это надо делать с тактом. Ленин к этому призывает.

— Правильно говоришь, Константин Сергеевич, Валериан не ошибся в тебе. — Орджоникидзе слушал внимательно и не сводил своего дружелюбного взгляда с лица собеседника.

— Народ темный, пока в массе не готовый, ни душой, ни телом, как говорится, к тому, что мы ему несем. Увидит в нас своих друзей, только если почувствует добро, искренность, сердечность. Вы сами-то чем взяли на Кавказе? Позавидовать можно. Так что, будь моя воля... Приезжайте, Григорий Константинович, к нам почаще. Я, как только узнал, что вы здесь, нарушил дисциплину, бросил все и приехал. От Гусева достанется.

— И все-таки не надо шутить, Константин Сергеевич. Народ народом, но есть и Энвер-паша. С ним придется серьезно драться, но уверен, мы свернем ему шею. Есть Муэтдин — враг и предатель, Рахманкул, Ибрагим-бек — такие не пойдут на мировую.

— Но джигитов у них мы можем забрать! — Атаба-

ев начинал горячиться, — и отберем. Будет принято постановление о возвращении вакуфов, восстановлении местных судов — духовенство нейтрализуем — это сейчас очень важно. Разъясняем, что Советская власть не ставит своей задачей борьбу с местными обычаями, а призывает всех на борьбу за укрепление власти трудящихся. Народ как почувствует, что он и есть власть, не найдет-ся в мире силы, которая повернет его против советского строя.

— Так и должно быть, — согласился Григорий Константинович.

— Вы не сомневайтесь во мне и передайте Владимиру Ильичу, прошу вас, что никому меня не сбить с пути к главной цели, как бы ни старались.

— А как вы ее представляете? — Орджоникидзе снова прищурил глаза.

— Видеть мой народ и другие народы Туркестана свободными, культурными, образованными, сытыми, чтобы лучшие представители их управляли самостоятельными республиками. А это возможно, я твердо знаю, только с помощью русского народа. И помощь эта не должна быть только мануфактурой, машинами, хлебом, углем, а больше духом. Правильным пониманием того, что здесь происходит.

— Ну а причины басмачества? Говорят, ты их видишь иначе.

— Да, товарищ Серго, наличие басмачества — большая недоделка нашей работы в Туркестане. Может быть, даже на всем Востоке. Чем объясняется то, что басмачество в течение четырех лет не только не ликвидировано, а, напротив, разрослось до угрожающих размеров? Это прежде всего объясняется тем, что наша работа здесь в течение этих четырех лет зачастую противоречила тому укладу жизни, быта, традициям, которые складывались среди местного населения веками. Наше неумение учесть обстановку есть наша болезнь!

— Не только это, товарищ Атабаев. Иностранное вмешательство, влияние байства, родовых вождей — вот причины. — Орджоникидзе пристально глядел в глаза Константина Сергеевича. — Да ты серьезные вещи говоришь. Однако, надеюсь, понимаешь, что главная причина есть все же вооруженное сопротивление свергнутых революцией эксплуататорских классов? Баи, муллы, ишаны да и расцветавшая ярко при царизме местная буржуазия, махровые националисты без боя не желают...

— И не могут, я это понимаю,— перебил Атабаев.— Но пусть они останутся одни, без поддержки кишлачного населения.

— Конечно, допущенные ошибки способствовали усилению басмачества и некоторому притоку к ним населения, но сейчас с этим следует решительно кончать! Однако то, что ты говоришь со мной откровенно, Константин Сергеевич, это хорошо.

— А как же иначе? Плохо, когда другие об этом молчат или говорят не то, что думают.

— Конкретные примеры приведи, Константин Сергеевич, дай как бы описание болезни, которое позволило бы мне, я ведь имею отношение к медицине, самому поставить диагноз.— Орджоникидзе улыбнулся.

— Я покажу вам записку, документы, отчеты, кстати, есть и военные командиры, которые в этом правильно разобрались. Только, я думаю, указания Троцкого им мешают.

— Вот как?

— Вы просили примеры. Так вот. Сразу после свершения революции в Бухаре появились агитаторы за Советскую власть. Они на всех площадях трубили, что, мол, социалистическая революция отличается от всех прежних тем, что направлена не только против эмира, но и против бога. Это говорилось в Бухаре, стране «священной», в Бухаре, где, как нигде, религия прочно держалась, где весь уклад жизни покоился на религиозных основах. Естественно, что население мы восстановили против себя.

— Да, на Кавказе такого не было.

— В том-то и дело! Но мы сейчас проведем в жизнь политические уступки, как мы их называем, и я уверен, наступит перелом. Население пойдет за нами, перестанет помогать басмачам. Мы с ними, конечно, покончим. Но только не одной силой!

— Так! Ну, а о чем еще думаешь?

— Не станете смеяться?

— Если забавно, конечно, посмеюсь.

— Нет, серьезно. Думаю о том, что нэп — это хорошо, только пошлость в условиях нэпа расцветает. На эстраде, арене цирка, в театре и в кино такое показывают!

— «От Ростова до Кавказа всех любила без отказа»? Это имеете в виду? Слышал.— Орджоникидзе недвусмысленным жестом выразил свое отношение.

— Да! Конечно! Такие песенки исполнялись на гу-

лания в честь Красной Армии в городском саду. Председатель Хлопкома Севастьянов, ученый человек, называл это «апофеозом пошлости, шедевром смердяковщины». Мещанскую мораль преподносят всякие там «Осенние скрипки», «Барышни с фиалками», пьеса «За монастырской стеной». Времени поспать не хватает, а тут пошел с женой в театр. Домой возвратился, спать не могу. На эстраде кабацкое искусство. Кого мы воспитываем? Сбросили буржуазию, а сами умиляемся на то, что ею было сотворено. И среди ответственных партийных работников есть, которые «за».

— Критикуйте!

— Обижаются. Как же, приехали из Москвы. Сразу навешивают ярлыки, пишут своим друзьям в столицу.

— Не сдавайся, товарищ Атабаев.

— Да меня и так уже кое-кто чуть ли не врагом считает. А ведь плохо будет, товарищ Серго, если в партии заведутся люди, которые таких будут бояться и чураться.

— О тебе, Константин Сергеевич, в Москве хорошее мнение. Так и продолжай!

— Скажи, а что думаешь о Рудзутаке, о его возвращении в Туркестан?

— Товарищ Серго, Ян Эрнестович опытный, знает нас, условия Туркестана. Я думаю, это правильно, если он вернется.

— Вот и хорошо! Ну, пойдем отдыхать?

18

Лето 1922 года для советского Туркестана было критическим: разруха, голод, болезни, реальная военная угроза. Но животворные идеи народной социалистической революции брали верх.

В конце мая Политбюро ЦК РКП(б), пристально следившее за развитием дел в Туркестане, сочло, что там произошли качественные сдвиги и, по рекомендации Г. К. Орджоникидзе и Ш. З. Элиавы, реорганизовало Туркбюро в Среднеазиатское (Средазбюро) бюро ЦК. В состав бюро, среди других, вошли товарищи С. И. Гусев, А. Рахимбаев, Н. Тюрякулов, К. Атабаев, Ф. Ходжаев — председатель Совета народных назиров Бухарской республики. Было принято и постановление «По туркестано-бухарским делам».

Решением СТО Турккеспублике выделили дополни-

тельные ассигнования, предоставили сельскохозяйственный кредит. Наркомводхоз получил крупную сумму денег, предназначенную для проведения ирригационных работ. Уполномоченные СНК Туркеспублики едва успевали в Москве отправлять по железной дороге в Туркестан вагоны с хлебом, медикаментами, мануфактурой, сельскохозяйственным инвентарем.

В Ташкенте побывал ряд представителей ЦК партии и наркоматов РСФСР, в том числе главнокомандующий вооруженными силами РСФСР С. С. Каменев и секретарь ЦК В. В. Куйбышев.

В июне командующий Туркфронтом получил телеграмму из РВС РСФСР: «...В целях скорейшей и полной ликвидации басмачества в Ферганской области и, особенно, в районе Андижана — гнезде басмачей и баев, РВС Республики приказывает решительную борьбу с басмачами довести до крайнего предела, причем линия военного командования должна быть исключительно твердой и неуклонной».

Чрезвычайные комиссии по борьбе с басмачеством были распущены, и Атабаев вернулся в Ташкент.

В начале августа 1922 года силы Энвер-паши были разбиты, а сам он убит в бою. Басмаческое движение стало затухать. Были проведены, при активном участии населения, судебные процессы: в Коканде над кровожадным Рахманкулом, в Намангане над Аман Пальваном, в Оше над Муэтдином. Накал ненависти населения к главарям басмачей был таков, что долгое время даже адвокаты не решались выступить на суде в качестве защитников, положенных по советскому закону. Назир Тюрякулов, как государственный обвинитель, принял участие в процессе Муэтдина, и речь секретаря ЦК КПТ была воспринята населением края как программа Советской власти в Туркестане, которая не только утверждала, но и доказывала на деле, что пришла на смену царской — в интересах народа. Все трое главарей были приговорены к высшей мере наказания.

В августе председателем Средазбюро ЦК РКП(б) был вновь назначен Я. Э. Рудзутак. Он решил, что следует положить конец разногласиям по вопросу борьбы с басмачеством. При поддержке ЦК партии Рудзутак и руководство Туркфронта стали сворачивать переговоры с басмачами, проводили политику, направленную на полный их разгром, сурово расправляясь с курбашами, не сдавшимися до отмены амнистии от 25 июля 1922 года.

В августе Атабаева и Тюрякулова вызывали в Москву для отчета на Оргбюро ЦК. Тюрякулов сделал не очень убедительный доклад о деятельности ТуркЦИКа и ЦК Компартии Туркестана по борьбе с басмачеством и о положении дел в Туркестане. Выступление Атабаева, который не мог заставить себя не волноваться, получилось вялым, не прозвучало. Рудзутак же говорил на подъеме, убедительно, подтверждая свои выводы фактами и документами.

Оргбюро приняло решение об изменении состава Средазбюро ЦК, в него вошли Я. Э. Рудзутак, П. И. Баранов, А. Рахимбаев, Файзула Ходжаев и приехавшие из Москвы Б. В. Легран, бывший председатель Реввоентрибунала и полпред РСФСР в Армянской, Азербайджанской и Грузинской ССР, И. Е. Любимов, бывший туркестанский работник, и М. Эпштейн, сотрудник аппарата ЦК РКП(б). Этот состав Средазбюро повел решительную борьбу с басмачеством. В октябре зампред Средазбюро Легран направил директиву Тюрякулову, Атабаеву, Рахимбаеву и Сергазиеву, которые в то время вели еще переговоры с самаркандским курбаши Бахрамом, немедленно арестовать его и предать ревтрибуналу. Приказ не был выполнен, так как переговоры с Бахрамом уже заканчивались и он готов был сложить оружие. Сообщение об этом ушло в Ташкент, а тем временем курбаши стал известен приказ товарища Леграна. Бахрам, прервав переговоры, бежал в горы. За невыполнение приказа все четверо были сняты с работы, а первые трое были отозваны в распоряжение ЦК РКП(б). Секретарем ЦК КПТ стал Эпштейн, а должность Председателя СНК Атабаев сдал возвратившемуся из Москвы Турару Рыскулову.

Поземка стелилась по тротуару, кое-где прикрывая белой крупной неубранную еще листву. Ноги в парусиновых, перекрашенных ваксой в черный цвет полуботинках зябли, и Атабаев решил сегодня же непременно пойти на Петровку купить новые.

Он вышел с Арбатской площади на Поварскую. Путь этот ему был знаком. Не раз уже бывал в 6-м Доме Советов, у Нариманова. Чтобы не думать о причине вчерашнего позднего звонка секретаря наркома по делам национальностей, просившей его обязательно быть в наркомате к девяти утра, Атабаев шел и вспоминал рас-

сказы Нариманова об истории застройки некоторых домов этой улицы.

В середине ноября Политбюро ЦК назначило его членом коллегии Наркомнаца. Но решение Совнаркома задерживалось. И в минуты слабости он невольно думал: «Кто знает, какое еще обвинение может прийти из Ташкента...»

Атабаев прошел всю Поварскую пешком. Смешанные чувства владели им, то были радость и волнение. В Трубиновском переулке у роскошного дома № 19, отстроенного в начале века в стиле модерн русским нуворишем, теперь бежавшим из России, Атабаев остановился. Простояв с минуту, он решительно пересек улицу. С трудом открывая на себя массивную дверь, он почувствовал, как учащенно забилося сердце. «Как мальчишка, у которого пропали бараны»,— осудил он себя. Пригладил перед зеркалом волосы и стал подниматься по деревянной лестнице, украшенной резными колоннами и перильцами, на второй этаж, где находился кабинет наркома. Тот принял сразу и, поднимаясь из-за стола, произнес:

— Ну вот, товарищ Атабаев, теперь все в порядке! — Лицо Сталина, покрытое оспинами, засветилось приветливой улыбкой, он пожал руку, усадил в кресло, сел напротив.— Ваше персональное дело в ЦКК сегодня прекращено. Вчера на Совнаркоме вы и Рахимбаев утверждены членами коллегии.

— А Тюрякулов? — быстро спросил Атабаев.

— Тоже все в порядке. Сегодня начинайте работать. Думаю одновременно поручить вам руководство Центральным восточным издательством.

— Как считаете нужным, товарищ нарком,— умиротворенно произнес Атабаев и подумал: «У самой длинной дороги бывает конец».

— А шумно у вас там, на Востоке, товарищ Атабаев,— сказал Сталин, подумав про себя: «Восток есть Восток».

— В настоящее время да. У нас сейчас сложнее, чем здесь, в России, и на Кавказе.

— И потому вы предлагали убрать с нашей персидско-афганской границы особые отделы? В каких целях, товарищ Атабаев?

— Чтобы снять повод агитации против Советской власти.

— Да? — лицо Сталина выразило удивление.— А скажите, Константин Сергеевич, почему Рахимбаев настроен

против Эпштейна? Какие у него мотивы? — Сталин не сводил с собеседника взгляда, который иногда бывал и неприятным.

— Рахимбаев не выступал против. Он высказал свое особое мнение. Он не возражал против введения Эпштейна в состав ЦК, но считал политической ошибкой отстранять Тюрякулова от должности секретаря ЦК КПТ.

— А вы как считаете?

— В такой обстановке, если бы ее не разрядило решение ЦК РКП(б), отстранение Тюрякулова в значительной степени усилило бы трения и разногласия. ЦК нашел правильный ход.

Сталин слушал и вспоминал майское письмо Орджоникидзе из Ташкента: «В Фергане некоторое затишье. Усилена политработа, создается милиция, на нашу сторону привлекаются состоятельные слои населения и духовенство. Пошли на уступки — возвращение вакуфов, установление судов казиев и биев. Отказались от насильственного расслоения деревни. С главарями басмачей ведутся переговоры об их сдаче и полной амнистии. Однако Самарканд и Восточная Бухара под влиянием Энвер-паши. Вообще попытка насильственного разложения туркестанского патриархально-родового быта, неумелая и бестактная борьба с шариатом, такое же поведение карательных органов и привели к настоящему кризису».

— Но вы все-таки не до конца, товарищ Атабаев, осознали свои ошибки, — сказал Сталин.

— Я подчиняюсь партийной дисциплине, товарищ нарком.

— При чем здесь нарком? Я ведь еще и секретарь ЦК и член Политбюро ЦК.

— Товарищ Сталин, в Фергане восемьдесят процентов населения страдает малярией, в Семиречье свирепствует туберкулез. Хозяйство разрушено. Я вижу свой долг коммуниста в том, чтобы обрисовать истинное положение вещей, а не замазывать их, не говорить того, что, так многим кажется, от нас здесь ждут. Это пагубная практика — не побеспокоить, не вызвать недовольства! Но так было при царе, а мы коммунисты! Обязаны глядеть правде в глаза. Иначе к чему мы придем? В Фергане четыреста тысяч голодающих, народ вымирает. Надо решить...

— Хорошо, товарищ Атабаев, — перебил Сталин. — Об этом я попрошу вас написать докладную записку, а сейчас идемте, я сам покажу ваше рабочее место.

Первым рабочим днем Атабаев остался очень доволен. Он познакомился с интересными людьми, прочитал любопытные документы и невольно ощутил, что дел разных трудных и сложных много и что туркестанские проблемы, рассматриваемые вкупе с остальными, могут кому-то и не представляться острыми и значительными.

Прошло полгода. Атабаев заметно возмужал, и не только осанкой, но и силой духа. Речь его стала менее торопливой, мысль четче, появилось умение выслушивать собеседника. Он много читал, часто посещал публичные лекции, слушал на собраниях выступления более опытных людей. С жадностью, как впитывает влагу песок, впитывал он суть, практическое содержание работы советского и партийного аппаратов, стиль работы руководителей ЦК и СНК.

Встречи с Лепешинским, Наримановым, Гусевым, Куйбышевым, работа в Наркомнаце наполняли его радостью, как и сознанием того, что он — частица великого правого дела, начатого пока только на одной шестой части земного шара, но которому — он в это твердо верил — суждено покорить умы всего человечества. От туркестанских дел он не отрывался. Помимо официальных документов, приходящих оттуда в Наркомнац, он еще получал письма от Севастьянова, Паскуцкого, ставшего заместителем Председателя СНК, Хедыр Алиева — члена Средазбюро, Чары Перлиева, который возглавлял Наркомсобес, Сергазиева — замнаркома внутренних дел, и Шуры Глаголевой.

Положение в Туркестане выравнивалось медленно. На совещании во ВЦИКе обсуждалась поступившая от Рудзутака, Корка и других товарищей телеграмма. В ней говорилось: «Ввиду оживления басмачества Туркестана, ожидаемых осложнений весной ходатайствуем продлении срока постановления ВЦИК от 2 октября п. г. № 410 и предоставлении права немедленного приведения исполнения приговора высшей меры наказания». На совещании Атабаев смело высказал свое мнение. Он считал, что частичными уступками и разъяснением можно большего добиться. Его мнение не получило поддержку, было решено придерживаться твердой линии в борьбе с басмачеством и такое право предоставить.

К лету положение в Бухаре крайне обострилось. При-

чин было достаточно, но острота, их накал зависели и от обстановки, которая сложилась в руководстве правительства Бухарской народной социалистической республики (БНСР) и ЦК Компартии Бухары. Эти органы были засорены нестойкими, теоретически слабо подготовленными людьми, преследовавшими карьеристские цели и занятыми больше групповой борьбой, чем делом. В силу этого принципиальные, жизненно важные вопросы не получали верного решения и слабо воплощались в жизнь. Были основания предполагать, что главари басмачей имеют сторонников среди руководящих работников БНСР. Чтобы помочь тем бухарским коммунистам, которые стояли на интернационалистских позициях, овладеть положением, прекратить борьбу групп Абдукадыра Мухитдинова и Файзулы Ходжаева, Атабаев был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров (назиров) БНСР.

...Ногина Атабаев видел редко, хотя тот с радушием принимал его и на работе, и у себя дома. Ногин, работавший председателем Центральной ревизионной комиссии ЦК РКП(б), теперь часто болел, и появившуюся у него некоторую сдержанность в суждениях, всегда четких и правильных, Атабаев относил за счет неизлечимого недуга.

Виктор Павлович, узнав, что Атабаев возвращается в Туркестан, захотел встретиться и пригласил его в подмосковный санаторий.

Виктор Павлович встретил Атабаева на скамейке парка, он сидел с книгой Залежского «Восемь побегов».

— Вот великолепный образчик революционной романтики.— Ногин поздоровался и усадил Атабаева рядом.— Советую обязательно приобрести несколько экземпляров. Отвезете товарищам в Ташкент.

Атабаев взял книгу, посмотрел на обложку.

— Настоящая революционная романтика! Ни тени псевдореволюционной бульварщины, которой принято пичкать молодежь. Такие сочинения могут по-настоящему удовлетворить потребность юного читателя в приключениях. Эта книга воспитывает сильный дух, прививает истинные революционные традиции.

Атабаев внимательно слушал и спросил:

— Выходит, он знает, о чем пишет?

— Еще бы! Владимир Николаевич — активный деятель партии с начала века, был начальником политотдела 1-й Конной армии, комиссаром Академии Генштаба

РККА. На таких надо равняться, но вот предложили заняться наукой,— с непонятной Атабаеву грустью произнес Ногин и продолжил: — Последнее время, Константин Сергеевич, я все чаще вспоминаю Чехова. Вы его хорошо знаете?

— Помню «Дуэль», «Даму с собачкой», «Мужики» и еще «Палату № 6».

— И пьесы его видели, конечно?

— Нет, не довелось.

— Вот правдивый и бесконечно мягкий поэт переходной эпохи. У Чехова мы, строители новой жизни, должны учиться любви к родному народу. У него вдумчивый и зоркий глаз. А сколько боли в его сатире? А как он безошибочно и верно рисует жизнь, такую серую и темную, такую мрачную и безрадостную. Однако заметьте, Константин Сергеевич, поэт «лишних людей» и «людей в футляре» неотвратимо верит, что «мы отдохнем» и «увидим небо в алмазах». Так что вам, Константин Сергеевич, жить и не забывать об этом.

— Виктор Павлович! Поедете на кумыс, отдохнете,— Атабаев почти упрашивал.

— Со мной все ясно, дорогой товарищ, но я ни о чем не жалею. Хочу только, чтобы такие, как вы, Костя, продолжали святое дело.— Ногин решительно сменил тему.— Смотрел тут на днях материалы II конгресса Коминтерна. Просят у меня статью. Так еще и еще раз убеждаюсь, насколько прав Владимир Ильич, придающий огромное значение установлению верных взаимоотношений русского народа с бывшими угнетенными народами окраин России.

— Я хорошо усвоил решения X и XII съездов партии. В работе последнего принимал участие. Жаль, что товарищ Ленин болен. В ноябре, уезжая с пленума Моссовета, он пожал руку, сказал, что обязательно вызовет, хочет поговорить, но все болеет.

— Главное, не сворачивай, Костя, с пути, по которому идешь! — Атабаев поднялся.— У тебя еще много дел, я провожу.

Виктор Павлович очень тепло попрощался с Атабаевым и напоследок сказал:

— Помни, Костя, все силы до конца, и на ленинских позициях! «Не бойся с ханом враждовать, другого бояся: ханом стать!» — это я от тебя слышал.

В Бухару Атабаев прибыл вместе с Я. Э. Рудзутак. Председатель Средазбюро отправился в эту поездку, чтобы ближе познакомиться с жизнью и положением в республике, довести до сведения бухарских коммунистов суть национальной политики партии, решения XII съезда и постановления ЦК РКП(б) по бухарскому вопросу, оказать помощь в реорганизации правительственного и партийного аппаратов республики, обследовать состояние борьбы с басмачеством.

Встреча на вокзале затянулась, и Атабаев имел возможность составить первые впечатления о людях, с которыми ему предстояло работать.

Радужного отношения к себе Атабаев не почувствовал и знал причину. И Файзула Ходжаев, с которым у Атабаева еще в Ташкенте сложились дружеские отношения, был не очень приветлив. Уже на вокзале Атабаев — и Рудзутак, как выяснилось, — отметили признаки соперничества между молодым Ходжаевым и Абдукадыром Мухитдиновым, человеком в возрасте, долгое время бывшим председателем Всебухарского ревкома, а теперь находившимся под началом Ходжаева.

Спустя несколько дней состоялся закрытый пленум ЦК БКП, кооптировавший Атабаева в исполбюро ЦК, которому предстояло впервые проявить себя высшим руководящим органом республики. Его решения были обязательны для Совета назиров и ЦИКа.

Перед пленумом Рудзутак отвел Атабаева в сторонку и сказал тоном старшего:

— Людей нужных мы найдем, политику разъясним. Необходимо скорее кончать с басмачами. Какую в этом себе роль отводишь?

— Нет уж, с басмачами боритесь сами, Ян Эрнестович. Мое дело — восстанавливать то, что они разрушают, — в словах Атабаева звучал сарказм. — Что каждый сотворит, тот и расхлебывать будет, — так, кажется, говорят в России?

Рудзутак уставился на плотно сжавшего губы Атабаева. Глаза его, поблескивающие за стеклами очков, выражали искреннее недоумение.

— Вот так, значит?

— Я все отдам, что имею, до последней капли кро-

ви за наши идеи, но басмачами пусть занимаются другие.

— Обиделся, значит, товарищ Атабаев! Помнишь! А это, знаешь, не дело коммуниста. Как мальчик!

— Как мальчик или кто другой, но я вижу, что мы по-прежнему только баям в руки козыри даем.

— С врагом надо бороться военной силой.— Рудзутак резко повернулся и пошел...

Сделав короткое сообщение — о главном уже был разговор на более широком форуме,— Рудзутак следил за ходом выступлений и украдкой бросал взгляды на Атабаева, который сидел нахохлившись. И хотя Атабаев не собирался выступать, ему еще надо было войти в курс дела, в какой-то момент полемики Рудзутак вдруг произнес:

— Интересно, а что думает наш опытный товарищ Атабаев?

Константин Сергеевич встал, но не сразу начал говорить.

— Спасибо кое-кому, опыт в Москве я получил достаточный и с удовольствием им поделюсь. Здесь живет немалое число туркмен. Главная моя задача на первые месяцы — об этом говорилось в Москве и в Ташкенте — упростить государственный аппарат. Говорю об этом сразу, чтобы все знали.— Атабаев сделал паузу, он размышлял, сказать ли о том, что ему вменялось ликвидировать или хотя бы притушить распри между группировками Ходжаева и Мухитдинова. Передумал.— Далее, провести в полном смысле слова земельно-водную реформу. Продолжить дело, начатое здесь, в Бухаре, командующим товарищем Корком. Это дало бы быстрые и ощутимые результаты и в значительной степени помогло борьбе с басмачеством.

Присутствующие Ходжаев, Парса Ходжа, Мухитдинов, секретари ЦК БКП Мавлянбеков и Позднышев, представитель РСФСР Фонштейн, представитель Средазбюро Соколов, командующий 13-м корпусом Павлов, член РВС корпуса Конобеев, командующий Бухарской Красной Армией Разгон и другие, знавшие Атабаева как сильного организатора, волевого, но и достаточно горячего, даже вспыльчивого человека, невольно затаили дыхание.

— Считаю нужным изложить свою позицию. Буду самым решительным образом выступать против тех, кто своими действиями задевает религиозные чувства насе-

ления Бухары.— Среди присутствующих почувствовалось движение.— Не потому, что я верующий,— я атеист, но это вопрос политики! Всякое неосторожное действие здесь есть подрыв авторитета Советской власти, и не только в Бухаре, но и среди народов Востока. Далее. Басмачество! Оно развилось в течение пяти лет в обстановке хозяйственного кризиса. По-прежнему считаю, что его можно окончательно ликвидировать улучшением жизни населения. Прежде всего, засучив рукава, восстанавливать ирригацию и хлопководство!

— А средства? Вы привезли их с собой? — тихо спросил седобородый председатель Всебухарского ЦИКа.

— Товарищ Парса Ходжа, их самим надо изыскивать! Сократим раздутый государственный аппарат. Пересмотрим расходную часть бюджета. Наладим сбор налогов, не увеличением, а скорее сокращением, но его сбор надо наладить. А кто не чувствует в себе силы и не желает изучать национальный язык, быт, нравы и обычаи, пусть уезжает, другие будут делать эту работу. Я предлагаю взять курс на вовлечение в партию молодежи, и в первую очередь из чернорабочих и кустарей. И начинать надо с состава контрольных комиссий. Об этом говорил товарищ Емельян Ярославский на 4-м совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, которое недавно проходило в Москве. Смелее выдвигать молодых коммунистов, не боясь, что у них нет большого опыта. Но у них нет и привычки заглядывать в чужой рот. В Москве и Ташкенте уже подбираются учителя и педагоги, знающие языки. Откроем школы политграмоты, издадим марксистскую литературу на местных языках. Надо отобрать группу ребят и девушек и отправить их в Ташкент, в Среднеазиатский коммунистический университет. Немедленно принять меры к прекращению национальной розни между узбеками и киргизами. Мы должны создать комиссию и в месячный срок решить вопрос об организации в составе Бухарской республики туркменского вилайета.

— А еще что? — неожиданно спросил с места Ходжаев.

— Начать проведение беспартийных конференций рабочих, кустарей и дехкан с отчетами назиров и ответственных работников партии о наиболее важных мероприятиях нашей власти. Меньше будем сидеть в кабинетах, под охраной Красной Армии. И наладить работу

пионерской организации. Предлагаю на пост почетного председателя пионерии Бухары... товарища Конобеева.

Предложение вызвало смех и аплодисменты. Они почему-то сконфузили Атабаева. Он сел, до конца не изложив свои мысли. И без этого присутствующие ощутили, что предстоят большие перемены.

Был объявлен перерыв. В буфете Рудзутак подошел с чайником и пиалой к устроившемуся на подоконнике Атабаеву.

— Надеюсь, ты все это говорил не потому, что я здесь? — Рудзутак глядел на Атабаева со смешинками в глазах.

— Всегда говорю, что думаю. Это мое убеждение.

— Молодец! Вижу, обиду в душе еще носишь, но многое, будучи в Москве, понял. На пользу это тебе пошло. Однако, Константин, то, о чем ты сейчас говорил, пойми, это местным коммунистам решать еще не под силу. Потом скажете спасибо, что вели политику сообщая, придерживаясь строгой дисциплины. Так скажу тебе, Костя, давай руку. Кто старое помянет — тому глаз вон!

— Согласен, Ян Эрнестович! Только и вы знайте, что пора всем нам делать так, чтобы перестали кругом говорить: «Старые пророки вымерли, а новые правду не сказывают».

20

В середине января в Бухару приехала представительная комиссия во главе с заместителем председателя Средазбюро Р. И. Карклиным. В нее входили новый командующий Туркфронтом С. А. Пугачев, член РВС Р. И. Берзин, полномочный представитель ОГПУ Бельский, представитель НКВД Герман. Совместно с исполбюро БКП комиссия провела ряд важных решений. Прежде всего были снижены размеры налогов. С населения была снята повинность по содержанию частей Красной Армии. В местах расположения госпиталей и лазаретов было разрешено оказывать бесплатную медпомощь населению силами военных врачей и медперсонала. Басмачей, сдававшихся с оружием, решили не предавать суду, а дела ранее сдавшихся басмачей прекращались. Окончательно решился вопрос о создании Туркменского вилайета на территории Бухарской республики. Средазбюро считало военно-политическую обстановку

благоприятной для ликвидации Джунаид-хана. Для этого необходимо было оказать всемерную помощь Хорезмской республике, воинским частям которой предстояло начать военные действия против него.

Создание Туркменского вилайета наполнило сердце Атабаева радостью, но военные действия против Джунаид-хана не поддержал.

Он считал, что в связи с ликвидацией басмачества в Бухаре и на востоке Хорезма, как это уже имело место в Фергане, с повсеместным признанием Советской власти населением Джунаид-хан сам распустил свои отряды и добровольно сдаст оружие. Если же Красная Армия двинет части на Джунаид-хана, он уйдет в Каракумы, где одолеть его будет невозможно, и борьба с ним затянется на годы.

В эти страдные дни работы в Бухаре прямо на заседание исполкома ЦК пришла радиограмма о смерти Ленина. В ней предлагалось принять все меры к сохранению порядка и спокойствия в партии и среди населения.

Четыре дня проходили траурные митинги. Атабаев на «фордики» до позднего вечера объезжал организации и воинские части. Реакция людей на постигшее их горе была однозначной: «Второго Ленина не будет! Кто дальше поведет революцию?»

С ноября позапрошлого года, когда Владимир Ильич с пленума Моссовета уехал в Горки, долго не появлялся в Москве, Атабаев часто с болью думал о возможной утрате вождя. В эти дни он до мельчайших подробностей вспоминал свои встречи с Куйбышевым, Фрунзе, Орджоникидзе, Ногиным, Гусевым, Наримановым, Лепешинским, Иоффе, их наставления и дружеские напутствия. Успокаивал он себя тем, что есть ленинские соратники, которые продолжают их общее дело. Про себя Атабаев без конца твердил: «Никакой пощады тем, кто нарушит заветы Ильича!»

В дни глубокого траура он особенно остро осознал, что внешним врагам не одолеть революции, что опасность таится в возможном отступлении от заветов Ленина, что угроза заложена в наследии прошлого, его пережитках, в нарушении государственной и партийной дисциплины, в забвении интересов трудового народа...

В конце мая 1924 года Атабаев в составе делегации Туркестана принял участие в работе XIII съезда партии. Огромной школой для него были дни работы съезда. Он

ближе познакомился со многими руководителями партии. Сталин долго и пытливо расспрашивал его о делах в Туркестане, особенно интересовался характеристиками на отдельных руководящих работников. В книжке Атабаева появились новые записи, такие, например: «Надо построить работу так, чтобы убрать «лестницу» удорожания товаров, чтобы нашу кооперацию возможно полнее децентрализовать, чтобы нашу низовую кооперативную сеть попробовать сомкнуть непосредственно с производящими органами — убрать «лестницу» и усилить значение низовой кооперации». «Внимание должно быть также направлено на то, чтобы изжить все признаки бюрократизма в отношениях к потребителю». И еще: «Задача партии — дать людей. Мы должны явно понять, что для нашей партии это основная на сегодняшний день и на предстоящее время работа, на которой, если не добьемся ближайших успехов, мы будем биты!»

...Навестить умиравшего Ногина Атабаеву не довелось. Прямо на съезде было объявлено о кончине видного деятеля партии, члена Ревизионной комиссии ЦК и председателя Текстильного синдиката Виктора Павловича Ногина. А. С. Енукидзе предложил членам Президиума съезда пройти в Колонный зал Дома союзов, а остальным участникам — собраться у Охотного ряда для участия в похоронах Ногина. Атабаев с согласия Авеля Сафроновича прошел в Колонный зал. У гроба он, как ни крепился, не смог сдержать слез.

Новый командующий фронтом М. К. Левандовский, бывший штабс-капитан, прославленный командир Красной Армии, выехал в путь с утра пораньше. Жара стояла нещадная. Под командующим был конь из бывших эмирских конюшен. Рядом справа ехали Атабаев и Разгон, слева — И. Ф. Толпыго. Чуть позади двигалась плотная группа командиров, штабных работников и кавалерийский эскадрон.

Изредка на полях встречались дехкане. Их бедная одежда резко отличалась от разноцветных халатов, белых, красных, зеленых, синих, желтых и даже черных головных уборов, которые он видел вчера, знакомясь с Бухарой. Перед глазами возникло нарядное медресе Ир-Назар, сооруженное еще при Екатерине II, с высоченных башен-минаретов еще совсем недавно сбрасывали женщин, уличенных в неверности; вспомнился писанный

маслом портрет Кушин-бека — бывшего главного сборщика податей эмира, в золотой чалме, одежде, расшитой золотом и украшенной крупными драгоценными камнями.

Дехкане разгибали спины, издали здоровались. На бедность их Левандовский не мог спокойно глядеть.

— Совсем недавно еще, после проезда русского, будь то военный, а еще хуже, если чиновник, в кишлаках стоял стон.— Атабаеву казалось, что он угадал мысли Левандовского, который вскинул на говорившего вопросительный взгляд.— Для народа такой приезд был равносителен нашествию саранчи.

— Так беззастенчиво грабили?

— Нет, они не обирали. Что вы! Просто бухарские администраторы подносили им богатые подарки, но при этом с населения собирали десятикратную их стоимость. Вы обратили внимание, товарищ Левандовский, что не все дехкане здороваются?

Командующий кивнул головой.

— Те, кто приветствуют, уже видели пользу от новой власти, другие еще нет. Они набожны, забиты. Еще вчера здесь человеческая жизнь не ставилась ни в грош. Как чабан может зарезать любого барана из своего стада, так эмир имел законное право лишить жизни кого ему вздумается. Вместо тюрем были ямы. Бухарец, попавший за долги в кабалу, становился настоящим рабом.

Левандовский внимательно слушал, а перед глазами стояли как живые образы Молла Насреддина, Синдбада, Али-Бабы.

— Но теперь не так!

— Однако далеко от идеала! — заговорил Разгон, старый член партии, ряд лет проживший в Бухаре.— Население пока не видит реальной пользы от Советской власти. Видите сами — оно раздето, разуто, обнищало вконец. На сто верст в округе нет ни врача, ни фельдшера, школы плохо функционируют, базары закрыты, в магазинах ничего нет. Налоги собираем, а взамен, стыдно говорить, поставляем мало. Часть служащих советских учреждений бог знает из кого состоит, ведет себя порой вразрез постановления по национальному вопросу.

— Но, позволь, товарищ Разгон, среди них ведь есть члены партии, — возмущенным тоном произнес Федько, двадцатисемилетний кавалер четырех орденов Красного Знамени, герой борьбы с антоновщиной.

— То-то и обидно! К партии многие примазываются, чтобы погреть руки,— заявил Разгон.

— Сгущаете вы краски, братцы! — в сердцах произнес Федько. — Ей-богу!

— Поживете, увидите сами, Иван Федорович,— спокойно ответил Разгон.

— Но и так нельзя, товарищ Разгон,— заметил Атабаев,— чтобы народы Туркестана оказались в стороне, не взяли на себя часть забот, которые несут на себе русские рабочие, пролетариат России в борьбе против иностранного империализма.

— Это другой вопрос. Вам, товарищ Левандовский, надо поговорить с Андреем Павловичем. Жаль, что он сейчас болен.

— Кто это? — спросил Левандовский.

— Знаменский,— ответил Атабаев.

— А, полпред СССР, его мне до отъезда в Ташкент непременно надо повидать. Это верно.— Левандовский придержал коня перед группой бухарцев, поздоровался, но те прошли, не ответив.

— Конечно, раздражает,— сказал Атабаев,— но попробуйте понять. Иные командиры тут же записывают таких в басмачи и применяют репрессии...

— Трудно поверить в подобные слова. Но что, Константин Сергеевич, так уж все плохо и мрачно? — Левандовский улыбнулся и напомнил Атабаеву чем-то Куйбышева времен девятнадцатого года.

— Нет, Михаил Карлович, это для того, чтобы успехи наши были четче видны. Как взяли новый курс борьбы с басмачеством и уже к весне (когда, как правило, банды активизируются) мы имели немалые результаты. Не просто выявили, а приняли массовую добровольную сдачу курбашей. И размеры сдаваемых населением налогов сразу выросли.

— Ты, Константин Сергеевич, про съезд духовенства расскажи,— подсказал Разгон.

— Действительно, это небывалое событие! Духовенство Бухары собралось по собственной инициативе и решило обсудить вопросы: о басмачестве; сокращении неуместных расходов на похороны и свадьбы; просвещении и многоженстве.— Атабаев достал из кармана записную книжку, нашел нужное место.— Улемисты — богословы, законоведы записали, я читаю: «Собрались мы все, более ста нас, на съезд, чтобы яснее и правильнее обсудить вопрос о басмачестве. Вот уже три года идет

это злое дело. Льется кровь, разрушается хозяйство. Свои цели басмачи прикрывают шарнатом и обманывают, грабят и убивают по кишлакам невинных жителей, уводят насильно из кишлаков женщин» и так далее. Интересный вывод они сделали: действия басмачей противоречат шарнату. Это была огромная победа! Съезд обратился с призывом «ко всем обманутым и действующим по злой воле — раскаяться, просить милости у Советской власти и немедленно сложить оружие».

— Ну а в отношении военных? — Левандовский слышал всякое об Атабаеве перед отъездом из Ташкента. — Кого можете выделить?

— Третий стрелковый полк! Стоит в Нур-Ата. Командиры и политработники действуют согласно решениям партсъездов. Во всем Нур-Атинском вилайете сегодня нет ни одного басмача. Второй стрелковый полк в Чарджуе, туркменское население помогает вылавливать басмачей. Далее, комбриг Мелькумов, комдив Окулич опираются на население, помогают ему, прошел всего месяц, а в районе уже нет басмачей. Кулябский вилайет, куда мы едем, сейчас образцово-показательный, а находится на самой границе с Афганистаном, где практически границы-то нет. Прямая заслуга в этом товарища Толпыго. Дельный комиссар при дельном комдиве Окуличе. Комдив захотел понять и понял местную обстановку. Таким же духом проникся начальник особого отдела дивизии товарищ Земит. Вот и результаты! Ну кто же станет говорить плохое в их адрес?

— Константин Сергеевич, ну а как вы и товарищи из исполбюро ЦК помогаете военным, помимо критики, конечно? — Левандовский говорил учтиво, без тени высокомерия.

— Сошлюсь на примеры. — Но Атабаев не договорил, рядом, за небольшим холмом, прозвучал выстрел.

Конвой охранения привел молодого дехканина с трехлинейкой и горной куропаткой в руках. Оказалось, что он из охраны сложившего оружие местного курбаши добывал своему господину еду на обед.

— Ну а ежели не в куропатку? — спросил Левандовский.

— Не позволит, — пояснил Атабаев. — Сам слово дал и за него аксакалы поручились. Вот если уйдет, но тогда об этом объявит открыто. С оружием, правда, уйдет.

— То-то и оно! Ну так. Константин Сергеевич, вы хотели привести примеры.

— Пожалуйста. Комиссар Первой кавбригады Цейтлин, прибыл недавно, спасовал от беспорядков и опустил руки. Товарищ Толпыго прислал его ко мне, чтобы я дал ему уроки понимания обстановки. Сейчас ошибок в отношениях с населением не допускает, хороший работник. Комиссар Одиннадцатой кавдивизии товарищ Рохи, из рабочих, не очень грамотен, но быстро во всем разобрался. Тоже был у меня. Три дня подряд приходил. Многое поначалу не принимал, но душа человека может учиться. Сейчас, сами знаете, образцовый начполитотдела дивизии. Помкомкор Филипповский тоже недавно прибыл. И ему помогли разобраться. Новый начальник штаба корпуса Померанцев разрывается на работе и делает все, как будто приехал не на время, а к себе домой, с прицелом на годы. Нам всем он очень нравится, а в штабе у него трепня. Но Померанцев — примерный командир и коммунист. А вот начальник особого отдела корпуса Путовский, говорят, хороший работник, но сути национального вопроса в партийном понимании усваивать не желает. Не верит революционной искренности местных товарищей, новой тактике не сочувствует. Что ни слово, диктатура пролетариата, и все тут! Обсуждали его, а он на своем. Поддерживает во всем другого, такого, как сам, Вайзагера, начальника особого отдела Одиннадцатой кавдивизии, который на ножах с комиссаром Рохи. А вообще-то, товарищ Левандовский, части корпуса устали, недокомплект в людях и конском составе, бытовые условия самые средние, а условия службы тяжелые. Жалованье запаздывает, плохо с обмундированием. Все это надо учитывать.

— Вот, товарищ Федько, слушай и наматывай на ус,— сказал Левандовский и, увидев перед въездом в кишлак арык, предложил устроить привал.

Командующий попросил пощады. Он не мог, не в состоянии был одолеть третьего обеда, устраиваемого в течение последних шести часов. Приглашающий прямо в доме, где заканчивалась трапеза, просил к себе на чашку зеленого чая. «Обязательно надо после жирного. Очень нужно, полезно, Левандов-паша. Только один пиялюшка»,— убеждали почтенные старцы, и отказывать было невозможно, а за «пиялюшкой» непременно следовал дастархан — обильное угощение, и снова нельзя было отказаться — обидишь хозяина. И сознание, что для

тебя зарезан, может быть, последний барашек и в казан засыпан последний фунт риса, заставляло есть через силу. Но всему есть предел.

Атабаев, понимая состояние командующего, улыбнулся, а делал он это не так уж часто, и сказал:

— Они знают, что за все время Советской власти вы, Михаил Карлович, первый из командующих и членов РВС, кто побывал в Восточной Бухаре. Не обижайтесь на них. Они вас закармливали от чистого сердца.

Командующий поднялся с подушек и пригласил Толпыго выйти с ним во двор. Левандовскому бросилась в глаза разница в пейзаже, как только въехали в Кулябский вилайет: здесь зеленели поля и людей на них было побольше. Их встречали радостные, приветливые лица. Он безошибочно предположил, что в создании спокойной, мирной обстановки немалая заслуга частей дивизии Толпыги, огромного детины, от которого коню тяжело, а окружающим всегда легко и уверенно. Встреча с командованием дивизии, смотр частей — измотанных, но опрятно одетых, отношение населения к Окуличу и Толпыге радовали. Левандовский знал — об этом ему сообщил член РВС Берзин, — что Окулич отменил суды и расстрелы сдавшихся с оружием басмачей, за что получил порицание. Но когда его поступок принес положительные результаты, его примеру последовали. И в этом командующий видел немалую роль Толпыго.

На дворе, в тени могучего тутовника, под любопытными взглядами мальчишек Левандовский попросил:

— Расскажите, Борис Вячеславович, как вам удалось взаимопонимание установить?

— Когда прибыли сюда, исполком возглавлял Гуль Максум — человек, не понимавший, что такое Советская власть, он бездельничал, обирал население, устраивал тои, вел себя, как управитель при эмире. С приездом Атабаева Максума сняли. Но, главное, если бы сам не организовывал, не поверил бы. Сказка, и только!

Левандовский вздохнул, подставил грудь под дуновение легкого, освежающего ветерка.

— Интересно! Здесь так, будто и никаких басмачей не существует.

— Так вот, в марте у мусульман саиль — праздник. Мы, отрывая от себя, выделили исполкому восемнадцать пудов риса, пятнадцать баранов, шесть фунтов чая, двадцать пудов хлеба и сорок золотых рублей — на керосин для освещения. Отрядили даже полковой духовой

оркестр. На устройство козлодрания — это национальная игра у них — раздобыли козлов, а на призы приготовили пятьдесят халатов и десять фунтов чая. Праздник вынесли за кишлак, на поляну. Кроме комдива, мало кто верил, что саиль пройдет без нападения басмачей.

— Ну-ну! — воскликнул Левандовский.

— Весь кишлак собрался и соседи приехали — никто паническим слухам не хотел верить. Праздник длился десять дней. А сколько речей произнесено было! Я же готовился к ответу, мать честная! Собирался идти под суд. Но все обошлось. Это один саиль, один праздник сменил картину. Так поднял наш авторитет, не достанешь! Народ стал в части приходить, чего прежде не было, в дома к себе приглашать. Не довезли фураж, что подладить — к нам идут. Так и живем!

— Действительно, дело, — согласился командующий.

— А уж когда с помощью Атабаева Кулябскому вилайету выделили и доставили к сроку семенную ссуду — полторы тысячи пудов зерна, — жизнь пошла!

— Похвально! Поучительно! Отмечу в докладе главному. А вы давно здесь?

— Да нет.

— Но нравится?

— Необычно, и народ, как малые дети...

— Пока не обидишь. Наверное, останетесь здесь? Покончим с басмачами, демобилизуетесь, станете наркомом.

— Спасибо за доброе слово, товарищ командующий.

— Вы располагаете к себе, Борис Вячеславович. У меня не складывается отрицательного впечатления об Атабаеве, какое бытует кое у кого в штабе фронта. Немного резковат, но ведь это лучше, чем быть размазней, — Левандовский испытующе поглядел на комиссара.

— У меня с ним, елки-палки, началось со стычки. Он выгонял из Бухары моего приятеля. Многие из-за Атабаева уехали. А тот был золотым парнем, правда, любил за воротник закладывать. Война, человек каждый день рискует жизнью, и нельзя расслабиться? А Атабаев, понимаете, на принцип. Говорит: «Нужна русская культура, но без водки. Боюсь, на местных коммунистов зараза перекинется». Потом мы сошлись. Я понял, что он прав. Сюда, бывает, приезжают люди, чтобы пожить в свое удовольствие, а о работе не очень-то пекутся. От таких Атабаев приходит в ярость. Он — душа человек, справедливый и честный.

«Ну что же,— подумал Левандовский,— с таким можно кашу сварить. Принципиален, не терпит фальши, парадности. Нет огульной неприязни к «варягам». Не терпит тех, кто приехал «проветриться». Правильно! А военные должны понимать местную обстановку и действовать сообразно с ней».

— Мне он нравится,— произнес Толпыго.

— Перед отъездом сюда я встречался с товарищем Куйбышевым. Валернан Владимирович говорил мне об Атабаеве с большим уважением.

ЗРЕЛОСТЬ

ЧАСТЬ III

Лучший среди людей тот, кто больше
приносит пользы другим.

Абдурахман Джами

Никто не вечен в мире — все уйдет,
но вечно имя доброе живет.
Век не умрет оставивший на свете
после себя мосты, дома, мечети.

Саади

1

Басмачество шло на убыль. Положение в хозяйстве палаживалось. Были проведены ирригационные работы, и это давало желаемые результаты: с мест поступали сообщения о расширении посевов хлопчатника и зерна. Однако, чтобы успешнее двигаться дальше, — и опыт семилетней работы доказывал, — необходимо было провести в Туркестане крупные организационно-административные мероприятия. Прежде всего народы, разобщенные жизнью, следовало объединить территориально, что способствовало бы возрождению национального самосознания, созданию национальной культуры и ликвидации племенной и родовой раздробленности.

ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Туркестана считали, что национальное размежевание и создание самостоятельных республик: Узбекской, Туркменской и Казахской будет по значению для Туркестана второй революцией. Размежевание радикально изменит национальные взаимоотношения трудящихся масс, распутает сеть межнациональных противоречий и очистит арену для социальной борьбы в Средней Азии.

В декабре 1923 года, при активном участии Атабаева, исполбюро Туркменского облгоркома партии обсудило вопрос о возможном национально-государственном размежевании. В конце февраля этот же вопрос был заслушан на пленуме ЦК Бухарской компартии. Доклад Файзулы Ходжаева «О разделении Советской Средней Азии на ряд республик по национальному признаку», тоже горячего сторонника проведения в жизнь этого начинания, был с пониманием встречен всеми участниками пленума.

В конце марта уже пленум ЦК КП(б) Туркестана на расширенном заседании, с участием секретарей всех

окружкомов, признал, что вопрос о разделе территории Средней Азии по национальному признаку созрел и может быть решен с пользой для дела. Была создана представительная комиссия, доложившая в апреле Средазбюро свои соображения, которые были активно поддержаны выступлениями Рахимбаева, Ф. Ходжаева, Абдусаламова, Атабаева и Ходжанова. Лето ушло на согласование и окончательную доработку документа, а осенью Политбюро ЦК РКП(б) утвердило план национально-государственного размежевания. Для участия в работе сессии ЦИК СССР, а также для утверждения составов национальных ревкомов, которым надлежало осуществить план национально-государственного размежевания, в Москву выехала группа товарищей, среди них был Кайгысыз Атабаев.

Поезд задерживался. Перрон ташкентского вокзала бурлил: волновались отъезжающие, переживали и провожавшие. Атабаев, однако, был доволен задержкой. Он с июля находился в Ташкенте. Здесь же были Айтаков, Сахатмурадов, Паскуцкий, Назаров, Рахманов, члены Туркменского национального бюро. Они все силы свои отдавали осуществлению их многолетней мечты — созданию свободной Туркмении. Атабаеву казалось, что еще ни у кого в сознании, по сути дела, новое слово и уже совсем неведомое прежде понятие — «Туркмения» — не обретало столь яркого звучания. Туркменская Советская Социалистическая Республика!

Стоя на перроне, неподалеку от своего вагона, он вел беседу с Севастьяновым, который пришел проводить Атабаева в Москву. Кайгысыз оглядывался, ища среди толпы Таню. Последние два года он жил один, хотя довольно часто бывал у нее, подолгу беседовал с ее родителями, с сестрой. И почему-то теперь ему казалось, что Таня случайно опаздывает к отходу поезда, что она обязательно придет его проводить.

— Поймите, вопрос построения социализма сейчас будет упираться, как это ни парадоксально, и, может, вам это покажется странным, в подбор руководящего кадра. — Севастьянов говорил, как всегда, возбужденно. — И об этом очень важно помнить сейчас, Константин Сергеевич. Именно сейчас! Предстоит организация нового правительственного аппарата, которому придется начинать почти с нуля.

— Это почему же? Мы переведем обком и облисполком в Чарджуй.

— Но согласитесь, что Чарджуй — это не Ташкент, который был культурным центром и до революции. Думаю, вы совершите ошибку, если, как раз в этом смысле, не отстоите Полторацк. В нем больше преимуществ. Но я не о том, а о значении кадров! Сумеет ли мы правильно подобрать людей и у нас и в общероссийском масштабе, сумеет ли выдвинуть лучших из нас — значит, социализм построим! Не сумеет — долго будем топтаться на месте. Собственно...

— Что? — спросил Атабаев и вытянул шею. Ему показалось, что в толпе мелькнула шерстяная косынка Тани.

— На месте это еще полбеды. Могут возникнуть течения, уводящие в сторону. Сейчас, без Ленина, это все очень может быть.

— Не думаю, не верю, Иван Александрович. У нас путь один. Октябрь открыл дорогу, с которой нас не свернуть!

— И все-таки не осуждайте, Константин Сергеевич, но роль личности в истории, в построении социализма и коммунизма, в особенности в стране аграрной, имеет немалое значение. Не одна личность. Нет! Много личностей, и каждая на своем посту.

— Вы правы, рано ушел от нас Ленин. Сколько бы еще он мог сделать, но остались его верные соратники. Их много, они знают, что надо делать.

Атабаеву пришла в голову мысль, и он тут же спросил:

— Иван Александрович, а что вам по душе, чем хотели бы заняться?

— Я? — Лицо Севастьянова от неожиданности залилось краской. — Помните, я ведь, Константин Сергеевич, был снят с руководства Хлопком без видимых причин, вот занялся наукой. Благодарю вас искренне, но в науке я принесу больше пользы. Да у меня и хватки нет вашей, в этом я давно убедился. С кем сейчас в Ташкенте ни поговоришь, все о вас. Есть и злые высказывания. Считают, Константин Сергеевич, что активность эта от того, что вас отстранили от руля. Я-то знаю, что это не так. Вот слышал, что национальное размежевание возродит реакционные элементы, будет способствовать расширению пропаганды шовинистических, националистических, панисламистских идей.

— Э!.. У нас появилась порода людей, обо всем высказывающая свое мнение. Дела они не делают, но цветисто выражаются. Для них главное — сказать, предостереечь. И все. Этим, они считают, что внесли свою лепту в строительство социализма. Они предупредили. Атабаев еще что-то хотел сказать, но прозвучал третий звонок, и он вскочил в вагон.

Поезд тронулся, Атабаев прыгнул, приблизился к Севастьянову и быстро произнес:

— Побывайте у Тани, поговорите. Я рад беседе с вами, все времени не было, а так хотелось...

К горлу Севастьянова подкатил комок, душа наполнилась давно забытым чувством... Со стороны хребта Карджантау порыв ветра донес приятную свежесть...

2

Ревком Туркменской Советской Социалистической Республики был утвержден 5 ноября 1924 года Президиумом ЦИК Союза ССР в составе: председателя Айтакова, заместителей Назарова и Рахманова и членов Атабаева, Паскуцкого, Шутемова, Межлаука, Кулиева и других.

Позади остались жаркие споры о будущей столице, которой остался Полторацк, и споры о границах, и раздел между вновь созданными республиками финансовых средств и хозяйственного имущества. Атабаев, которому во многом помогли его знания, опыт и индивидуальные качества, сам взял на себя эту нелегкую работу.

Сидевшие вокруг костра поднялись и вежливо встретили пришедшего. Тот уселся на предложенную ему баранью шкуру и заговорил, словно только минуту назад прервал мирную беседу:

— Хочу знать, что думаете вы о новой жизни. Через несколько дней в Полторацке всенародный съезд должен принять решение об объединении всех туркмен в самостоятельное государство.— Атабаев, а это был он, кивком поблагодарил за поданную ему пиалу с чаем.

У костра, разложенного рядом с чабанскими кибитками, окруженными рощицей гребенщика, сидело пятеро. Тут же стояли два паренька, видно, подпаски. За кибитками укрытые попонами кони мирно хрюмали сухой клевер.

Первым представился седобородый — лицо исполосовано шрамами, глаза грустные; глядя в них можно было предположить, что они принадлежали человеку властному и знающему себе цену. Звали его Ораз Гельдыоглы. Остальные четверо назвали себя и сидели, опустив головы.

— Я знаю, аул ваш богатый. Вода есть и пески рядом. Народ сеет хлопок и скот держит немалый. Аул может быть примером. Так, а как вам новая власть?

— А что мне она? Как были чувалы мои пусты, так и остались.

— Так ли? А если так, то, уверен, пока.

— Не знаю. Только и Сеид Мурад Ата-оглы требует отдать ему долг, а власть требует погасить налог.

— А кто это Сеид Мурад Ата-оглы? — Атабаев достал пачку папирос, предложил. Все отказались, и он закурил один. — Так кто же это Сеид Мурад Ата-оглы? Сколько у него баранов, земли?

— Я у него не служил, — Ораз Гельдыоглы уходил от ответа.

— Тысяч двенадцать, да двенадцать паев воды и земли — не обойдешь, — выпалил паренек-чолук и смутился под укоризненным и строгим взглядом Ораз Гельды.

— Как тебя звать? — спросил Атабаев и с удовольствием отметил про себя «вольность» подпаска, который прежде не посмел бы в присутствии старших, да еще яшули, громко высказать свое мнение.

— Меред, я сын Мухаммед Нияза, — чуть слышно ответил юноша.

— Яшули, мы за справедливость, за равные права для всех. А ваш Сеид Мурад Ата-оглы землю, которую имеет, силами только своего семейства обработать не может. И баранов ему другие пасут. Возможно, и вы, Ораз Гельды-ага?

— Возможно, — ответил старик.

— А кто у вас аулсовет возглавляет?

— Один там... Возглавляет, — старик криво усмехнулся, — он двух козлят за рога связать не умеет. Где ему аулом управлять?

— Научится! Надо, чтобы такие, как вы, Ораз Гельды-ага, помогли. — Атабаев заметил ухмылку на лице яшули. — Нет? Так другие помогут. Найдутся. Важно, чтобы он честным был и о соседях думал. Если стоишь прямо, кривой тени не бойся. Все увидят и сообща начнут делать дело.

— Вы назначили, вам виднее,— произнес Ораз Гельды.

— А если аульчане изберут вас, Ораз Гельды-ага? А мы всегда помощь оказывать будем. И серьезную! В обиду не дадим. Знаете, нельзя стоять в стороне с лопатой, когда тысячи людей роют землю руками. А баи стоят! И задача новой власти в том и заключается, что достояния земли нашей следует разделить поровну между всеми, кто на ней живет и работает.

Ораз Гельды с энергией, не свойственной пожилому человеку, принялся сучковатой палкой ворошить угли костра.

— Не возлагай на нас то, что нам невмочь,— тихо, но со значением произнес яшули.

Атабаев спокойно продолжал:

— Нам надо как можно быстрее открывать школы в аулах. Начать воспитывать и просвещать детей. Желающих учиться очень много. Теперь не как раньше, при царе, теперь каждый знает, что может подняться к свету. Особенно дети трудового люда.

— Когда это будет, начальник?

— Очень скоро! Вода станет достоянием государства. Продажа ее будет запрещена. Пользование водой и землей должно распределяться по труду, справедливо. И брачное право на воду отменим. И сдачу в аренду на половинных началах ограничим. Старому человеку, вдове, жене красноармейца — позволим. Остальных такого права лишим. А семенами, техникой — поможем. И воду найдем, дадим бедноте. Есть проект, автор его русский инженер Моргуненков. Мы оросим пески Ташаузского округа и новые земли Куня-Дарьинского района. И это только начало!

— В Каракумах белеют кости тех, кто шел против песков,— Ораз Гельды враждебно глядел на Атабаева.

— Нас это не остановит, яшули! Мы верим в силу нашего народа и в помощь русских рабочих и крестьян. Ну ладно! Вижу, угощения не будет.— Атабаев поглядел в сторону остальных чабанов.— Правда на нашей стороне, и мы все сделаем, чтобы вам, трудовому люду, жилось хорошо. Пусть Меред меня проводит.

Ораз Гельды утвердительно кивнул головой. Атабаев чувствовал, что остальные сидевшие у костра, не разделяют мыслей старого чабана, и знал, что рассказ его о намерениях Советской власти станет достоянием жителей аулов.

Когда они отошли подальше от костра, Атабаев сказал:

— Меред, запомни, будущее счастье твое и твоих близких, твоего народа находится в руках таких, как ты. Но надо быть не только смелым, надо много знать. Необходимо учиться. Приезжай в Полторацк, приходи в Совнарком, отправим учиться в Ташкент, а то и в Москву.

— Ташкент — слышал, Москва — не знаю, — глаза Мереди загорелись. — Отец не пустит. Но я тогда убегу!

— Приезжай обязательно! А пока здесь крепко стой за новую власть. Она за таких, как ты, твои братья, отец. — Атабаев пожал руку Мереди. От восторга тот сдернул с головы барашковую шапку и подбросил ее высоко в небо.

Атабаев легко вскочил в седло, и группа всадников продолжила путь к аулу.

3

В Полторацке заработала радиостанция, способная принимать информацию прямо из Москвы. В агентство Сельхозбанка прибыл первый трактор, открылись партийная школа, дома дехканина, матери и ребенка. Состоялось открытие Туркменской государственной библиотеки, окружных курсов по переподготовке учителей, в городе было налажено регулярное автобусное движение, пущен в эксплуатацию закрытый со времен гражданской войны хлопкоочистительный завод, начали свою деятельность государственные учреждения.

ТССР вошла в состав Союза Советских Социалистических Республик. На торжественное открытие 1-го Учредительного съезда Советов Туркменской ССР приехал Всесоюзный староста М. И. Калинин. Было сформировано правительство республики. Председателем Совнаркома стал Атабаев, его заместителем — Паскуцкий. Их связывала не только давняя совместная работа, но и личная дружба. Центральный исполнительный комитет возглавил бывший каспийский рыбак Недирбай Айтаков. Атабаев вошел в состав Президиума. На 1-м съезде Коммунистической партии Туркмении был избран Центральный комитет партии, секретарями которого стали И. И. Межлаук и Халмурад Сахатмурадов. В Секретариат ЦК вошли Межлаук, Сахатмурадов, Городецкий, Вай-

нер и Атабаев. Он испытывал как бы период второй молодости. Везде сказывалось его присутствие, всюду он поспевал.

На дворе весна. Молодая зелень щедро облита лучами яркого солнца. Суровые заводские и фабричные корпуса принарядились. Их фасады нарядно алеют яркими маками знамен и плакатов.

На верху фабричной трубы, траурной от кирпичной киновари и слоя саж, полыхал алый стяг.

Ближе к фабричным воротам кортеж из трех легковых автомобилей замедлил ход. По обе стороны улицы выстроились празднично одетые рабочие и работницы, детвора — все жители подмосковного Реутово и окрестных деревень. На фабричном здании лозунги: «Да здравствует 1 Мая — светлый праздник труда!», «Выше знамя Ленина!», «За техническое вооружение рабочих масс!», «Привет дорогим гостям!», «Да здравствует Туркменская ССР!»

У Атабаева перехватило дыхание, он мысленно перенесся в Ташкент. «Сколько вложено сил и энергии, чтобы Реутовскую прядильно-ткацкую фабрику передали нам, чтобы ее открытие состоялось, — думал Атабаев. Межлаук, стоявший рядом в открытом автомобиле, по-товарищески положил руку на плечо Атабаева.

— Что, Иван Иванович? — спросил Атабаев.

— Молодец, Константин Сергеевич! Это и есть наша жизнь, — крупное лицо Межлаука осветилось улыбкой. Волевой взгляд, высокий открытый лоб, крутой подбородок, скульптурно вылепленный рот, умевший произносить и далеко не лицепрятные слова, вызывали у Атабаева и уважение и некоторую настороженность. И. И. Межлаук происходил из семьи учителя, имел серьезное образование, закончил историко-филологический и юридический факультеты Харьковского университета. Он командовал воинскими частями, имел тяжелое ранение на поле брани за власть Советов. Межлаук работал под руководством Ленина, который ценил в нем инициативу, организаторские способности, деловой размах, отсутствие боязни черновой, кропотливой работы. Труднейшую задачу — поставить разрушенному хозяйству молодой Советской страны десять миллионов пудов черного металла с заводов Югостали — он выполнил за девять месяцев. Познакомился Атабаев с ним в Ташкенте весной

прошлого года. Межлаук приехал работать в качестве секретаря ЦК КП Туркестана...

— Как братьев и друзей, встречаем мы представителей туркменского народа, им теперь принадлежит наша фабрика,— заявил председатель фабзавкома Гукленков, и его слова потонули в громовом «ура!».

Впереди, рядом с водителем машины, поднялся на ноги Мостман, постоянный представитель Туркменской республики в Москве, сзади стояли Кайгысыз Атабаев, Иван Межлаук и Карры Кулиев, председатель Центральной контрольной комиссии КП(б)Т.

Гукленков закончил краткую речь словами: «Мы крепко жмем руку красному Востоку».

Из-за бурных аплодисментов Атабаев долго не мог начать говорить. Выступал он от имени трудящихся Туркмении, которые возлагали большие надежды на Реутовскую фабрику, которую брались полностью обеспечивать сырьем.

— Я уверен, что трудящиеся и дехкане, прежде всего нашей республики, не ошибутся в этом своем шаге. Наша дружба будет вечной! — закончил речь Атабаев. Он вышел из машины и стал пожимать руки стоявшим поблизости людям.

К нему спешила работница фабрики Хомутова. Он узнал ее, она приезжала в Туркмению, была избрана членом ТуркменЦИКа. Вместе с директором фабрики Добровольским, секретарем партячейки Клявкиным, Гукленковым, Межлауком, Кулиевым и Мостманом они образовали первую шеренгу первомайской демонстрации, которая двинулась к пустырю. Там должна была состояться закладка дома для многосемейных рабочих фабрики.

Хомутова надела на Атабаева рабочий фартук. Ров для фундамента уже был готов, аккуратной стопкой лежали кирпичи, рабочий помешивал в громадном корыте цементный раствор.

Добровольский открыл митинг торжественной закладки четырехэтажного сорокаквартирного дома. Ответную речь держал Межлаук, он закончил ее словами:

— Мы с особенным волнением участвуем в закладке этого дома, в закладке основ нового быта на Реутовской фабрике. Пусть и туркмены, которых мы пришем учиться к вам, вместе с производственными навыками и знаниями приобретают навыки к новому быту.

Как ни заполнены ум и душа значением момента, но

Атабаев озабочен, он весь в завтрашнем дне. Его волнует вопрос: какое решение примет Совнарком Союза по вопросу выдачи дополнительных средств на устройство возвращающихся из Афганистана туркменских племен, ушедших туда в первые годы Советской власти. «Очень надо, чтобы помогли,— Кайгысыз почти вслух выражал свои мысли.— Сразу заткнем рты болтунам. И народу покажем, откуда помощь черпаем».

Атабаеву предоставили право закладки первого камня. Старый рабочий подал кирпичи, мастерок. Атабаев опустился в ров, уложил на раствор ряд кирпичей, затем — раствор и снова ряд. Кто-то громко крикнул:

— Ура! Предлагаю присвоить зданию имя товарища Атабаева.

Все одобрили предложение, и решение было принято. И по сей день фамилия туркмена, коммуниста, первого Председателя Совета Народных Комиссаров Туркмении, верного борца за народное дело красуется на фронтоне дома, напоминая людям о том, что у человека труда только в единении — мощь и сила.

На первомайском митинге с нарядно убранной кумачом и цветами трибуны Атабаев сделал доклад о 1 Мая. Он говорил о том, что туркмены еще десять лет назад не могли и мечтать о той жизни, которая пришла к ним с Великим Октябрем, о том, как внимательна и заботлива Коммунистическая партия к еще недавно отсталым народам России. Атабаев привел массу цифр, которые раскрыли огромную, реальную помощь, оказываемую правительством Российской Федерации созданным в Туркестане республикам.

— Почти поголовно безграмотный, опутанный родовыми традициями и догматами ислама, истребляемый в бесконечных войнах с чужеземцами, набегах — аламах, постоянных межплеменных раздорах, туркменский народ был обречен на вымирание. Теперь мы строим оросительные каналы, закладываем собственную промышленность, ведем разведку полезных ископаемых, которых много в недрах нашей земли, поднимаем образование и культуру. И все это делается у нас только потому, что русский народ протянул нам свою руку! — Речь Атабаева была прервана бурными аплодисментами.

Праздник труда, нерушимой дружбы народов длился до поздней ночи.

Исполбюро ЦК, взвесив реальную обстановку, решило провести земельно-водную реформу (ЗВР) пока в двух округах: Мервском и Полторацком. Атабаев, став членом Центральной комиссии по проведению ЗВР, попросил поручить ему и Атаниязову проведение реформы в Мервском округе. Однако гюргенские события — восстание туркмен, проживавших на территории Персии (Иран), против Риза-хана и положение, сложившееся в руководстве Ташаузским округом, заставили Атабаева и Городецкого в срочном порядке отправиться в Ташауз.

Еще до отъезда в Ташауз Атабаев отправил письмо Джунаид-хану. Туркменское правительство разрешило ему осесть в Каракумах, недалеко от культурной (обжитой) полосы. «Гражданину Мухаммед Курбан Сардару Ходжабай-оглы Джунаид-хану. Настоящим письмом мы хотели бы предупредить Вас о следующем: 1. Гюргенские туркмены несколько месяцев назад восстали против персов и ведут с ними вооруженную борьбу. Правы ли туркмены или персидское правительство — мы не вправе входить в рассмотрение их взаимоотношений, а следовательно, и вмешиваться в их дело, точно так же как и персидское правительство не вправе вмешиваться в наши внутренние дела.

Поэтому мы категорически предлагаем всем без исключения гражданам Туркменской республики не вмешиваться в борьбу гюргенских туркмен с персидским правительством.

Опасаясь, что около вас найдутся люди, которые в целях ухудшения вашего положения, могут вас подстрекать на оказание помощи своим сородичам, гюргенским туркменам, мы, заинтересованные в вашем миролюбивом пребывании, предупреждаем вас не слушать подобных разговоров и продолжать заниматься своим хозяйством, в противном случае вы рассчитывать на нашу дружбу не можете.

2. Ввиду того что у вас имеется очень много врагов, которые распространяют слух, что вы не сдаете оружия только потому, что преследуете якобы враждебные против нас цели, предлагаем вам для прекращения этих слухов и создания спокойной обстановки выполнить условие, о котором мы договорились раньше, и сдать излишки оружия правительству, оставив у себя 30 винтовок.

В качестве подтверждения вышеупомянутых слухов

можем указать на то, что за последнее время будто бы ваши всадники произвели нападение на Ильялинский район, совершив убийства и похищение девушки, которая якобы находится среди ваших людей.

Одновременно имеются сведения, что ваши люди недавно произвели нападение на Джебельский район, угнали скот, забрали имущество, которое нашли тоже у ваших людей, и что вы полагали возвратить этот скот обратно.

Ждем ваш ответ. Будучи уверенными в вашем мирном настроении, мы надеемся, что вы не преминете доказать это на деле. Атабаев».

Письмо сдержанное, но твердое. И писано оно в минуты глубокого душевного переживания. Вызвано оно было недостойным поведением ташаузских товарищей. Атабаев, прибыв в Ташауз, тщательно разобрался в обстановке. Выяснилось, что Ханов, Аташев, Чары Перлиев — руководители района — увлеклись вечеринками, отгородились от дел, пустили их на самотек. Партийные и государственные учреждения были засорены малограмотными, не оправдавшими себя работниками. В районе ощущалось сильное влияние племенных вождей.

Атабаев потребовал прислать из Полторацка комиссию для расследования и строгого наказания виновных. Более всего возмутило его то обстоятельство, что с трудом изысканное в Москве зерно для семенной ссуды и хлеб голодающему населению раздавались баям, а дехкане-бедняки получили крохи.

В Полторацке по докладу Атабаева исполбюро ЦК КПТ приняло ряд конкретных мер по Ташаузскому округу. Был установлен единый трудовой налог, значительно меньший прежнего салгита¹.

Освобождались от налога дехкане, чьи доходы не превышали 150 рублей в год (они составляли треть всего сельского населения). Середняк должен был выплачивать налог на уровне салгита, а баи облагались в соответствии с их высокими прибылями. Отменялись сборы за торговлю на базарах, сбор колючки, камыша и дров. Были укреплены кадрами составы окружкома и окрисполкома. Исполбюро ЦК приняло решение смелее выдвигать на ответственные должности молодых дехкан, ремесленников-кустарей и впредь направлять на работу

---

¹ Земельный налог.

в Ташауз партийных работников только решением Секретариата ЦК.

В Ташкенте на заседании Средазбюро Атабаев также доложил о положении в Ташаузе. От него потребовали объяснения о причине невыполнения распоряжения Средазбюро об аресте племенных вождей. Он сознательно пошел на этот шаг, так как считал, что политическая обстановка, и без того напряженная, могла значительно обостриться, так и объяснил свою позицию членам Средазбюро.

Вернувшись в Полторацк, он занялся составлением записки-плана по строительству железнодорожной ветки Чарджуй — Александров-Гай. Железная дорога должна была протянуться вдоль Амударьи, Аральского моря, через плато Устюрт. Подгоняло известие, что концерн Круппа добивался концессии на строительство этой дороги, правда, с условием предоставления ему права эксплуатации эмбинской нефти. Советское правительство это не устраивало. Конечно, для плодородного хивинского оазиса и низовья Амударьи, где проживало около одного миллиона человек, да и для всей Туркмении, проведение кратчайшего пути, связывающего с Россией, представляло огромную выгоду.

Одновременно Атабаев с группой товарищей готовил материалы к заседанию исполбюро ЦК и ЦИКа республики по вопросу о создании в Полторацке научно-исследовательского института, первого научного центра республики.

— Ты же знаешь, Ата, не хуже меня, что вождь пользуется неограниченным доверием своего рода. За ним следуют все, и, чтобы мы пока ни делали, это так. — Атабаев сидел на открытой веранде своего дома. Шел разговор товарищей по работе.

— Но смотри, Кайгысыз, чтобы тебя не обвинили в том, что ты поступаешь так потому, что тебе не удалось это же самое сделать в двадцать втором году в Ташкенте. — Атаниязов большим красным платком вытер голову, по которой струился пот. Он допивал, наверное, десятую пиалу.

— Вспомнил Бахрама. Но вот что я понимаю сейчас. В данном случае каждый, да, скорее всего каждый ташаузский вождь — недруг Советской власти, и с врагами нечего цацкаться. Так! Но я думаю о будущем. Хочу за-

глянуть на десять, двадцать лет вперед. Не желаю я, понимаешь, чтобы еще многие годы басмачи сидели на нашей шее и держали у нас за спинами занесенный нож! Тогда, в случае с Бахрамом, я был неправ. Следовало подчиниться решению. Шла борьба разных точек зрения. Мы с Тюрякуловым и Сергазиевым не хотели сдаваться. Сегодня все это уже ясно видят, что лучшие результаты дает умелое сочетание мирных мер с военной силой. Уйдут басмачи в пески, долго мы их там не достанем.

— Но Красная Армия сметет их, и делу конец. Чего там сомневаться,— заявил Кульбешеров, ради которого, собственно, Атабаев и собрал у себя друзей, они проводили Бяшима в Москву.

— Бяшим, дорогой, ты плохо видишь. Красная Армия может уничтожить басмачей и разогнать стоящих за ними баев, но дело ведь в том, что сегодня за баями идет народ. Прежде надо отсеять народ от баев. И потом ты знаешь, что заряженной винтовки боится один человек, незаряженной — сто! — Атабаев расстегнул ворот русской косоворотки.

— Кайгысыз, если силой уничтожить, быстрее мир наступит,— заметил Аманекон.— Я тоже так думаю.

— Плохо думаешь, Сапаржа,— живо возразил Атабаев.— До твоего мира пока далеко, а мой уже есть. Пусть худой, но он всегда лучше любой драки. Я полагаю, что этому научился у Ленина. Надо укрепить Советскую власть, дать народу почувствовать ее преимущества, показать реальную, материальную выгоду, с туркменами, которых столько лет воспитывали Коран и царская власть, пока только так и надо действовать. На этой основе обязательно и очень скоро начнется расслоение. Вот тогда вожди утратят былую силу и власть. И весь народ примет сердцем наш строй. Не потому, что пришла Красная Армия.

— Кайгысыз, ведь расстрел Таган-Кура ошеломил вождей и других преступных лиц. Сразу прекратились грабежи и насилие. Разве не так? — это говорил нарком торговли Оразов.— Отсюда вывод — следует проводить твердую линию!

Атабаев был удивлен этими словами, сказанными именно Оразовым, который прежде так не думал, но тут же разгадал его хитрость.

— Акмурад, о чем говоришь? А ты подсчитал, сколько нам надо будет держать людей под ружьем? А, не тебе их кормить, понимаю. Немалые расходы,

— По официальным данным, в Ташаузе население половину посевов скрывает, и это не только вожди и бай,— заметил Аманеков.— А скот весь не учтен.

— Ну что? Давайте, Акмурад и Бяшим, около каждого жителя поставим человека с палкой. Нет! Советская власть — народная, и он сам должен ей во всем помогать и сам быть ее контролером.

— А ты слышал, Кайгысыз, люди осуждают твою жестокость. На Секретариате как будто требовал чуть ли не расстрела Чары Перлиева,— это сказал Атаниязов.

— Расстрела не требовал,— Атабаеву стоило сил сдержаться, он отошел к перилам поближе к воздуху,— а из партии выгнать предлагал. Я еще в Ташкенте предупреждал Чары — брось, не пей эту дрянь. Кто его в Ташкент на работу перевел? Какая дорога перед ним открылась. И кто защищал Чары, когда жалоба поступила на его дела в Полторацке? Правы были и Левина и Сахатмурадов. Тогда надо было и отстранить его от работы. Я поверил ему. Он слово дал. Партия ему доверила такое дело. Только служи народу. Так что, выходит, он...

— Говорят, что...

— Не продолжай! — Атабаев перебил Атаниязова.— Если мы с ним оба из Мерва, так Чары может делать все, что захочет? Ошибаются! И пусть знают болтуны, когда я предлагаю выдвинуть кого-либо,— Атабаев поглядел на Акмурада Оразова,— я это делаю не потому, что он из Мерва или Теджена, а потому, что знаю их, верю, что справятся с делом. С такой же верой предлагаю и других товарищей из Керков, Красноводска, Ташауза или Полторацка. И жаль, если они доверия не оправдывают.

— Ну а как считаешь, тебя правильно осудили за единоличные решения в Ташаузе? Говорят, ты с Городецким советоваться должен был,— в вопросе Оразова Атабаев почувствовал обиду.

— В этом товарищи Межлаук, Сахатмурадов правы. Времени не было, вот и решал. Я ведь Председатель Совнаркома. И член Секретариата ЦК. Так я думал, но был не прав. Хорошо, что все распоряжения попали в точку. Понимаю, дело не в личностях, которым не нравится моя деятельность. Но я нарушил коллегиальность.

— А правда, что ты знал о распоряжении Зеленского ударить по баям и басмачам еще в Ташаузе, а комбрига Мелькумова остановил? — спросил Кульбешеров.

— Да, правда, Бяшим, и на исполбюро, когда докладывал, не сказал об этом. Я был не прав, говорю тебе. А вожди пусть сидят в песках. Республику на ноги поставим, народ обязательно пойдет за нами, и вожди зачихнут, как отары без воды. А за свои ошибки я готов ответ держать.

Кульбешерову уже пора было собираться на вокзал. Готовя Бяшима в Москву, Атабаев вечерами подолгу беседовал с молодым парнем. На Секретариате Атабаев говорил о слабой подготовке Кульбешерова, но его не поддерживали. Подавляющее большинство членов исполбюро высказалось за отъезд Кульбешерова в Москву. Михаил Иванович Калинин рекомендовал его на высокую должность Председателя Национального Совета ЦИК СССР.

5

В Полторацке побывал командующий Туркфронтом Левандовский. Вместе с ним Атабаев. Он посетил ряд районов, требовались объективные данные, есть ли в республике экономические, социальные и политические предпосылки для проведения общеобязательной воинской повинности. Результаты поездки дали основание считать, что такие условия вполне сложились. Комфронта обратил внимание на то, что в окрвоенкоме не было ни одного туркмена. Атабаев признался, что за множеством дел упустил этот важный момент. Левандовский разделял позицию Атабаева по борьбе с басмачеством.

В республике шла большая подготовительная работа по проведению земельно-водной реформы (ЗВР). Разработкой подробного плана ее занимался Севастьянов, который переехал в Полторацк и был назначен заместителем наркома земледелия. Это он был одним из инициаторов и авторов записки в ЦК КП Туркмении, послужившей исходным материалом в разработке конкретных мероприятий по проведению ЗВР. В основе записки были три положения. Первое: байство и кулачество за годы нэпа ощутимо укрепилось, оно проникло во многие советские и профсоюзные организации и приспособилось к Советской власти настолько, что по-своему даже влияло на идеологическую и партийную жизнь. Второе: проведение ЗВР должно осуществляться в сжатые сроки и под строгим контролем, чтобы избежать случаев физиче-

ской расправы с коммунистами. И третье: необходимы подготовка, тщательное предварительное обследование районов проведения реформы.

Атабаев во главе всего аппарата СНК занимался урегулированием крайне напряженного положения на хлебном рынке и ликвидацией острого недостатка товаров при наличии у населения сравнительно крупных сумм денег от реализации высокого хлопкового урожая этого года. Следовало получить и завезти товары и пшеницу из России, создать на зиму и весну запасы муки и остановить рост спекулятивных цен. В это время в СНК и пришло письмо от Джунаид-хана.

В письме в связи с сохранением им вооруженного отряда говорилось следующее: «Хотя я и в покое со стороны правительства, все же имею массу врагов, о чем и Вам не секрет... По поводу убийства людей и увоза девушки скажу, что если на самом деле это было совершенно моими людьми и если я, установив этот случай, не наказывал преступников, то я признаю себя виновником, так же как если и вы, установив тех, кто говорит неправду, не накажете их, то я буду Вами недоволен. Пусть те, кто говорят, что скот из Джебельского района угнан нами, докажут это, и я отдам за одну голову десять и буду доволен... Следует верить туркменскому честному слову... Но у меня есть должники, и у кое-кого хранятся мои вещи, к ним пошлю людей».

В этой фразе и был весь Джунаид-хан. Он не собирался отказываться ни от власти, ни от богатства, нажитого в набегах, ценой чужой пролитой крови...

Это был третий аул за сутки, а на исходе были уже десятые. За эти дни не по данным статистического бюро, а воочию он увидел бедственное положение крестьянского хозяйства. Азал — простой сук дерева с железным наконечником — это плуг. Так, в Полторацком округе на полторы тысячи бедняцких хозяйств приходился всего 81 азал, в Мервском на это же количество хозяйств — около 100 плугов. Эти же бедняки-дехкане всего Полторацкого округа имели 123 лошади.

Неудивительно, что земли бедняков оставались не засеянными или сдавались в аренду баям. У тех не было недостатка в тягловой силе и сельскохозяйственном инвентаре, и плуги у них были настоящие, заводские.

В аул Киндыклы Атабаев с членами окружной ко-

миссии по проведению ЗВР прибыл ближе к вечеру. Народ уже собрался перед зданием аулсовета.

Атабаев взошел на крыльцо, поздоровался с собравшимися и стал разъяснять суть земельно-водной реформы: как она будет проходить, кто и в каких размерах будет получать землю и воду.

— Еще раз хочу подчеркнуть, что главной целью проведения реформы является уничтожение крупных землевладений и наделение за их счет земель и водой безземельных и малоземельных дехкан. Целью реформы является уничтожение частной собственности на землю и воду, запрещение их продажи и купли. Землю получит каждый трудящийся дехканин! — громко сказал Атабаев. — А теперь, чтобы было по справедливости, мы разделим аул на равные четыре части и бросим жребий. Чтобы не было обид, какая, где и кому досталась земля.

Послышались возгласы одобрения. Каждый верил в свою удачу. К жеребьевке все уже было готово. Выбрали троих самых уважаемых стариков — и через час дело было сделано. Оставалась малость — составить список новых владельцев земли.

— Ну, что скажете, ага-джан? — спросил Атабаев наиболее активного из стариков.

— Семь лет говорили, наконец сделали, — не очень радостно сказал тот.

— Чем недовольны, яшули? — спросил Атабаев.

— В двадцатом году попробовали, ничего не вышло. С тех пор баи твердят, не к чему обрабатывать землю, завтра ее отберут. Край и стал бедным. Долго не наступало завтра. Люди устали ждать.

— Ну а землю получите, яшули, чем обрабатывать станете?

— И лопатой вспашем, а там, глядишь, азал найдется, а там и плуг, и вол, и лошадь. Помощь, конечно, нужна.

— Обязательно поможем. Верьте нам! И больше сейте хлопка.

— Надо разрешить, начальник, по окраинам земель разводить фруктовые и тутовые деревья, виноградники.

— Мы об этом, ага-джан, слышали. Конечно, надо. А к следующей весне хороших семян дадим.

— Ягши, председатель, ягши йигит!¹ — повеселел старик.

---

¹ Хорошо, председатель, добрый молодец!

— Хош галын!¹ — громко крикнул Атабаев. Раздались одобряющие хлопки.

— Товарищ Атабаев, — к нему подошел председатель аулсовета, — одно важное дело есть. С женами баев что-то надо делать. Они четыре, а то и пять жен имеют.

— А что ты предлагаешь, нам их себе взять? — Атабаев знал, о чем дальше пойдет разговор. — Ты женат? У тебя сколько жен?

— Одна, товарищ Атабаев, я член партии, — обиделся председатель аулсовета.

— По-умному надо к этому делу подходить, товарищ председатель. Не нами, дорогой, это выдуманно. Наследие прошлого. Как к религии, так и к этому вопросу надо с головой подходить. Тут время потребуется. Вот с калымом, с байством — с этим сразу надо кончать. А с женами смотри внимательно, чтобы новых случаев не наблюдалось. Чуть что — давай сигнал. Детские дома и школы надо строить, а ты дома для байских жен предлагаешь.

— Я этого не предлагал, — председатель даже обиделся.

— Ну а куда их девать? У них ни кола, ни двора, и сами себя они не прокормят. Более того, смотри, чтобы не ущемляли этих женщин. Каждой как члену семьи положена земля и пай воды.

Председатель аулсовета поглядел на Атабаева.

— Думаешь, я на стороне баев? Нет, дорогой! Я за Советскую власть, а она должна быть справедливой и гуманной. Понимаешь, гуманной?

— Никогда не слыхал.

— Это означает — человеческий, человечный, когда признается ценность человека как личности и когда забота о его благе — главное.

— А разве главное не классовая борьба? Мне говорил секретарь райкома, — заметил председатель.

— Это несколько из другого аула или, как русские говорят, из другой оперы. Борьба между классами, интересы которых противоречат один другому и не могут быть совместимы, есть главная движущая сила истории, и сейчас нас с тобой она, конечно, занимает в первую очередь. А я говорю о том, что общество, которое защищает наш классовый интерес, должно строиться на равенстве, справедливости и добрых человеческих отно-

---

¹ Счастливо оставаться!

шениях между людьми. Тогда оно будет непобедимо! Скорее учись русскому языку, приезжай в Полторацк, я дам тебе хорошие книги. Узнаешь, что были на свете большие головы — Дидро, Кант, Мор, Сен-Симон, Маркс и другие, русские Белинский, Добролюбов.

В это время к ним подошли Атанязов и Севастьянов.

— А главное — Ленин! — продолжал Атабаев.

— Владимир Ильич, — подсказал председатель.

— Он самый! Вождь нашей революции призвал ликвидировать частную собственность, не сразу, но обязательно ликвидировать эксплуатацию, чтобы один человек не жил за счет другого, уничтожить всякий национальный гнет, войны, все противоречия, которые могут быть между людьми разных национальностей и представителей разных классов, сделать так, чтобы наука служила человеку и чтобы все делалось во имя человека. Но для этого прежде всего должна восторжествовать справедливость? Ты все понял?

— Хорошо понял. — Но лицо председателя аулсовета этого не выражало, да и действительно понять такое парню, который только в ликбезе научился читать, было трудно.

— Старое вспоминаешь, тянет в школу? Ты на кафедре был бы хорош, — заметил Атанязов.

— В этом, Ата, вижу свой долг коммуниста и образованного туркмена. И тебе советую, везде, где можешь, сей семена культуры! «Мы бедны, потому что мы глупы. Но мы глупы, потому что бедны», — помните, Иван Александрович, вы говорили это в Ташкенте? С этим решительно надо кончать! Правильно я говорю!

— Правильно, правильно, но, Константин Сергеевич, это третий случай. Сейчас услышал. По рассказам, явный «гызыл». Если заболевание разовьется, может в Мерве охватить весь хлопковый клин, переброситься в другие районы. — Озабоченное лицо Севастьянова не менее убеждало, чем его слова. — Разрешите, я вернусь в Мерв. Надо принимать срочные меры.

— Что скажешь, Ата? — спросил Атабаев.

— Давай и мы вернемся, хоть денек отдохнем. Я с ног валюсь.

— Так и решим, — и Атабаев обратился к председателю аулсовета. — А ты обязательно в Полторацке побывай, заходи в Совнарком, а главное — учись! Домой придешь, спать не ложишься, читай. Человек ты молодой,

одолеешь. Для тебя сегодня учеба — главное. От тебя все зависит. Станешь грамотным — дело пойдет. А если здесь что не так, пиши прямо мне! Пойдем покажи, где нам ночлег приготовили. — Уже в постели он вдруг произнес:

— Иван Александрович, вам книгу о прошлом Туркмении надо бы написать. Народ, который не знает своего прошлого, не может успешно строить будущее. Так ведь? Севастьянов согласился.

6

Первые результаты земельно-водной реформы были удовлетворительными. Со всех районов Мервского и Полторацкого округов поступали повышенные запросы на семена и сельскохозяйственный инвентарь. Ожидалось значительное расширение посевных площадей под хлопчатник и хлебные злаки. Чтобы закрепить эти успехи, исполбюро ЦК приняло решение о форсировании работ по строительству Эрсаринского канала и Тедженской плотины. Москва выделила ассигнования на строительство Палвартского канала и пуск амударьинской воды по Келифскому узбою. А впереди еще было строительство Босага-Керкинского канала. Над его осуществлением трудились в поте лица Атабаев, Паскуцкий, Ата Мамедов, Сыромятников.

В кабинете председателя Совнаркома было накурено и душно. Рабочий день близился к концу. Только что слушали комиссию по сооружению памятника Владимиру Ильичу Ленину. Его предполагалось установить в центре Гимназической площади, превращенной в пышный сквер. В кабинете остались Паскуцкий, секретарь СНК Рудой, нарком земледелия Ата Мамедов, руководитель СНХ Солькин и первый секретарь ЦК ЛКСМТ Чары Великов.

— Товарищ Рудой, в недельный срок подготовьте мне список технических специалистов, работающих не по специальности. Эти специалисты нужны на стройках. Будем по примеру Москвы привлекать на работу старых спецов.

Чары Великов листал книги, лежавшие стопкой на столе Атабаева. Здесь были сборник стихов узбекского

поэта Чулпана, васьильевский «Ахалтекинский оазис», «Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге», «В огне» Барбюса, сборник рассказов Чехова.

— Несколько дней я наблюдаю за реакцией тех, кто ко мне заходит, вот на этот, — Атабаев показал рукой на плакат, — вижу не всем он нравится. — Присутствующие знали его уже наизусть. На ватмане под портретом Владимира Ильича крупными буквами было выведено: «Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что *старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел.*

Ленин».

— Верно! — заметил Паскуцкий.

— Не знаю у кого как, а у меня складывается впечатление, что немало таких, которые считают, что революция победила и лично им можно почивать на лаврах. Трудятся пусть другие.

— Вредное настроение, Константин Сергеевич, — согласился Паскуцкий.

Атабаев поднялся, подошел к окну, распахнул его.

— Конечно, можно и так. Но если жить только сегодняшним днем и не думать о будущем, о своих сынах, — на этом слове Атабаев споткнулся, ему стало неудобно, высказал свою сокровенную мечту, но он тут же взял себя в руки, — можно, конечно, и из невыдержанной глины слепить кирпичи. Посушить их день, другой на солнышке и — давай стены класть. Штукатуркой покрыть, побелить и — дом готов! А я подожду, и кирпичи просушу, и дождусь, пока стены просохнут, и штукатурки не пожалею. Позже других в дом въеду, но буду жить без забот. А ты через год свой дом начнешь ремонтировать, а через десять он наверняка развалится. Кому нужно будет тогда твое хвастовство, что ты дом раньше меня построил? Думаю, показных дел нам надо бояться и излишеств тоже, — Атабаев выразительно поглядел на Солькина.

Молодой, неплохо подготовленный, уверенный в себе Председатель СНХ Туркмении известен был тем, что в восемнадцатом, тяжелом для жизни туркестанского университета, году он, студент последнего курса, был избран ректором университета.

— Константин Сергеевич, это выдумки, газетная болтовня! — с апломбом ответил Солькин.

— Андрей Федорович, хочу верить тебе.— Атабаев сознательно не отозвался на «газетную болтовню».— Ну а проволочка со строительством содового, консервного и парафинового заводов тоже выдумки? Андрей, я очень боюсь, что ты работаешь вполсилы, не проявляешь инициативы. Ищи специалистов, знающих людей. Пойми, в твоих руках сейчас наша надежда. Ты молодой, проживешь еще. Подожди, пока вот товарищ Перенглиев выучит нашу молодежь в российских городах.

— Меня не трогай, Кайгысыз Сердарович,— вострепнулся нарком просвещения,— знаю, что держишь в уме.

— Ишь ты, чего захотел! Почему ребята, которые из дому бежали, чтобы учиться, не посылались на учебу, а ехали те, кто бражничал в Москве да в Туле?

— Единичные случаи.

— Если бы! А как идут дела в научно-исследовательском институте? Ты лично несешь ответственность за нормальную обстановку там. Он еще как следует не работает, а уже склоки, закулисные дразги. Как хочешь, а молодые ученые, особенно пролетарского и дехканского происхождения, должны в знаниях равняться на «стариков».

— Ты, Кайгысыз, как эмир рассуждаешь,— заметил Перенглиев.

— Против истины не попрешь, а она состоит в том, что молодые ученые должны жить, работать и думать о будущем народа, а не о своем личном благополучии.

— Константин Сергеевич прав! Среди красноармейцев из туркмен такого не было, а интеллектуалы очень высокого мнения о себе.— Паскуцкий закурил.— Мало еще сделали.

— А на предприятиях тоже не лучше? — сказал Перенглиев, и Ата Мамедов кивнул в знак согласия.— Как они, русские товарищи, относятся к учебе туркменских товарищей? Например, мы направили на стеклозавод 26 туркменских подростков. Числятся они учениками, а вкалывают водоносами, и никто их производству учить не собирается.

— Товарищ Перенглиев насчет стеклозавода прав, Константин Сергеевич. Я завтра сам побываю там. Исправим дело,— предложил Паскуцкий.— Товарищи, хочу вернуться к вопросу о спецах, говорят, зачем считаться со спецами, стоит ли делать на них ставку, тащить, завлекать в социализм? Пусть себе разбегаются, сами будем налаживать дело. Так вопрос ставить нельзя. То-

варищ Ленин такую точку зрения решительно отвергал, вот послушайте,—Паскуцкий раскрыл синюю папку:— «Построить коммунистическое общество руками коммунистов — это ребячья идея. Крестьянин скажет: ты прекрасный человек, ты защищал родину, мы тебя за это слушались, но если ты хозяйничать не умеешь, то поди вон. Управлять хозяйством мы сможем тогда, когда хозяйство будет построено чужими руками, а сами будем учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому надо». Вот!

— Хорошо! С этим ясно. А теперь давайте вернемся, как говорят, к нашим баранам не в переносном смысле, а в прямом. Николай Антонович, ты же знаешь, в наших условиях хозяйство в тысячу баранов — это не байское, а настоящее середняцкое хозяйство. На этого середняка мы и должны если не опираться, то ориентироваться. Сейчас с их помощью мы только и сможем наладить скотоводство. Они умеют вести хозяйство. И дехкан надо поднимать до их уровня, а не наоборот. А то перережут скот, угонят за границу. Так уже было в Мерве в девятнадцатом. Нам надо поголовье сохранить. На заседании исполбюро я выйду с этим вопросом. Ата, прошу меня поддержать.

— Чего это вдруг? — удивленно спросил Мамедов.

— Чего? А то, что доклад твой на прошлом исполбюро был слишком спокойным. Ты подготовил людей из коренного населения, чтобы послать в Ташкент на ветеринарный факультет? А сколько времени прошло? И пусть меня не упрекают Вайнер и Городецкий, что я все с «больными» делами выступаю. А где нам о них говорить, как не на исполбюро? Об успехах наших газеты напишут. Не надо бояться критики, она же помогает нам двигаться вперед. Ну ладно, будем считать, что с пользой время провели. Давайте прощаться, а я еще посижу, подумаю над письмом Джунаид-хану. Тоже орешек!

В письме говорилось, что, оставаясь в песках, Джунаид-хан обрекает себя и своих людей на лишения, что шайки Анна Балы, Дурды-Клыча, Овлия Кули, прикрываясь его именем, совершают набеги на аулы. «Ведь они действуют от вашего имени, выдают себя за ваших людей... Вы завоевали авторитет... в борьбе против узбекского Хорезма¹, но никогда не были врагом своего народа... Мы воюем только с теми, кто активно выступает

---

¹ Имеется в виду — «против хивинского хана».

против государственной власти, как это делали Гулам Али и Якши Гельды, и не остановимся ни перед чем, чтобы их ликвидировать. Вы же не бойтесь ловушки... Правительство выделит вам землю и воду и предоставит все условия для мирного труда. Мы ждем вашего решения».

Закончив письмо, встал из-за стола, прошелся по кабинету, сильно болела голова. Осторожно вошла стенографистка. На подносе лежало сухое печенье и стоял стакан с чаем.

7

На заседании исполбюро ЦК был заслушан доклад Атабаева об итогах земельно-водной реформы в Мервском округе. В целом реформа была проведена успешно. Атабаеву поручили написать о ней в прессе. «Туркменская искра» в трех номерах поместила статью Председателя Совнаркома.

В Полторацке была заложена первая в республике прядельно-ткацкая фабрика. В эти дни был создан Скотоводческий комитет во главе с Председателем ЦИК Недирбаем Айтаковым. Комитет подготовил подробную записку о состоянии животноводства в республике.

Большая группа молодежи — 60 человек — уехала в Москву на учебу. Атабаев перед отъездом беседовал с каждым из них.

В Полторацк прибыл новый ответственный секретарь ЦК КП(б) Т. Ш. Н. Ибрагимов, член партии с дореволюционным стажем, пролетарского происхождения, участник Октябрьских боев в Москве, бывший секретарь Центрального бюро коммунистических партий Востока при ЦК РКП(б).

Из поездки по Соединенным Штатам Америки возвратился Хаджи Атабаев, он работал на заводе «Форд» в Детройте, осваивал «фордзон», тракторы этой марки поступали на поля Туркмении.

Был утвержден проект памятника Ленину. Над ним трудились академик Карелин и скульптор Трипольской. Виды на урожай хлопка и зерновых не вызывали опасений.

Атабаев возвратился из депо, где состоял на партийном учете. Он проводил там политучебу, делал доклад «Об английской забастовке». Большая часть сотрудни-

ков аппарата уже разошлась. Он очень любил эти часы, когда еще не одолела усталость и нет обычной учрежденческой суеты.

Он набрал номер телефона, ответил дежурный сотрудник ЦИКа.

— Атабаев, а где товарищ Айтаков?

— Недирбай Айтакович уехал домой.

— Спасибо! — Атабаев положил трубку, взгляд скользнул по «Туркменской искре».

«В цирке «Тайнственная дама». Ничего! А вот: «Сегодня решающие схватки!» Говорят, Сали-Сулейман и Аршак отлично борются. А что в кино? «Ваш любимец Дуглас Фербенкс в цикле «Багдадский вор», «Знак Зеро», «Робин Гуд», Надо бы сходить», — думал Атабаев, набирая номер домашнего телефона Айтакова.

— Слушаю, Кайгысыз, здравствуй. Я тебя сегодня не видел, — начал Айтаков по-туркменски. — Что-нибудь случилось?

— Добрый вечер, Недирбай! Уже отдыхаешь. Ничего не случилось и вряд ли быстро случится, — медленно, с расстановкой произнес Атабаев.

— Ты о чем? Не пойму!

— На даче шикарный ремонт, говорят, затеял. Можно подумать, других дел у тебя нет. Что же ты волокиту развел с финансированием научно-исследовательского института. Целая неделя ушла на твои соображения. Два дня наша бумага у тебя лежала. Потом ты ее отправил в соответствующий отдел, там три дня пролежала и опять к тебе вернулась на подпись. А зачем ее надо было кому-то посылать? Три минуты. Вызвал стенографистку, продиктовал, требуется всего три минуты, — Атабаев говорил спокойно.

— Завтра бумага будет у тебя, Кайгысыз.

— Дело не в бумаге, дорогой Недирбай. На нас с тобой смотрят, на нас равняются. Вот с учебой. Надо бы учиться. Ты не подумал на заочный поступать? Ведь раз, а то и два в году в Москве бываешь. Использовать эти поездки надо.

— Ты прав, Кайгысыз. Я подумаю. До завтра.

Раздался телефонный звонок.

— Слушаю, о, Халмурад, добрый вечер! Ты еще сидишь?

— Как видишь, Константин Сергеевич. Завтра прошу ровно к десяти. Хотелось бы Секретариат начать точно в назначенное время.

— Буду! А сейчас хочу сообщить, что «Туркменбир-лешик»¹ в связи с усилением действий басмачей намерен завезти в Ташаузский округ запасы товаров на три-четыре миллиона. Просит СНК взять на себя гарантии в случае убытков, но нужно решение ЦК.

— Давай обсудим завтра. Каруцкий и комдив за усиление военного нажима. Действительно, надо копчаты!

— Да. Если Джунаид-хан не поднимется, Ахмет-хану, Анна Бале, Давлия Сердару придет конец. Халмурад, я подумал и решил снять свое возражение против Узбекова. Полагаю, следует как можно быстрее принимать постановление ЦК и отправлять его вместе с остальными.

Речь шла о намерении ЦИК ТССР направить в стан Джунаид-хана группу советских работников во главе с заместителем председателя Казанджикского РИКа Теке Дурды Узбекова. Атабаев поначалу сомневался в правильности выбора этой кандидатуры.

— И я так думаю. В этих товарищах мы сомневаться не можем, нам надо знать, что на самом деле происходит в стане Джунаид-хана.

— Чем быстрее, тем лучше. Для твоего сведения, я отправил письмо Рудневу, ташаузскому окружному прокурору, в связи с жалобой, поступившей ко мне от Джунаид-хана. Его людей, посылаемых в города и аулы за провиантом, незаконно арестовывают, в ауле Ала-Илы-ой — троих убили.

— А что ты хочешь, этого следовало ожидать. Так и будет, пока есть Джунаид-хан.

— А на что мы? В письме Рудневу я считал нужным сказать, что Джунаид-хан в прошлой своей деятельности, в период борьбы за власть в Хорезмском ханстве, совершил ряд убийств конкурировавших с ним родовых вождей. Когда мы его амнистировали и обещали выделить землю, острота кровной мести усилилась. Вожди племен хотят поспорить с нами Джунаид-хана, создают накаленную атмосферу. В этом вижу опасность грозы. Я предложил Рудневу совместно объективно разобраться в деле с Джунаид-ханом, провести тщательное расследование. Хотел вот еще о чем потолковать. Когда я был в Ташкенте, беседовал с Зеленским о возможности сохранения Ата Мамедова в Наркомземе, Зеленский против. Считает, что Ата себя дискредитировал и вряд ли целесообразно его там оставлять.

---

¹ «Туркменпотребсоюз».

— Так что, ставить вопрос о пребывании его в партии? — в голосе Сахатмурадова чувствовалось волнение.

— Нет, нет! Зеленский высказался категорически против исключения его из партии, и я этого не предлагаю. Но Ата следует предоставить работу по силам и способностям, а может, лучше направить его на учебу. Но это следует решить на уровне ЦК. Так же надо обсудить кандидатуру Атаниязова на должность наркома. Давай завтра вернемся к этому вопросу. Поздно уже. Давай прощаться. До завтра.

8

Весной состоялся V пленум ЦК КПТ. Вопросы повестки дня, казалось, не давали повода к бурным прениям: они были рабочими, очередными, плановыми. Первый вопрос о снижении розничных цен по докладу Паскуцкого сразу не был решен. Для его доработки создали комиссию в составе: Паскуцкий, Оразов, Бухаренко. Другой вопрос — о раскрепощении женщин — докладывали Росс и Полтаева — вызвал еще более горячие споры. Была создана еще одна комиссия, в нее вошли Сахатмурадов, Атабаев, Кулиев, Росс, Полтаева и другие. И уже совсем острая полемика возникла по вопросу о коренизации — докладывал Ибрагимов.

Из Москвы в Ташкент постоянно поступали рекомендации активнее привлекать лучших коммунистов из туркмен к участию в руководстве строительством новой жизни. Однако в жизни они претворялись медленно. В центральном аппарате из ста человек лишь десять являлись представителями коренных национальностей, и только в окружных организациях это число приблизилось к одной трети. ЦК ВКП(б) и Средазбюро, конечно, оказывали практическую помощь местным коммунистам в строительстве новой жизни. Но чтобы обрести опыт и знания в этом деле, требовалось время. Атабаев не жалел сил на получение дополнительных мест на рабфаках, в университетах и академиях для туркменских товарищей и в то же время не торопился выдвигать того или иного работника из туркмен на более высокую должность. Он хорошо знал, что среди еще мало-мальски подготовленных партийных и советских местных работников немало таких, которые считали, что если они выбились в руководители, то это уже гарантия успеха.

Председатель ТСПС Гладышев в своем выступлении на пленуме привел ряд ярких примеров, показавших, что в области не ведется работа по созданию пролетариата из коренного населения. Он осудил такую практику, когда на руководящую должность выдвигались туркменские товарищи, а им в заместители назначались европейцы. Дело вроде бы шло, но руководитель в этом случае по-настоящему не рос, поскольку за него все делал его заместитель. Гладышев предложил оказывать действительно росту туркменских товарищей более эффективную, конкретную помощь и строже спрашивать с них самих за свой рост по партийной линии. Но тут же выяснилось, что сам Гладышев не изучает туркменского языка, это ему было поставлено в упрек.

Пленумом было принято соответствующее решение, но многие из его участников отнеслись с большим сомнением к утверждению Ибрагимова, что в вопросе коренизации в Туркмении сделан большой скачок.

Атабаев на пленуме не выступал. Он понял, что это лишь первые толчки, что «землетрясение», и, может быть, достаточной силы, впереди, и вот тогда он скажет свое вescкое слово члена Секретариата ЦК.

Вскоре Атабаев отправил в Москву личное письмо.

«7.V.27 г. Секретарю Национального Совета т. Кульбешерову.

Дорогой Бяшим! В ближайшее время к тебе обратится Лилия Петровна Зариня, которая едет с моей дочерью Норой в Латвию, к родным в деревню на лечение. Им необходимо устроить пропуск за границу. Одновременно, пользуясь случаем, хочу закончить разговор, который вел с тобой в Москве.

Тебе, вероятно, известно, что твоя кандидатура прошла при большом сопротивлении со стороны некоторых работников из национальных кадров. Главный довод, который они выдвигали против тебя, заключался в том, что Национальный Совет за время своего существования в течение двух лет не проявил себя никак по твоей вине, заявляя, что ты, помимо слабости характера, отсутствия воли, мало подготовлен и не охватываешь всю задачу, стоящую перед Национальным Советом.

Мы люди совершенно взрослые, скрывать свои недостатки нам не пристало, нужно сознаться в справедливости предъявленных тебе обвинений.

Само собой разумеется, что ты с образованием начального училища, как бы ни был умен, толков, сколько

бы трезвости ни проявил в решении тех или иных вопросов, нуждаешься в серьезной теоретической подготовке, иначе дело будет стоять, нарекания будут расти и тебя, если ты в ближайшее время не сумеешь подготовиться, установить твердую и определенную линию, оживить деятельность Национального Совета, вообще сдвинуться с мертвой точки, снимут с работы.

Это будет вполне справедливо, так как интересы дела не могут быть принесены в жертву отдельным работникам.

Нет надобности доказывать, что снятие тебя с работы явится для тебя крупным политическим и моральным ущербом.

Подняться тебе после этого будет весьма трудно. Ты подорвешь этим свой авторитет, восстановить который мы будем не в состоянии.

Помимо этого у тебя есть «друзья», которые пожелают воспользоваться этими неудачами для того, чтобы свести с тобой счеты... И ты должен поставить перед собой задачу... немедленно поступить на вечерние курсы рабфака или Комуниверситета. Выбор предстоит сделать тебе самому...

Я лично тебя знаю с малых лет, имел возможность наблюдать за тобой, оценить твои способности, а за последнее время выявить тебя как работника. Мое главное убеждение, что с этой задачей справишься. Все зависит от того, насколько ты серьезно подойдешь к ней и насколько ты сумеешь перебороть лень, являющуюся самым отрицательным качеством туркменских работников.

Неужели ты думаешь, что сможешь и дальше возглавлять такое высокое учреждение, как Совет Национальностей, если останешься таким же полуграмотным, как сейчас?

...Необходимо тебе предварительно изучить особенности условий общественного быта, экономическое состояние многочисленных национальных образований, выявить основные проблемы и повести твердую линию по оказанию действительной помощи этим национальностям.

Конечно, я в данный момент отказываюсь формулировать точно содержание работы Национального Совета, но знаю одно — он должен стать одним из главных органов, содействующих культурно-экономическому росту наиболее отсталых национальностей.

Один из товарищей, не помню кто, вполне справедливо заметил, что наша национальная политика в на-

стоящее время прежде всего связана с восточными народами, охватывающими Кавказ, Среднюю Азию и Сибирь.

Такие же республики, как Украина, Белоруссия, достаточно сильны, имеют кадры советских работников, которые оказывают большое влияние и на деятельность центральных органов и потому в помощи со стороны Совета Национальностей не нуждаются. Не нуждаются в этой помощи также Закавказская Федерация, Узбекистан, Туркменистан, зато ряд автономных областей и республик не обойдутся без помощи Национального Совета.

...Ты должен подобрать аппарат или хотя бы посоветоваться с руководящими партийными работниками, которые тебе помогли бы разработать основную линию твоей работы и практического проведения ее в жизнь.

Повторяю, вся эта работа может быть выполнена с успехом лишь в том случае, если ты сам будешь достаточно грамотен и подготовлен к ней. Без этого ничего не получится.

По-моему, тебе следовало бы установить более тесную связь с национальным отделом ЦК ВКП(б). Там работает тов. Диманштейн. Поговори с ним. Поговори также с тов. Ивановым и тов. Енукидзе, они помогут в решении ряда вопросов. Если потребуется, согласуй разработку положения с Секретариатом ЦК или, если ваши конкретные предложения требуют специальной санкции, внеси их на утверждение Оргбюро.

Вообще, ты должен себе уяснить, что той беспечности, в которой ты сейчас пребываешь, должен быть положен конец.

...Я хочу сказать, что ты должен все свое свободное время использовать для того, чтобы пополнить свои знания. Ты еще молод, вся жизнь у тебя впереди. Именно сейчас, в молодые годы, нужно с головой окунуться в учение.

Кроме этого, ты должен связаться со всеми национальными работниками (конечно, руководителями), изучить лучше нашу национальную политику, поработать над ее проблемами, с тем чтобы самому попытаться изложить эти проблемы на бумаге, а потом и отпечатать, конечно, после предварительного согласования его с наиболее близкими друзьями или руководителями национального отдела ЦК ВКП(б).

У тебя слишком большое самомнение. Это твой основ-

ной недостаток. Это... удерживает тебя от того, чтобы обратиться за содействием к другим людям. Из-за этого страдает твоя работа.

Между тем работать с годами становится сложнее. Требуется не только подготовка, но и большое напряжение для того, чтобы не отстать от требований времени.

Ты же продолжаешь беспечно разгуливать.

Если не будешь учиться, увидишь, что отстанешь от всех, и никто тебе помочь не сумеет.

До свидания. С товарищеским приветом. Атабаев».

...Летом появились первые предвестники беспокойной осени и зимы. Высказанное Атабаевым на исполбюро ЦК еще в прошлом году мнение о целесообразности ухода Джунаид-хана с территории ТССР в Персию не было поддержано. Это, считал Атабаев, решило бы проблему борьбы с бандитизмом в республике. Атабаева не поддерживали из-за опасений, что Джунаид-хан, находясь за кордоном, превратится в еще более опасную силу. Против ухода хана был категорически настроен полпред в Персии Юренев. В то же время замнаркоминдел Карахан в Москве и уполномоченный наркоминдел в Средней Азии Знаменский предостерегали от драки с ним. Они считали, что карательная тактика вынудит Джунаид-хана уйти в Персию или в пески, откуда он поведет еще более решительную борьбу, и предлагали разлагать его изнутри системой советского окружения. Бельский, представитель ОГПУ в Среднеазиатских республиках, несмотря на активную позицию Каруцкого, телеграммой в Москву сообщил Петерсу, заместителю председателя ОГПУ СССР, о своих опасениях, полагая, что там в случае, если будет сделана попытка силой оружия подавить Джунаид-хана, ему все равно нельзя будет помешать уйти в сопредельную Персию. Общий вывод сводился к тому, что разумнее не озлоблять Джунаид-хана.

И все же постепенно сторонники карательной тактики, полагавшие, что одним вооруженным ударом можно ликвидировать Джунаид-хана, а заодно и остальные бандитские шайки и сразу положить всему конец, взяли верх. К тому же к лету 1927 года вполне созрела необходимость перехода к карательным мерам. Население Каракумов и культурной полосы Ташаузского округа требовало оградить его от посягательств Джунаид-хана, грозя самостоятельно с ним расправиться.

ОГПУ, готовясь к выступлению против Джунаид-хана, стало согласовывать свои действия с Среднеазиат-

ским военным округом и Средазбюро. Но тут в исполбюро ЦК поступило сообщение зампреда ОГПУ ТССР Горбунова о том, что Джунаид-хану известно о готовящейся против него операции. Он поначалу не поверил этому сообщению и послал своих людей в Ашхабад. Возвратясь, они подтвердили слух. Джунаид-хан немедленно снялся с ближнего колодца Орта-Кую и перешел к колодцу Пишке-Кую, где он организовал дальнюю разведку, выставил посты и разъезды. Басмачи грабили население, обложив его податью размером в одну пятаю от доходов. Не останавливались они и перед убийствами советских работников и мирных жителей.

Теперь, поскольку операция была расконспирирована, следовало принимать быстрые и решительные меры. Части пехотной дивизии, расквартированной в ТССР, двинулись в пески. Однако до подхода 84-го кавполка, подготовленного к ведению боевых действий в условиях пустыни, надежда на успех была минимальной. Басмаческие шайки Шалтай Батыра, Ахмет-бека, Дурды Клыча, Анна Бала и другие объединились под началом Джунаид-хана. В помощь им английская агентура в Афганистане поставила 240 тысяч патронов. Одновременно выяснилось, что Теке Дурды Узбеков, один из руководителей Казанджикского РИКа, член ЦИК ТССР, являющийся руководителем делегации, ведет переговоры с Джунаид-ханом и является пособником Дурды Клыча. Каруцкому было поручено арестовать Узбекова.

В это время в Полторацке состоялся VI Объединенный пленум ЦК и ЦКК, вскоре после него — IV городская партконференция и 3-й съезд КП Туркменистана. Они проходили бурно и выявили тревожную картину состояния дел в республике.

В ряде отраслей хозяйства был невыполнен план, процент рентабельности многих предприятий снизился за счет роста административно-хозяйственного аппарата, были сильно раздуты штаты наркоматов, а там, где удавалось проводить сокращения, оно зачастую проходило за счет квалифицированных работников, которые после этого вынуждены были покидать Туркмению. Слабо велась борьба с бюрократией, пьянством, волокитой и кумовством. Невообразимо разрослась отчетность. Окружные и районные страхкасы, к примеру, составляли по 172 отчета в год, а Наркомзем за этот же срок выдавал 9 миллионов всякого рода ответов по отчетным листам. На пленуме выяснилось, что мусульманское духовенство

значительно укрепило свои позиции в массах, утраченные в прошлые годы, и оказывает на население немалое влияние, затрудняя работу совпарторганов. Приток же рабочих в партию почти прекратился. В Кизыл-Арвате, одной из самых крепких пролетарских парторганизаций, осталось 12 процентов рабочих. Значительное число партийцев-туркмен, особенно в сельской местности, не раскрепостили своих жен, и по-прежнему иные имели по две жены, многие упорно не желали работать над повышением своего культурного и общеобразовательного уровня. Европейские же коммунисты не изучали туркменский язык и местные условия. И ко всему еще упорная борьба и родовые трения, которые распространились в широких слоях коренного населения, переносились в партийную среду и пока не встречали достойного отпора. На съезде приводилась масса примеров, которые свидетельствовали о том, что родовые интересы отдельных членов партии ставились выше интересов партии, рабочих и дехкан.

Орган ЦК КПТ «Туркменская искра» информировала читателей, и прежде всего членов партии, обо всех этих процессах весьма поверхностно и неполно. Сообщения о неполадках в учреждениях и на предприятиях почти совсем пропали со страниц газеты. Участники съезда требовали меньше расхваливать (что хорошо, мы это и сами видим, говорили они), а больше критиковать, не взирая на лица. Выступления многих делегатов на съезде были направлены против руководителей разных уровней на местах, которые беззастенчиво нарушали государственную и партийную дисциплину. Однако на страницах газеты это не получило отражения. Отмечая это, Атабаев в одном из своих выступлений говорил: «Вождь революции Ленин призывал: «Долой коммунистическое чванство» и учил нас тому, что коммунист на своем посту должен быть простым, смелым и настойчивым, задания исполнять точно и честно. Вождь непременно требовал, чтобы уполномоченные Советской власти на местах, и в частности рабкоры, являлись зеркалом, в котором партийное и советское руководство могло видеть истинное положение вещей.

В довершение ко всему стало известно, что, грубо нарушая партийную дисциплину, член ЦК Тумаилов и ряд других товарищей попытались вести фракционную борьбу. Это было явным следствием стремления «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым распространить свое влияние на национальные республики. Программа Ту-

маилова «Что дает платформа оппозиции Туркмении?», выдвигавшая требования ликвидации Средазбюро, Средазэкономсовета, мешавших якобы хозяйственной инициативе национальных республик, была клеветнической, демагогической, рассчитанной на отдельные, теоретически слабо подготовленные слои политработников, рабочих и дехкан, с единственной целью дискредитировать руководство КПТ.

3-й съезд КП Туркмении осудил троцкистский уклон. Тумайлов и другие оппозиционеры были исключены из партии.

С таким «багажом» Атабаев и другие делегаты от КПТ отправились в Москву на 15-й съезд ВКП(б).

Вся страна с пристальным вниманием следила за работой партийного съезда. Самый многочисленный по количеству делегатов съезд работал напряженно. Предстояло решить массу вопросов, но подавляющее большинство делегатов было настроено решать вопросы быстро, по-деловому, без излишних дискуссий, в соответствии с призывом ЦК, прозвучавшим с высокой трибуны: «Рабочий класс СССР ждет от партии, что она больше не будет тратить даже и сотой части тех сил, которые она до сих пор тратила в связи с обсуждением вопросов об оппозиции, в связи с непрерывными дискуссиями».

На всю жизнь Атабаеву запомнилось выступление Раковского, освистанное залом. Атабаев сердцем и разумом был против взглядов Раковского и ему подобных. Но душа его горела от стыда за ту болтовню, которую он слышал из уст Раковского со съездовской трибуны, за стремление внести раздор в ряды партии, расколоть ее в тот момент, когда ей предстоит решать столь сложные вопросы.

После Раковского слово взял Рудзутак. «Какой же он прекрасный оратор! — Атабаев слушал его с восхищением. — Какой же он прекрасный оратор! Убеждает, как профессор, а бьет, как снайпер», — подумал Атабаев.

— Уход из партии четырех тысяч интеллигентов не есть раскол партии, — выкрикнул в зал Рудзутак. Атабаев насторожился, он не сразу понял смысл этой фразы, а поняв, буквально замер. В это время оратор продолжал: — Перед съездом стоит сейчас не столько вопрос о том, как оценить работу партоппозиции за истекшие два года, перед нами стоит вопрос, как, какие условия

создать для мирной и плодотворной работы в нашей партии, в нашем ЦК.

«Рудзутак прав,— сказал самому себе Атабаев и записал в блокнот: «Надо не стремиться доказывать, что у нас хорошо, а делать дела хорошо, и они сами станут доказательствами. Мыльные пузыри — это красиво, но это детская игра, и они быстро лопаются с брызгами».

На двадцать третьем заседании слово было предоставлено делегату Колотилову из Иваново-Вознесенска, который заявил:

— Мне думается, что то, что предлагал здесь товарищ Куйбышев,— переход на работу в три смены — еще более повредит оборудованию и ухудшит положение рабочих. Кроме того, это мероприятие едва ли даст нужный эффект. Оборудование чрезвычайно изнашивается, технически отстало, котлы пережили на два-три десятка лет сроки своего существования.

Во время выступления Колотилова сидевший рядом с Атабаевым Айтаков протянул стенографическую запись вчерашнего выступления Куйбышева по вопросу о директивах пятилетнего плана развития экономики страны. Некоторые фразы в нем Айтаков подчеркнул красным карандашом: «Развитие промышленности теми темпами, которые я здесь перед вами развил,— читал Атабаев,— требует величайшего напряжения сил со стороны партии и рабочего класса. Нужно отдать себе в этом ясный отчет». Атабаев почувствовал в этом укор в свой адрес. Теперь былые его сомнения насчет возможности развития промышленности в условиях Туркмении остались давно позади. Помогли наука и встречи со специалистами. Прислушиваясь к выступающему, он написал на поле слева: «Колотиллов — Фома неверующий!» — и хотел уже было возвратить отчет Айтакову, но перевернул страницу и написал: «Мы строим коммуны, и жизнь сама трубит наступающей эре. Но между нами ходит Фома, и он ни во что не верит. Маяковский».

Перерывы между утренним и вечерним заседаниями съезда давали возможность делегатам пообедать, немного отдохнуть и встретиться с товарищами из других братских республик, руководителями СНК, наркоматов, ЦК партии. В тот день Атабаев был приглашен по его же просьбе в просторный кабинет, находившийся в соседнем с СНК здании в Кремле. Выйдя из здания, где проходил 15-й съезд партии, в накинутой на плечи шинели, Атабаев, не обращая внимания на декабрьский холод, ре-

шил пройти мимо царь-колокола. «Голос съезда звучит громче, чем мог бы звучать этот колокол», — подумал он.

Войдя после перерыва в зал заседаний, Атабаев окинул взглядом сцену и зал. Здесь были Куйбышев, Калинин, Рудзутак, Голощекин, Киров, Ворошилов, Элиава, Томский, Аронштам — ответственный инструктор ЦК, а вот и свои: Сахатмурадов, Айтаков, Чары Великов, Тимошков. Атабаев встал, его очередь выступать. Ему жёсткими предложили сесть.

— Я лучше постою, мне так удобней. — Атабаев хорошо знал, о чем он должен говорить. — Туркмения, отставая по своему общественному быту, — начал он, — все еще вынуждена вести борьбу с остатками родового строя в лице многочисленных вождей, отказывающихся признавать новый государственный строй. С первых же дней после национального размежевания мы, туркменское правительство, принимали меры, направленные на ликвидацию родового начала, навели порядок в Ташаузском округе, который до последнего времени раздирали межродовые распри.

— Уже навели? — спросил Рудзутак.

— Наведем! Большинство вождей капитулировало, перешло на мирную жизнь, часть ликвидирована, а часть ушла в степь.

— В пески, вы хотите сказать, — поправил Рудзутак.

— Их пригрел амнистированный в свое время Советской властью Джунаид-хан, типичный феодал.

— Закоренелый враг Советской власти! — заметил Томский.

Атабаев замолчал, пережидая реплики делегатов, склонил на миг голову. Присутствующие в зале потребовали, чтобы ему не мешали.

— Мы вели с Джунаид-ханом переговоры, — продолжал Атабаев, — хотели предоставить возможность начать мирную жизнь, дали, наконец, землю в «культурной полосе». Но он не поверил, ушел в пески. Обо всем этом известно в Москве.

— Кто же все-таки виноват? — снова спросил Рудзутак.

— У нас говорят, если урожай твой плох, сам виноват, а не небо, — голос Атабаева зазвучал жестче. — Одним словом, последнее время Джунаид-хан находился на расстоянии трехсот километров от «культурной полосы», вне сферы влияния Советской власти, в глубоких песках, а с середины лета начал грабить, совершать на-

силие над мирным населением. Он обложил караваны, пересекающие Каракумы, сбором. Кто не платил ему, тех грабил, уплативших же провожал с охраной.

— Порядочность проявляет,— заметил Куйбышев.— Узнаю Восток.

— В старое время,— продолжал Атабаев,— Джунаид-хан раздал награбленное им имущество на хранение отдельным лицам. Получив амнистию, он стал требовать имущество обратно и обращался неоднократно к нам с просьбой помочь ему вернуть отданное на хранение. Мы предложили ему сделать это через суд. Джунаид-хан не принял это предложение. Его люди нередко расправлялись с «должниками». Джунаид-хан уничтожал всех, кого подозревал в измене ему. Злодеяния басмачей вызвали возмущение населения. Мы встали на его защиту. Тогда Джунаид-хан ушел еще глубже в пески и стал искать пути ухода в Персию. Но тут распространился слух о войне с Англией в связи с нашим разрывом дипломатических отношений. Это изменило намерения курбаши. Надо полагать, он вновь решил попытать счастья. В то время в Ташаузском округе и поблизости не оказалось частей Красной Армии, кроме одного кавполка и то укомплектованного наполовину. Это обстоятельство в сознании Джунаид-хана, человека невежественного, преломилось как доказательство слабости Советской власти.

— Это было большим упущением,— заметил тихим голосом Киров.— Всем же было известно, что с Джунаид-ханом миром трудно поладить.

— Мы очень надеялись, что это удастся. Но вышло по-другому.— Атабаев сокрушенно покачал головой.— У него и было-то всего до трехсот вооруженных джигитов. Обстановка осложнилась условиями пустыни, безводием, жарой, отдаленностью места его пребывания от «культурной полосы». Повсюду, где он побывал, колодцы засыпаны. Это лишало воинские части возможности продвинуться в глубь пустыни и дать ему открытый бой. Чтобы положить конец угрозе, которую в течение десяти последних лет представлял собой Джунаид-хан, мы вместе с командованием Средазокруга и ОГПУ ввели в действие значительное количество войск и даже несколько аэропланов. Мы сделали все, чтобы преградить басмачам путь в Персию. Операция началась 15 октября и продолжается до сего времени. Она потребовала больших расходов. Хочу центральную власть просить помочь нам.

— Невидящий лишь то берет, что видящий ему дает,— заметил Элиава.

Атабаев встрепнулся, на лице его появилась улыбка.

— Правильно, товарищ Элиава. Чем один джигит из двоих сильнее другого? Тем, что у одного из них мудрее слово. Помогите нам! — и осекся: в тот миг на память пришло воспоминание о недавнем выступлении на пленуме Средазбюро старого знакомого по Бухаре Толпыго, ставшего теперь наркомом Таджикской ССР. Толпыго тогда говорил: «Расхлябанность нашего аппарата, отсутствие работоспособных работников таковы, что волосы становятся дыбом! Честный коммунист не может спокойно смотреть, как такой аппарат миллионы рублей, выделяемые Советской властью в Среднюю Азию, пускает на ветер! Срочно нужны знающие свое дело работники». Тогда Атабаев был полностью с этим согласен, а сейчас он забеспокоился, что подобного рода мнения наверняка известны в центре, могут стать препятствием при утверждении очередного бюджета для республики.

— Помочь надо. Туркменам надо помочь. Они не забудут. Они умеют помнить хорошее,— произнес Калинин.— Надо! Однако где взять вам специалистов?

— Хотя бы на пять-шесть лет. За это время собственные обучатся,— заявил Атабаев.

— Объявим партийный призыв и пошлем вам рабочих и специалистов,— предложил Киров.

Многие поддержали Кирова, стали обсуждать его предложение. В конце концов было принято решение согласиться и с просьбой Атабаева о выделении на завершение борьбы с басмачеством в Туркмении 150 тысяч рублей.

В перерыве к Атабаеву подошел Куйбышев:

— Записная книжка с собой, Константин? Не засунул ее в долгий ящик?

Атабаев тут же извлек из нагрудного кармана заветную, подаренную Куйбышевым записную книжку.

— А, молодец! Тогда вот, держи. Для тебя приготовил. Перепишешь. А с Джунаид-ханом надо кончать! — И Куйбышев сунул в руки Атабаева вчетверо сложенный листок, на котором четким почерком было написано: «Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Карл Маркс».

К ним подошел Аронштам, которого Атабаев знал еще как работника аппарата ЦК, он работал в национальном отделе по делам Средней Азии. Куйбышев, извинившись, отошел от них.

— Я внимательно слушал вас, Константин Сергеевич,— сказал Аронштам.— Сложную вам предстоит решить задачу.

— И не одну, Григорий Наумович,— ответил Атабаев и стал перечислять задачи, к решению которых приступила республика: — Финансирование строительства Босага-Керкинского канала, канал в Таш-Сака, вопрос о железной дороге Чарджуй — Хива, выращивание субтропических культур, сера! У нас на юго-востоке республики имеются огромные залежи серы. Месторождение Гаурдак! Я пришлю вам памятку. Это утверждает хороший геолог Данов. Другой геолог — Шоболов обнаружил у нас в шести местах залежи угля: Чокар, Сеиз-хан...

— Согласен, согласен с вами, Константин Сергеевич. Приезжайте завтра, в перерыв, в ЦК. Обо всем подробно и поговорим.

Вторую половину дня Атабаев ходил как именинник, так порадовала его поддержка Аронштама.

Через несколько дней съезд закончился. На нем была решительно осуждена «новая оппозиция», стремившаяся павязать партии капитулянтскую анархо-демагогическую линию, перешедшая из области идеологии, от разногласий тактического характера, к разногласиям программным, к ревизии взглядов Ленина. Из партии были исключены Троцкий, Зиновьев, Пятаков, Каменев, Радек, Раковский, Сафаров и другие оппозиционеры.

После съезда Атабаев, вооруженный директивами партии по пятилетнему плану, остался поработать в Москве, с тем чтобы решить многие наболевшие вопросы, подготовиться к составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства Туркменской ССР и программы дальнейшего развертывания социалистической реконструкции и коллективизации сельского хозяйства республики.

9

Атабаев был еще в Москве, когда в Афанасьевский переулок, где размещалось Постоянное представительство ТССР, пришел первый номер общественно-литературного журнала «Туркменоведение». Атабаев прочел его от

корки до корки и с гордостью показал всем своим московским друзьям и знакомым. Для работы Атабаеву потребовалась стенографистка-машинистка. С биржи труда прислали молодую женщину, отлично знавшую свое дело. Звали ее Женя.

Приехав в Ашхабад, бывший Полторацк, Атабаев постоянно думал о Жене. В нем жила вера в то, что разлука с ней временная, что они должны встретиться.

Атабаев хотя и гордился успехами республики, но и понимал, что это только начало. В эксплуатацию была пущена в Ашхабаде шелкомотальная фабрика, столица Туркмении получила электрический свет. Шло дело с налаживанием школьного образования в городах и аулах, в Ашхабаде был заложен Республиканский ботанический сад. Тогда начала функционировать первая в Средней Азии полуавтоматическая телефонная станция. Неплохо провели сев и осенью собрали вполне удовлетворительный урожай.

Из-за болезни оставил Туркмению Городецкий, опытный и толковый, умевший и понимать местных товарищей, и ладить с ними. Атабаев с болью в душе расстался с человеком, которого любил и уважал. Отозвали на работу в Москву заместителем председателя Госплана Союза Паскуцкого. На его место прибыл Я. М. Гальперштейн.

Ташкентский суд привлек к ответственности за хозяйственные преступления ведущих работников Водхоза, в том числе и тех, кому Атабаев безусловно доверял. Выступив на суде как свидетель, Атабаев, по существу, превратился в обвинителя этих работников.

В марте 1928 года Атабаев отправил письмо в ЦК ВКП(б) и в СНК по поводу так называемой Амударьинской проблемы, в которой он видел «специфические условия сельского хозяйства Туркмении, единственное спасение от надвигавшейся катастрофы в будущем из-за нехватки воды». В письме Атабаев открыто заявил о том, что есть сторонники и есть противники строительства Амударьинского канала, в связи с чем «вокруг создается чрезвычайно тяжелая атмосфера, множество легенд, басен, затемняющих сущность вопроса и тормозящих его решение».

По расчетам Атабаева, строительство канала по линии Келифского узбоя должно обойтись в 50 миллионов рублей. Он настойчиво просил о том, чтобы «при разработке пятилетнего плана была учтена необходимость

изучения всех проблем, связанных с проведением нового канала путем продолжительных изысканий, чтобы в ближайшие годы мы могли обладать всем необходимым для начала строительства канала».

Поддержкой исполбюро ЦК Атабаев почти не располагал. Ведь не прошло еще и месяца, как из СНК прислали отказ на финансирование строительства железной дороги Чарджуй — Хива, мотивируя его тем, что дорога, по предварительным данным, «не обещает быть рентабельной». Расчеты же Госплана ТССР говорили об обратном.

— С дорогой можно и подождать, — заявил на исполбюро Атабаев. — Но без воды мы не можем дальше и думать об успешном развитии нашей республики. В Москве это обязательно поймут. Считал и буду считать главной целью своей жизни строительство этого канала!

Тревогу, обиду и чувство бессилия испытал Атабаев, получив сообщение из Москвы о попытках ВСНХ СССР отобрать Реутовскую фабрику. «Считаю недопустимым даже постановку вопроса изъятия Реутовки», — заявил он в телеграмме-молнии, направленной в Москву, и вскоре сам выехал туда.

В жарких словесных баталиях с заместителем председателя ВСНХ СССР Рухимовичем, с членом Политбюро ЦК и заместителем Председателя СНК и СТО Союза Рудзутаком, при поддержке многих партийных руководителей и опираясь на дельные советы Паскуцкого, Атабаев сумел многого добиться. Благодаря этому ему удалось вытравить из сознания «комплекс Толпыго», как он называл чувство вины за слабый рост республики, за неумение поставить дело должным образом, за безалаберное освоение государственных средств.

...Атабаев возвращался в Ашхабад в приподнятом настроении. Он провел в Ташкенте целых два дня с дочуркой Зоей. Сердце его радовалось еще и при мысли о том, что Женья — Евгения Яковлевна Брянцева — ответила ему взаимностью. Теперь они почти не расставались. Она оказалась прекрасной помощницей — бумаги его наконец в полном порядке.

Атабаев был огорчен известием об исключении из партии наркома земледелия Атаниязова. Этому предшествовали следующие обстоятельства. С поста наркома Ата ушел по состоянию здоровья и возвратился в Мерв. Отдохнув пару месяцев, он стал работать. Вскоре в ЦКК поступило заявление, в котором Атаниязов обвинялся в

многоженстве, эксплуатации чужого труда (имел батрака) и активном выступлении против механизации хошарных работ. Еще будучи наркомом, он на заседании Средазбюро поддерживал идею Средазбюро о механизации хошарных работ, предлагал не торопиться с проведением в Туркмении механизации очистки каналов. Атаниязов опасался, что взятые обязательства из-за отсутствия в республике кадров механизаторов и навыков у населения к использованию механизмов не будут выполнены и таким образом будет сорвано выполнение планов по производству продуктов сельского хозяйства. Решение об исключении из партии рассматривалось без вызова Атаниязова в ЦКК, а Атабаев находился в Москве. Узнав об этом, Атабаев потребовал тщательно разобраться в деле Атаниязова. Было установлено, что он был трижды женат, так как две жены у него умерли, за батрака выдали его родного брата Халлы, который жил вместе с Атаниязовым и занимался хозяйством.

Однако сам Атаниязов, находясь во власти обиды, не пожелал направить апелляцию в ЦК ВКП(б) на пересмотр дела. Это чуть было не положило конец их давней дружбе.

Началась подготовка к 4-му съезду Компартии Туркменистана. Его открыли новые секретари ЦК КП(б)Т Аронштам и Чары Великов. С подробным докладом о положении дел в советских среднеазиатских республиках выступил представитель Средазбюро Бельский. Коротко рассказав об успехах республики, он сосредоточился на недостатках, мешавших движению вперед, привел наиболее характерные примеры, свидетельствовавшие о наличии группировок, о загнивании части руководящих кадров, не желавших выдвигать на партийную работу представителей из низов, стремившихся к установлению монополии в управлении, зажимавших критику. Бельский призвал коммунистов очистить свои ряды от разложившихся элементов и объявить решительную борьбу за рационализацию производства, за удешевление себестоимости, за повышение производительности труда, против бюрократии, волокиты, разгильдяйства, рутины, за культуру!

Вместе с тем на 4-м съезде был отмечен и некоторый рост экономики ТССР. По хлопку-сырцу, например, он выразился в увеличении до 61,6 тысяч тонн производства в 1926 году и до 74 тысяч тонн — в 1927-м; производство шелка возросло со 154 тысяч пудов коконов до 223

и 400 тысяч пудов, а количество плугов — с 2,6 до 8 тысяч штук, сеялок — с 250 до 1240 штук.

Атабаев выступил на съезде с докладом о развитии кочевых районов и о вопросах скотоводства. Доклад призывал в духе 15-го съезда партии к проведению самого активного наступления на капиталистические элементы города и деревни, особенно к выкорчевыванию феодальных отношений в ауле, где байство стало все круче правляться с бедняками и середняками.

Съезд наметил пути дальнейшего движения вперед и избрал новые руководящие органы. Атабаев вошел в состав исполбюро ЦК и остался членом Секретариата ЦК КП Туркменистана.

Подходя к станции сквозь тенистый парк, Атабаев невольно вспомнил бывшего сцепщика вагонов, ныне секретаря партячейки депо. «Устроил праздник, — подумал Атабаев с укором, но тут же сам себя одернул: — Конечно же праздник! Нечисть из партии выбрасываем. Правильно!» Вокруг клуба толпился народ. О проведении чистки в той или иной партячейке сообщалось в газетах заранее. Наибольший интерес, особенно у беспартийных, вызвали собрания, на которых проходил чистку руководящий состав ЦК КП(б) Туркмении и Совнаркома.

Месяц назад перед коммунистами уже отчитались Аронштам, Ч. Великов, секретарь ЛКСМТ Ата Мурадов, зампред СНК Гальперштейн и другие.

Красный уголок станции был разукрашен флагами и плакатами. На сцене сидели члены проверочной комиссии: уполномоченный ЦКК — РКИ ВКП(б) Манжара, рабочий Макеев и Карры Кулиев, председатель ЦКК КП(б) Туркмении. Секретарь проверочной комиссии Берзон, руководитель городской партийной организации Ашхабада, пригласил первым на сцену Сергея Колганова, члена партии с 1917 года, бывшего столяра и военного, окончившего курсы института Красной профессуры, работавшего заместителем К. Кулиева. Колганов изложил свою биографию, быстро и четко отвечал на вопросы.

Вторым чистку проходил заместитель наркома земледелия и член Президиума ЦИК ТССР Ташли Анна Мурадов. В партии он состоял с 1920 года, в прошлом рабочий-мельник. Мурадову пришлось туговато. Его проси

ли назвать книги, которые он читает, как повышает свой общеобразовательный уровень, что делает для выдвижения молодых и как относится к европейцам. Комиссия высказала Мурадову пожелание: «Больше работать над собой, решительно помочь жене изжить сохранившиеся у нее предрассудки и создать ей условия для участия в общественной работе. Секретарю партиячейки прикрепить к Мурадову теоретически развитого товарища для повышения политической подготовки и фактических знаний...»

Пятым на трибуну поднялся Айтаков. До начала собрания Атабаев попросил Манжару пропустить Айтакова перед ним, с тем чтобы самому раскрыть вопросы хозяйственного характера, на которые председатель ЦИК не сможет дать исчерпывающие ответы. Председателю ЦИК посыпались вопросы самого разного характера, и Манжара несколько раз приходил Айтакову на помощь. На сороковой минуте «экзамена» Айтаков достал из кармана платок, чтобы отереть лицо, присутствовавшие зааплодировали, и председатель комиссии расценил аплодисменты как повод для подведения черты.

— Следующим будем слушать Председателя СНК Атабаева Константина Сергеевича, ему сорок два года, член партии с 1918-го, сын сердара, учитель. Компрометирующего материала не поступало.

Атабаев рассказал свою биографию, сообщил, что в десять лет уехал из дома на учебу и больше не имел связи с родным аулом, братьями. Затем он кратко изложил главные задачи, которыми занимается Совнарком, заверил сидящих, что высшим своим долгом считает беззаветное служение партии и интересам народа.

— Какие будут вопросы? — спросил Манжара.

— У меня,— первым поднялся с места крепкий мужик, должно быть демобилизованный красноармеец.— Как же так выходит, что вы сын сердара? Это вождь разбойников, контрреволюционный элемент.

Атабаев улыбнулся, сделал шаг вперед.

— Вы правы, товарищ, отец мой был вождем, но не разбойников, а вооруженной дружины, защищавшей народ от нападений со стороны. Конечно, и они в ответ нападали. Я был ребенком, когда умер отец, а потом все время жил вне семьи. Мои взгляды сформированы русскими учителями и лучшими представителями туркменского народа. Горжусь, что я член партии и что мне доверили ответственный пост.

— Вы удовлетворены, товарищ? — спросил Манжара и, поскольку тот промолчал, предложил: — Кто еще?

— Какую конкретную нагрузку вы несете по линии ячейки? — спросил человек в форме железнодорожника.

— Конкретной нагрузки у меня нет. Думаю, здесь вина не столько секретаря или лично моя, как члена партии. Виноват в этом Председатель СНК, — в зале воцарилась полная тишина, все ждали, что же дальше будет сказано, — поскольку у него множество дел. Но я много выступаю с докладами и лекциями. Нагрузка моя — агитатор за социализм! Для меня она очень почетна.

Раздались аплодисменты.

— Еще вопросы?

— Хочу спросить, — с места поднялся Гулам, мастер вагонного цеха, азербайджанец по национальности. — Верно, что вы, товарищ Атабаев, когда наркомы приносят вам большие докладные записки на десяти листах, возвращаете их обратно и говорите, чтобы они ими... Извините, конечно.

Было слышно, как Атабаев сглотнул слюну.

— Да, товарищ Гулам, это верно. Грубо, может быть, но... — Атабаев подбирал слово, — но доходчиво.

В зале послышался смех и одобрительные возгласы.

— Если нарком не бережет чужое дорогое время, пусть хоть станет ему неловко и стыдно. Каждому растению нужна вода, но можно ведь водой так залить поле, что там ничего не вырастет. Мы за такие дела судим нерадивых мирабов и поливальщиков. Вы меня извините, товарищ Гулам, но я так говорил наркомам, которые бумагами дело прикрывают, и буду говорить. Улучшению жизни народа и строительству социализма раздутыми бумагами не поможешь.

— Говорят, вы женаты, а имеете связь с другой женщиной, — послышался с места молодой женский голос, его владелица старалась скрыться за спинами сидящих.

— Бай-бов! ¹ Эти разговоры не соответствуют действительности. Я был женат, сейчас живу один, но у меня есть невеста. Скоро женюсь. Имею дочерей, о которых забочусь. Люблю детей и хочу, чтобы у меня их было много.

Следующий вопрос был задан на туркменском языке средних лет женщиной, явной жительницей города. Сидевшие в зале русские, не знавшие туркменского язы-

---

¹ Orol

ка, поняли отдельные слова: «елдаш Атабаев», «арак»¹.

— Уважаемая баджи² спрашивает, зачем я открываю лавки, где продается водка, в рабочих районах, у самых ворот предприятий? — Атабаев сам перевел вопрос. — Уважаемая баджи, я очень бы хотел узнать ваше имя и место работы или где вы живете, чтобы завтра же посоветовать товарищам выдвинуть вас на следующих выборах в члены Центрального Исполнительного Комитета нашей республики. Вот такие, как вы, — о таких говорил товарищ Ленин, — такие, как вы, должны управлять государством! Я очень с вами согласен, что алкоголь, арак, следует объявить смертельным врагом делу социализма. Вот почему мне последнее время наркомторг упорно не дает карт расположения винно-гастрономических магазинов в городах республики! А вам здесь всем скажу честно, что, если бы я знал, кто эти люди, которые так поступают, первым бы спросил их: «На кого вы работаете?» Спасибо вам, баджи, мы завтра же примем меры. И самые строгие.

Атабаев подумал: «Против терьяка и анаши боремся, а водка разве ж не тот же наркотик? Жестче следует партии вести себя в этом деле. В Туркмении я вообще бы запретил этот разврат, а тех, кто таким образом собирается выкачивать деньги у населения, выгнал бы взащей!»

— Почему вы поддерживаете Иомудского? — спросил русский парень, видимо, студент.

Атабаев даже хлопнул в ладоши.

— Потому что он высокообразованный и честный человек. Он может заблуждаться, не все правильно понимать из того, что кругом происходит. Да, у него несговорчивый характер, может быть, даже заносчивым, но если он сказал, что для туркмен нет ничего лучшего, чем Советская власть, он этому слову не изменит. Мы прикладываем все силы, чтобы дать образование нашей молодежи, и знания образованных людей, особенно сейчас, очень нужны, и поэтому я, как председатель СНК, поддерживаю Иомудского.

Атабаев держал экзамен около двух часов и закончил его под гром аплодисментов...

В результате чистки Компартия Туркменистана сократилась на 12 процентов. Из 248 руководящих членов

---

¹ Водка.

² Сестрица (обращение к незнакомой женщине).

партии трое были исключены, а одиннадцать получили различные взыскания. Этот шаг значительно повысил дисциплину в партии, укрепил ее авторитет.

10

Все вокруг ползло, двигалось, шуршало. Охватывал неодолимый ужас. Резкий, несмолкаемый треск сливался в фантастический звук на высоких тонах — казалось, что это земля раскалывается, как грецкий орех, как спелый арбуз.

Стояла невыносимая вонь, горели костры, пылали поля, облитые нефтью. Люди рыли канавы и рвы, устанавливали из листов железа изгороди с ловушками, обливали землю патокой, опрыскивали парижской зеленью, другими ядами.

Подошвы чарыков¹, ботинок и сапог тяжелели от налипших на них насекомых, они набивались в карманы, за ворот, в голенища, под тюбетейки.

Кулига (стая) саранчуков — лилово-розовых, в два три сантиметра, бескрылых, с огромными головами насекомых — сплошной лавообразной массой (12 километров в длину и 5 километров в ширину) двигалась со стороны песков на посеы.

Атабаев на грузовике «АМО», звука которого не было слышно за стрекотней и хрустом раздавленной колесами саранчи, подъехал к группе людей. Молодой паренек склонился над дедом и горько плакал. Те, кто стояли рядом, ничем не могли помочь.

— Четыре дня и три ночи никто не спал и не ел. Баба² надсадился, теперь умирает, — отирая слезы, объяснил паренек Атабаеву.

— А как ров? — спросил тот.

— Он полный, ползут через край.

— Надо засыпать!

— Другие засыпают. Мы выбились из сил. Баба умирает.

— Сколько людей осталось в ауле? — спросил Атабаев председателя аулсовета.

— Может, сто. Здесь малая часть, наиболее сознательные.

---

¹ Кустарная обувь из сыромятной кожи.

² Дедушка,

— Надо еще один ров копать, за два километра отсюда. Давайте отвезем на моем грузовике больных.

Подошел сын старика, отец парня:

— Сынок, оставайся здесь, помогай. Я отвезу деда. Старика подхватили и уложили на дно кузова.

— Садитесь и вы,— предложил Атабаев остальным старикам.— Поедем в аул.

У мечети стояла толпа. Мулла произносил проповедь. Автомашина остановилась поодаль, у дома старика. Сын велел женщинам снять его с машины, а сам направился к толпе. Атабаев последовал за ним.

Мулла вещал:

— Это вам в наказание за свержение власти хана. Напасть и наказание божье! Саранча послана аллахом, чтобы разрушить колхозы. Берите семьи, скот и уходите в пески! Аллах воспрещает трогать и тем более убивать свое творение. Он найдет мор на скот и людей. А те, кто истребляет саранчу, погибнут от змей, которые прилетят вслед за ней. Саранча — гостья аллаха. Она прилетела, чтобы освободить мусульман от ига неверующих.

Атабаев скрипнул зубами и направился было к мулле, но его опередил отец парня.

— Только молитва, хушур¹ и зякет² спасут вас, лю...— мулла не договорил. Получив удар в челюсть, он отлетел в сторону.

Для туркмена обидеть муллу было неслыханным проступком, и с обидчиком могли тут же расправиться. Грозный вид Атабаева в военном френче остановил толпу, а на подмогу уже бежали председатель аулсовета и милиционер.

— Люди! Да разве этому мулле можно верить? Он пустое говорит. Вспомните, вы же сами были свидетелями случая, когда этот мулла за большие деньги «заговаривал» укус скорпиона, пока бедный человек не умер. И этот самый мулла, когда змея укусила его родственника, не стал ничего просить у аллаха, а тут же послал за фельдшером. Вот он каков, наш мулла,— выкрикнул сын старика и многие согласно закивали.— Его сейчас должны арестовать и судить за злостную клевету на Советскую власть.

В разговор вмешался Атабаев.

— Пусть он уйдет с миром. Мы подождем, пока вы

---

¹ Ежегодный налог — десятая часть дохода.

² Ежегодная подать — сороковая часть дохода.

сами его не прогоните. А сейчас нужна ваша помощь. Все вместе мы одолеем саранчу. Наукой и своим трудом одолеем. И не надо для этого убивать европейцев и неверующих. Вы лучше посмотрите на своих аулчан, они три дня не спали, не ели и не пили чая. Какие вы туркмены, если тем, кто нуждается в помощи, не окажете ее. Берите лопаты, идите ройте канаву, мы должны остановить саранчу, спасти посевы. Мы победим нашествие саранчи, сбережем урожай и станем жить еще лучше. Правительство гарантирует вам это! Каждый из вас построит себе новый глинобитный дом, будет иметь скот, инвентарь, все необходимое. Прошу вас, идите за лопатами, помогите себе и народной власти!

Атабаев продолжал объезжать районы. В одном он поднял на ноги тысячу человек, за восемь ночных часов они вырыли ров с колодцами длиной в 12 километров, в котором похоронили огромную кулигу, направлявшуюся на хлопковые поля. В другом Атабаев одолел муллу и боязнь дехкан вести борьбу с саранчой — и другая кулига была обезврежена. В третьем — встретил на марше кавалерийскую бригаду во главе с ее командиром Мелькумовым и комэском Гавриловым. Бригада двигалась на ликвидацию басмаческих шаек, по пути вела среди населения разъяснительную работу о преимуществах колхозной жизни. Атабаев рад был встрече, он кинулся к Мелькумову:

— Выручай, Яков Аркадьевич, сегодня нет более опасного врага, чем шистоцерка — это вид саранчи. Одолеем ее — и, увидишь, басмачей сразу меньше станет. Ведь идет борьба не только против саранчи, мы ведем битву за Советскую власть. Общими усилиями устоим против «божьей кары» — авторитет наш на пять голов вырастет. Так что, дорогой, винтовки в козлы, шашки на хранение, а самим рыть канавы, а лучше — устанавливать щиты. С железом дехканин еще не очень умеет управляться. Давай свяжемся с комдивом. Дисциплина есть дисциплина, — увлеченно говорил Атабаев уже в присутствии районного актива, собравшегося в ауле на совещание-летучку. — А вы, товарищи, все знайте, что победа над саранчой будет равнозначна победе над многими и многими сомневающимися. Это большой важности политический вопрос! Помните, и от вас, кому партия доверила власть, зависит успех борьбы, народ должен понять, что только вместе, сплотившись можно одолеть это бедствие. И наша победа над саранчой приблизит нас с

вами к населению. Вот так! А теперь выделяйте участок товарищу Мелькумову и решайте, кто едет со мной!

Налет странствующей по Северной Африке и Южной Азии шистоцерки поставил под угрозу полного уничтожения все посевы республики. Он был столь стремителен, что поначалу вызвал переполох и растерянность не только среди населения, но и среди некоторой части руководящих работников. Не было опытных специалистов, ядохимикатов. Этот вид пустынной саранчи впервые появился на территории Туркмении. Несколько дней ушло на то, чтобы побывать на местах, изучить обстановку.

Объездив районы, имея факты, Атабаев овладел ситуацией. Первым делом он отправил молнию Рудзутаку в СНК и СТО Союза. В Москве срочно было принято постановление: наркому торговли Микояну в двадцать четыре часа разместить заказы на закупку за границей необходимых ядов. На местах были созданы чрезвычайные тройки, особые полки и отряды Осоавиахима по борьбе с саранчой. В короткий срок была издана энтомологом Пуховым брошюра по борьбе с шистоцеркой.

Давний друг Атабаева Сапаржа Аманекоев был снят с должности председателя союза «Кошчи» за хозобрастание и слабое руководство союзом в борьбе с саранчой, выведен из состава ЦК и направлен на рядовую работу в Мерв. Был наказан Медведков из Ташаузского окружкома, он в горячие дни укатил в отпуск. В прессе широко освещался процесс над ишаном Рахмануллой Овез-оглы, который в Чарджуйском округе за злостную агитацию против борьбы с саранчой был приговорен к расстрелу.

А через несколько дней в Ашхабаде Атабаева ждали приятные сообщения. Руководитель Туркменской станции по защите растений Мориц доложил в ЦК, что потери на хлопковых полях составят не более восьми процентов и всего до двух — на злаковых посевах. Из погранзастав начали поступать новые донесения, что ряд туркменских родов, ушедших ранее в Афганистан, хотят вернуться на Родину.

11

В ноябрьские праздники 1929 года была пущена Ашхабадская текстильная фабрика. Чести включить ток были удостоены Анна Курбанова, Огульгерек Сейткулиев.

ва, получившие свои профессии на Реутовке, и Хайра Муррикова. Атабаев прислал теплую поздравительную телеграмму из Москвы. Там завершалось рассмотрение бюджета ТССР на следующий год. Решено выделить средства на строительство Эрсаринского канала — один миллион рублей и на проведение изысканий по Эскинскому каналу и Куня-Дарье. Буквально с увлечением школьника, так определил академик Ферсман, и при поддержке профессора Писарева из сельхозакадемии Атабаев доказывал необходимость создания научной станции в Каракумах, чтобы заложить поля каучуконоса-гваялы, пробкового дерева, субтропических культур — лимона, апельсина, мандарина, плантаций чая и эфиромасличных растений. Он доказывал, что если дерево ясеня обычно плодоносит через 25—30 лет, то в Туркмении — всего через 3 года. Природные условия таковы, что ТССР может стать поставщиком семян люцерны во все республики, что недра ее богаты различными минеральными ресурсами, особенно серой и нефтью. Одновременно Атабаев вел переговоры с американской фирмой «Пинкус и К°» о поставках семян гваялы и германской «Сименс» по поводу покупки у нее аппаратов — опреснителей соленой колодезной воды в песках; убеждал Госплан СССР в необходимости налаживания в ТССР холодильного дела. И продолжал доказывать всем, кто готов был его слушать, что пришло время обуздать Амударью, а для этого нужен филиал Гидротехнического института Академии наук. Он встречался с профессором музыки Беляевым, которого просил, пообещав лично прислать ему записи народных мелодий, заняться оркестровкой туркменской музыки, совершенствованием народных музыкальных инструментов, созданием в будущем национальной туркменской оперы. Атабаев даже подумывал о создании в ТССР киностудии.

Выступая на 5-м съезде Советов СССР, Атабаев заявил: «Перспективы развития народного хозяйства Туркмении остаются совершенно неясными. Мы не знаем, чем мы располагаем, не знаем, какими путями, какими темпами будем двигаться вперед. Поэтому в организации хозяйства нет твердо осознанной линии и стройной системы в их практическом осуществлении». И тут же Академия наук СССР создала Туркменскую комиссию, в состав которой вошли такие крупные ученые, как Глушков, Холин, Ферсман, Щербаков, Вавилов, Кржижановский, Берг, Бартольд и другие. Комиссия в течение меся-

ца разрабатывала широкий план научно-исследовательских работ в Туркмени.

А между всеми этими важными делами в середине декабря по Лихову переулку в доме № 2/3 была сыграна свадьба Кайгысыза Сердаровича с Евгенией Яковлевной, молодые сидели вместе с московскими друзьями и товарищами: Бяшимом Кульбешеровым и давним знакомым по Ташкенту Биликом.

После свадьбы Атабаев с женой приехал в Ашхабад, и первым их общим делом была работа над предисловием к книге известного курортолога профессора Александрова «Туркмения и ее курортные богатства». Атабаев диктовал Евгении Яковлевне в течение нескольких январских вечеров. Заканчивалось предисловие словами: «Наше пожелание автору — продолжить и углубить начатую им весьма полезную и ценную работу, своим опытом и знаниями оказать необходимое содействие молодой Туркменской республике в создании собственных курортов на основе использования естественных богатств страны».

...В самом конце января того 1930 года курбаши Шалтай Батыр во главе своей шайки ворвался в аул Геоклен Ильялинского района, где проходил той, и сжег живыми двести человек. Но и сам не ушел от возмездия — во время перестрелки был убит.

В феврале в исполбюро ЦК обсуждались причины роста басмачества. С начала года на территории ТССР было одиннадцать шаек, а в феврале их стало уже двадцать пять. В докладе полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии говорилось: «Близость к закордонным басмаческим центрам (Ибрагим-бек, Фузаил Максум, Утан-бек, Хурман-бек) и широкие связи, которые сохранили эти закордонные басмаческие главари с контрреволюционным байством нашей территории, объясняют широкое развитие басмаческо-повстанческого движения, особенно в пограничных с Афганистаном и Персией районах». Атабаев передал Аронштаму свой экземпляр доклада, на полях первой страницы которого синим карандашом написал: «А разве прежде этой близости не было? И связи были. Не эти причины объясняют широкое развитие басмаческо-повстанческого движения. Основа в другом. В том, как мы на деле неумело и поспешно, — в этом я сейчас должен признаться, — осуществляем строительство колхозов. Надо уметь признавать свои ошибки».

В таком духе Атабаев и повернул обсуждение этого вопроса с членами исполбюро. Поспешность, принуждение были осуждены.

Утро было ясным, солнечным. Атабаев давно не видел такой синевы неба. Отроги Копет-Дага, плотно одетые в белые тельпеки¹, сверкали в лучах солнца. На дворе оживленно чирикали воробьи. Он не стал вызывать машину. Теперь он жил с женой и ее матерью в добротном доме на зеленой и тенистой летом, не очень длинной улице Карла Маркса, в другом конце которой находилось здание ЦК.

Когда он, слегка разгоряченный от быстрой ходьбы, вошел в просторный кабинет первого секретаря, там уже за длинным столом сидели члены бюро Чары Великов, Айтаков, заведующие отделами ЦК: оргинструкторским — Семин, агитационных и массовых кампаний — Унгалбаев, пропаганды и культуры — Атамурадов, распределения и подготовки кадров — Карабек Атаниязов, главные редакторы «Туркменской искры» — Брагинский, газеты «Туркменистан» и журнала «Большевик» — Халмурадов, председатель ОГПУ Горбунов и другие товарищи. На стульях вдоль стен разместились приглашенные.

Аронштам объявил о начале работы пленума и первым предоставил слово Великому для доклада о состоянии развития животноводства в республике.

В прениях взял слово Атабаев. Нетерпим недостаток кадров руководителей и организаторов социалистического строительства на селе, особенно в животноводстве. Он говорил, что установившаяся практика не оправдывает себя. Все стремятся в город. Административный аппарат, как его ни сокращай, постоянно растет, а в совхозах и колхозах нет толковых работников. Чуть товарищ стал расти, его приглашают или он сам ухитряется перебраться в город. А там он непростительно забывает о том, что еще вчера его беспокоило, мешало ему, когда он работал в ауле. Атабаев высказал серьезные претензии Наркомзему и соответствующим отделам ЦК, которые пустили на самотек работу по подготовке и переподготовке кадров партийных, советских работников и учителей, способных работать среди бедноты и батрачества.

---

¹ Высокая баранья шапка.

Но самым неотложным, экстренным мероприятием он считал организацию учебы чабанов на мастеров по первичной обработке сырья — стрижке шерсти, заготовке кож.

Он закончил свое выступление словами:

— Брать-то от бая мы берем, отдаем беднякам, а многие из них, однако, плохо учатся работать, и все идет на смарку. А сейчас, в связи с началом строительства колхозов, растет угрожающий существованию животноводства хищнический убой и распродажа скота. Предлагаю в недельный срок товарищам Айтакову и Семину, ответственным за сектор животноводства, подработать этот вопрос.

Такое решение было разработано. Пленум рассмотрел состояние дел в строительстве колхозов. Здесь дебаты приняли жаркий характер. Атабаев был на стороне тех негромких голосов, которые считали, что организация колхозов в Туркмении должна опираться на массовое движение бедняков и середняков там, где оно есть, и основное внимание должно быть направлено на укрепление уже существующих коллективных хозяйств.

Эти немногие товарищи опасались, что у руководителей местных партийных организаций может появиться стремление форсировать вступление дехкан в колхозы без учета конкретной обстановки и сложится представление, что никаких особых трудностей, в сравнении с другими областями Союза, в условиях Туркмении нет. Приводились уже имевшие место отрицательные примеры.

В разгар споров слово взял Аронштам, который быстро закруглил споры:

— Предлагаю считать, что в основном колхозное движение является действительным движением масс дехкан. Имевшие место отдельные случаи извращений носят единичный характер и не порочат движение в целом. Я также за то, чтобы считать районами сплошной коллективизации весь Чарджуйский округ и Мервский, Серахский, Қаахкинский, Фарабский, Кизыл-Аякский и Керкинский районы.

Аронштам активно поддержал Горбунов. Все заговорили разом. Аронштам поднялся на ноги, потребовал тишины.

— Прав товарищ Горбунов! Предлагаю еще записать в решение: предложить ОГПУ и прокуратуре усилить репрессивные меры по отношению к кулакам и баям, не выполняющим своих обязательств и противящихся кол-

хозам. Таких следует высылать из округов и республики. А членов партии обязать возглавить это движение, подать личный пример и содействовать успеху,— заявил Аронштам.

Атабаев, не прося слова, тоже поднялся на ноги.

— Товарищи! Думаю, этого мало,— громко с расстановкой произнес Атабаев.— Мы прежде всего должны четко себе представить, какова действительная тяга бедняков и середняков в колхозы! Этого мы не знаем и строим свои расчеты и планы, выдавая желаемое за действительность. Голый нажим на верхние слои аула лишь усилит эмиграционные настроения.

— А мы пошлем вас, чтобы вы разбили эти настроения.

Атабаев выждал. Казалось, он хотел, чтобы слова первого секретаря глубже запали в сознание присутствующих.

— Смешно! Зачем же создавать то, что потом заведомо надо разбивать? Мало нам Саятского района, где в прошлом году с таким напряжением сил и жертвами мы еле удержали двадцать девять колхозов, не байских семейств, от ухода за кордон? Мы потом написали, что это влияние баев, а надо было бы, между прочим, исполнив тем самым свой долг коммуниста, окружным и районным парторботникам просто вовремя разъяснить, что право каждого — добровольно выйти из колхоза. Только и всего!

— И не бояться репрессий,— вставил Айтаков.

— Именно! Конечно, надо потрудиться, чтобы доказать преимущество колхозника перед неохваченным единоличником. Куда проще, взял нагайку — и всех в колхоз, противников выселил, доложил в ЦК и живи себе спокойно, а хлеб стал хуже расти, хлопка меньше с гектара.

— В оценках нужна взвешенность. Какие конкретные меры ты предлагаешь? — Аронштам повысил голос.

— Призываю к правильному, разумному пониманию истинного положения дел в республике. Мы обязаны реально оценивать то, что у нас происходит, и то, что мы можем, а не забегать вперед,— спокойно ответил Атабаев и сел.— Чтобы руководство гладило нас по голове, а дела имели дыры. Не годится.

Подобные прения, которые со стороны, казалось, вконец испортили личные взаимоотношения Аронштама и Атабаева, продолжались и пару месяцев спустя на засе-

дании очередного пленума, уже в преддверии 5-го съезда КП(б) Туркмении.

— Ты лучше, товарищ Атабаев, толком объясни, почему не выполнен план года по сере? И своевременно не подготовились к началу строительства завода? — спросил Аронштам, который теперь не был похож на задорного, все без проблем решавшего старшего инструктора ЦК ВКП(б).

— ВСНХ не рассматривал проект завода четыре месяца. Первого числа мы должны были начать строительство, а проект получили двадцать шестого. Однако разве в ЦК не известно, что заводоуправление начало стройку на свой страх и риск? Но и она шла с пятого на десятое из-за недопоставок стройматериалов, недостатка средств и техперсонала.

— Поэтому ты своей властью выдворил присланного Госстроем прораба Бабенко? — не без желчи спросил Аронштам.

— Неужели я еще по таким вопросам буду советовать? И вообще, если вы будете заниматься подобными мелочами, кто станет...

— Не продолжай, товарищ Атабаев, лучше сообщи членам бюро о попытке с твоей стороны перевести управление серным производством в Чарджуй. Это тоже мелочь?

— А это, дорогой товарищ Аронштам, ленинская установка! Максимально приблизить промышленное производство к сырью. Гаурдак — наше будущее, я и гляжу вперед! Отдельные личности, приехав из Москвы в Ашхабад за длинным рублем, не желают работать в районах. Эти, с позволения сказать, товарищи коммунисты считают, что социализм за них будут строить другие. Получается, что и вы их поддерживаете. А время уходит. От нас ждут результатов. А их пока мало! Ты, Григорий Наумович, можешь найти тысячу объяснений и завалить записками Москву, а я сгораю от стыда перед памятью тех, кто сложил головы, отдал жизни за наше счастливое будущее, перед памятью товарища Ленина, — Атабаев обвел взглядом всех присутствующих, ища поддержки.

Наступила неловкая тишина, вынудившая Атабаева подумать: «Что это? Усталость, человеческая лень или, может, неверие? Этого не может быть!» — и он продолжал говорить:

— Хочу, чтобы все поняли. Время безответственно-

сти осталось позади и на смену приходит период безоговорочной ответственности каждого коммуниста за порученный ему участок. Бюрократия, волокита, мелочная опека, особенно в промышленном строительстве, над каждым хозяйством должны быть оценены как противодействующие социалистическому строительству и окончательно изжиты! Так дальше обязаны работать ответственные коммунисты.

— А то, что вы, товарищ Атабаев, вопреки указанию Средазбюро расширять хлопковый клин самолично дали согласие в Ташаузе засеять меллеки¹ под пшеницу, это вы считаете правильным действием ответственного коммуниста? — спросил с места Семин.

— Товарищ Семин, я привык жить не по бумаге, а исходя из реальной обстановки. Что с того, что вы доложите в Средазбюро, где, к сожалению, — и в этом опять мы с вами виноваты — нет реального представления о положении вещей со снабжением населения? Из-за отсутствия хлеба, поймите, голодный дехканин не станет собирать хлопок. В результате посеем много и на бумаге отразим, а соберем мало. — Атабаев сделал выжидательную паузу.

— Сгущаете, — заметил Семин.

— Еще нет! А вот сейчас сделаю это. Потом мы с вами станем валить вину на вредителей или на погоду. С поставками хлеба в Туркмению дела обстоят неважно, и потому отдал распоряжение. Осень покажет, кто был прав. Сто процентов хлопка соберут там, где клин не увеличили, а меллеки успели засеять под пшеницу.

— Не надо загадывать, — бросил со своего председательского кресла Аронштам.

— Нет, как раз надо! Не надо жить сегодняшним днем! Необходимо думать о будущем. — И уже более мирным тоном Атабаев продолжил: — А вы оба напоминаете мне наездника, который плохо кормит свою лошадь, а когда она на скачках отстает, готов сам спрыгнуть с нее и тащить к финишу за узду.

— Достаточно, товарищ, красивых слов! Давайте конкретные предложения, что будем отвечать в Москву. Я за то, чтобы найти резервы и увеличить хлопковый клин.

Атабаев решительно потрянул головой.

— Это что же получается, товарищи? Только сейчас

---

¹ Приусадебный участок.

мы выпороли керкинских товарищей, поснимали с должностей ташаузцев за очковтирательство, или головотяпство, или... я не знаю уже за что. И сами будем давать план клина, когда наши возможности на сегодня уже на пределе. Мы понимаем нужды нашей страны в хлопке, но правильно, честно поступим, если дадим товарищу Зеленскому на его телеграмму ответ о невозможности пока дополнительного расширения хлопковых посевов сверх запланированных на этот год.

Айтаков, Ч. Великов, Халмурадов, К. Атаниязов согласно закивали. Атабаев посмотрел на Горбунова, и тот произнес: «Я — за!»

12

5-й съезд Компартии Туркменистана остался надолго в памяти его участников. Он вдохнул в них свежие силы и уверенность. Этот съезд, как никакой предыдущий, выявил все проблемы и недостатки, обсудил их и принял директивы.

Вскоре по решению Средазбюро из Туркмении были отозваны Аронштам и Гальперштейн, в Ашхабад прибыл на работу Яков Абрамович Попок, член партии с дореволюционным стажем, человек опытный в хозяйственных делах. Он был введен в состав ЦК, исполбюро и Секретариата, избран первым секретарем ЦК КП(б) Туркменистана. Осенью же заместителем Председателя СНК стал Борис Вячеславович Толпыго. Атабаев был очень доволен тем, что его настоятельной просьбе вняли в Средазбюро и в ЦК ВКП(б).

Заботы Атабаева между тем не с каждым годом, а буквально с каждым месяцем становились все сложнее. Новые дела, их размах требовали не только удвоенных сил, энергии и добросовестного отношения. Необходимы были новые знания. Он много читал, укладываясь спать не ранее трех ночи. Он, как и другие его товарищи, жадно учился у знающих людей.

Много времени теперь Атабаев уделял строительству промышленных объектов: шерстопрядильной фабрики в Мерве, серного завода в Каракумах, цементного — в Келяте, рыбоконсервного — в Красноводске, кунжутно-маслобойного завода в Ташаузе, предприятий по производству строительных материалов, мощным электростанциям в городах и районах...

Он только что вернулся из Куня-Ургенча — «Старого Гурганджа», древней столицы Хорезма, разрушенного дважды — монголами, а затем Тимуром. Вчера под вечер, улучив полчаса, он осмотрел мавзолей династии Суфы, относившийся к XIV веку, как говорили, лучшее сооружение такого рода на всем мусульманском Востоке. Мозаичный орнамент внутреннего купола, многокрасочная мозаика изразцовых плиток, как и высоченный, более чем шестьдесят метров высотой «ургенчский минарет», стояли перед глазами, а он, отказавшись от приготовленного завтрака, попросил тут же отвезти его на строящийся кунжутно-маслобойный завод. Сидя в газике рядом с шофером, Атабаев размышлял вслух:

— Так как все же объяснить название вашего города? «Таш» плюс «хауз» — значит каменный пруд или каменное водохранилище. А другие утверждают, что Ташауз происходит от «дааш» плюс «огуз», выходит «дальние огузы». — Атабаев повернулся всем корпусом к заднему сиденью.

— Думаю, будет и так и так правильно, товарищ Атабаев, — ответил секретарь окружкома.

— Да, пока не найдутся какие-либо точные доказательства, — Атабаев умолк.

Газик подпрыгнул на очередной колдобине, и Атабаев подумал: «Надо искать полезные ископаемые. Это будет реальным решением вопроса о дорогах, даст возможность связать Ташауз через пески прямым шоссе с Ашхабадом».

— Мы, кажется, приехали, — произнес Атабаев, видя поднимавшиеся впереди корпуса завода, на котором, несмотря на то что еще не было окончено строительство, уже гнали масло.

На звук автомобильного рожка собрались люди, которые могли прервать работу. Тут же подошли начальник строительства, главный инженер и директор завода. Атабаев попросил показать ему предприятие и собрать рабочих на короткий митинг.

Отпустив директора, начальника строительства и секретаря окружкома, с тем чтобы они могли подготовиться к собранию, Атабаев пошел по заводу в сопровождении главного инженера.

Они шли из цеха рафинирования в механический, когда из-за угла, за которым находились цистерны, хранившие продукцию, послышался звонкий, мальчишеский крик:

— На помощь! Скорее на помощь!

Атабаев побежал и увидел, как хрупкого сложения юноша всем телом навалился на деревянную затычку почти у основания цистерны. Только Атабаев хотел было приложить свою силу, как пробка выскочила, и тягучее, жирное масло ударило его тяжелой струей в грудь. Инженер поднял затычку с земли, и они принялись вталкивать ее в отверстие. Атабаев пошарил взглядом вокруг и увидел то, что искал.

— Поддай кувалду! Живо! — приказал он пареньку.

Двумя мощными ударами пробка была загнана на место.

— Что же ты так? Такую работу и один? — спросил Атабаев, отирая руки платком.

— Да мастер вот пошел за гаечным ключом, — пояснил виновато паренек. — Вот и он!

Мастер держал в руках гаечный ключ и металлическую крышку, которую следовало навинтить вместо деревянной затычки.

— Вот ведь оказия! Вы же еще вчера были обязаны заменить затычку, — растерянно заговорил главный инженер, глядя на растекавшееся по земле масло. — Головы садовые! Не сделали, так хоть предупредили бы! Конечно ж, с утра масло и стали гнать в цистерну. Вы уж извините, товарищ Атабаев.

В нагрудных карманах Атабаева лежали удостоверение, разные бумаги и записки, но он не спешил извлечь их оттуда и сменить одежду. Неведомое до того светлое и радостное чувство охватило его от этого неожиданного соприкосновения с тем, что есть истинное проявление жизни.

Рядом появились директор завода и секретарь окружка, забеспокоились. Масло еще стекало с галифе и голенищ сапог Атабаева. Однако, узнав, что рабочие уже собрались перед зданием правления, Атабаев предложил вначале провести митинг.

13

Весной 1930 года в Туркмению прибыла первая бригада русских писателей, в состав которой входили Павленко, Леонов, Тихонов, Луговской и другие. Атабаев окружил их вниманием и нашел время с частью бригады проехать на автомашинах вдоль границы от Ашхабада до

Каспийского моря. В дневниках членов бригады повторялась фраза, часто и со значением произносимая Председателем СНК ТССР: «Настоящих успехов следует ждать от нас по мере того, как туркменский народ станет сознавать себя хозяином своей земли и ее богатств...»

Лицо писателя Тихонова было сосредоточенно. Он чуть отошел в сторону от группы селекционеров, и карандаш его забегал по блокноту. Через год любознательные советские люди прочтут в книге «Кочевники» то, что в эту минуту записал Николай Семенович: «В красновато-вечернем свете из бумажных стаканчиков, поставленных в невысокие ящики, не шевелясь, смотрели бледно-зеленые растеньица с длинными листиками, концы которых походили на копыта с маленькими выступами у самого острия. Растеньица были тщедушными и малокровными и казались бы не жильцами на белом свете, если бы не острая, почти надменная бодрость их листиков, тянувшихся к вечернему солнцу».

Атабаев, держа за пуговицу рабочей полевой куртки ученого Кренке, возбужденно говорил. Рядом находилась Евгения Яковлевна, жена Атабаева, которая теперь работала стенографисткой в СНК, часто сопровождала Атабаева в поездках и фиксировала то, что глава Совнаркома Туркмении говорил, когда речь заходила о важных для республики делах.

— Николай Петрович, я так и сказал в Москве, что мы должны иметь это мексиканское растение у себя. И мы будем его иметь! Мы в десяти, двадцати местах должны рассадить его на туркменской земле и посмотрим, что получится. Я думаю, через пять-шесть лет мы что-нибудь скажем положительное, не хвастаясь. Николай Семенович,—теперь Атабаев обратился к Тихонову,—наша страна ввозит ежегодно пятнадцать тысяч тонн каучука и гуттаперчи на двадцать четыре с половиной миллиона золотых рублей. Их скоро можно будет использовать на приобретение, скажем, сельхозтехники, потому как эта самая гваюла с одного гектара дает тонну каучука! Вы понимаете?

— Константин Сергеевич — большой энтузиаст и нас заразил своим оптимизмом,—сообщил Кренке.

— Не говорите только, что вы сомневаетесь, Николай Петрович. Я в ЦК и в Москве гордился вами и вашими товарищами, тем, с какой настойчивостью вы приваживаете эту «мексиканку» к нашей земле,—Атабаев благодушно улыбнулся.

— Гваюла весьма капризна и прихотлива. Боится избытка влаги, и ветра, и холода. Чем меньше воды, тем толще кора растения, тем больше каучука. Зреет к шести годам.

— А американцы добились зрелости к четырем,— Атабаев перебил говорившего Кренке.— И наша задача добиться того же! Но прежде— я живу и жду следующей весны— нашей первой победой станет определить сорт, который перезимует в почве.

— Секрет состоит еще и в том, что гваюла, растущая в Ялте и Баку, прекрасно цветет, но не плодоносит, не дает семян. Американцы же имеют девяносто процентов завязей. Нам предстоит проникнуть в их тайну,— Николай Петрович, пуговицу которого только что отпустил Атабаев, указал ему на газик, спешно приближавшийся к агротехнической станции.

— Это хорошо, однако я знаю скептиков-ученых в Москве, которые не ставят на гваюлу в Туркмении,— заметил Тихонов и спрятал блокнот в карман.

— Конечно, было бы легче нам заняться кунжутом, люффой или даже болией,— начал было Атабаев.

— А что это за красавица? — спросил Тихонов и снова извлек из кармана блокнот.

— Растение, дающее семена, подобные кофейным. Зерна в поджаренном виде превосходят по качеству знаменитое мокко. Куда лучше гваюлы была бы еще ну, скажем, соя. У нее большое будущее. Но стране необходимо ликвидировать зависимость от иностранного каучука. И это мы, туркмены, обязаны сделать! Это наш интернациональный долг.

К говорившим подошел уполномоченный ОГПУ, приехавший из Кара-Кала, он отвел чуть в сторону Атабаева и вручил ему пакет. По лицу Председателя СНК было видно, что речь в письме шла о чем-то, что его огорчило. Атабаев тут же стал прощаться с учеными-селекционерами и уже в машине сказал московским товарищам:

— Банда Керим-хана в Иолотани разгромила местный «Туркменторг» и ушла в пески. Пилот обнаружил ее уже у самой государственной границы. Пограничники преградили путь, был сильный бой. Убито более девяносто басмачей, остальные бежали, побросав награбленное добро. Захвачено около четырехсот верблюдов и десять тысяч голов другого скота. Если б это случилось только в Иолотани, а то еще и в ряде мест. Активизируются басмачи.

— С чего бы это? — спросил Тихонов.

— Если быть самокритичным, — Атабаев помедлил, — то это результат наших недочетов, перегибов и ошибок в методах проведения коллективизации. Я вас покину на пару дней. Следует срочно возвратиться в Ашхабад. Надо держать ответ и принимать меры.

14

Значительным, краеугольным для дальнейшего развития экономики Туркмении явился 2-й объединенный пленум ЦК и ЦКК, на котором первый секретарь Попок сумел поломать многие отжившие представления и убедить партийный актив, что будущее республики связано с производством хлопка. Он заявил: «Нельзя ставить так вопрос, что если нет хлеба на 100 процентов и товаров на 100 процентов, то мы не дадим хлопка на 100 процентов». Как Атабаев внутренне ни противился такой постановке вопроса, в конце концов понял и согласился с Попком. Проголосовав за 100 процентов хлопка, Атабаев сразу же вместе с Толпыго, вторым зампредсовнаркома Анна Мухамедовым и новым наркомом земледелия Ходжи Атабаевым разработали и приняли решение, выделили дополнительные средства и людей. Это в значительной мере способствовало дальнейшему развитию хлопководства Туркмении. В течение последующего года Атабаев шесть раз выезжал только в районы, где предусматривалось расширение хлопкового клина и следовало правильно увязать план хлебазаготовок с планом выращивания хлопка.

Беспредельное негодование — он впервые ощутил такой силы физическую боль в сердце — охватило Атабаева, когда выяснилось, что до 60 процентов паровозов на Ашхабадском узле «больны» и неминуем срыв плана перевозок, и прежде всего хлеба для хлопкоробов. Он выступил на исполбюро и предложил проект постановления, который был одобрен. Особенно негодовал Атабаев по поводу очковтирательства, обмана партии. Оказалось, что в депо раздуто лжеударничество — результат семейственности, кумовства, круговой поруки, — а подлинные ударники не встречают поддержки и поощрения, наоборот, зажимаются. В проекте было предложено за ярко выраженный правый оппортунизм в работе, за саботаж партийных директив, за двурушничество распустить не-

которые партячейки, провести повторную чистку, а подрайком парторганизации узла расформировать.

Другим малоприятным делом было обсуждение на заседании исполбюро ЦК состояния скотоводства в республике и укрепления органов Советской власти в кочевьях. Атабаев, невзирая на пост Айтакова, являющегося в то же время и председателем республиканского Скотоводческого комитета, подверг его и наркома Ходжи Атабаева резкой критике. Налицо были перегибы и извращение линии партии, прежде всего в контрактации скота, непомерном изъятии его у бедняцких и середняцких хозяйств, а также предъявлении середняку твердых заданий при недообложении баев и кулаков гужповинностью. Атабаев лучше кого бы то ни было знал размеры нанесенного этим ущерба делу партии и Советской власти.

Однако у Атабаева было больше оснований и гордиться успехами. Ашхабадская шелкомотальная фабрика выработывала лучший шелк-сырец в стране, работала отлично, постоянно перевыполняла план и не расставалась с переходящим Красным знаменем. В Туркмению прибыли и проявили себя такие коммунисты, как Сенников, Волинский, Кузнецов, Стрельсон. Глядя на них, Атабаев, как принято выражаться в Туркмени, то и дело касался головою неба. Они, не щадя своих сил, не считаясь со временем учили, делились опытом с людьми, на деле доказывая великую силу интернациональной солидарности. В Чарджуе были пущены шелкомотальная фабрика, первый в Туркмении мельничный комбинат, открылись огромные запасы серы в районе Гаурдака, организованы Государственный педагогический институт и Туркменский коммунистический университет. Начат перевод на туркменский язык шеститомника произведений В. И. Ленина.

Сердце Атабаева наполнилось радостью и оттого, что он вновь стал отцом. Теперь у него родился сын. Его назвали Кемине — в честь туркменского поэта, жившего в XIX веке.

В это же время в записной книжке Атабаева появилась запись: «Четыре руководящих начала. Не забывать! 1. Необходимость индустриализации Туркмени. 2. Необходимость поднятия материального благосостояния трудящихся масс. 3. Обеспечение такого темпа развития республики, который превысил бы темпы колониальных государств. 4. Обеспечение роста социалистических элементов народного хозяйства».

В кабинете горела одна настольная лампа. Свет ее из-под плотного зеленого абажура падал на часть стола, не утомляя зрение. Печь-голландка была хорошо натоплена, форточки открыты настежь. За окнами падал снег. Атабаев отложил в сторону декабрьский номер журнала «Коммунист» с интересовавшей его статьей, придвинул ближе папку с документами, открыл ее. Сверху лежал телеграфный бланк с текстом: «Союзнефть. Соловьеву». Прочел, нервно выхватил из стакана красный карандаш, исправил. «Безобразие! В Туркменнефти три месяца нет главного инженера. Положение промыслов катастрофическое».

Атабаев взял из папки следующую бумагу. Ею оказалось письмо профессора МГУ Башкирова. Атабаев поменял карандаш на синий, подчеркнул: «Наша работа, благодаря Вашему вниманию, прошла успешно и весьма интересно». «Изучение Багирского района и остатков древнего города Нисы», «Мы видели памятники эпохи, близкой к поре греко-бактрийского государства, чего в Средней Азии и в таком масштабе мы раньше не наблюдали» и «Поверьте, мы свою науку сумеем поставить так, что она будет участвовать в строительстве Туркменской республики». Эту последнюю фразу Атабаев подчеркнул дважды.

Дверь в кабинет отворилась, вошел начальник Управления водного хозяйства республики Джураев.

— Можно, Кайгысыз Сердарович?

— Заходи. Жду. Ты ужинал? Разговор предстоит долгий.

— Спасибо, я готов.— Джураев сел в предложенное кресло.

Он занимал должность, как считал Атабаев, самую ответственную в республике. Атабаев говорил так — и всем не уставал об этом повторять: «Будет вода у нас, будет и хлопок. Будет хлопок, будет все!»

— Что станем делать? — Атабаев начал разговор с вопроса.

— Давайте подумаем,— уклончиво ответил Джураев.

— Тогда слушай! Надо кончать с проволочками. Как? Кумекать надо тебе. Потом придешь, поговорим. Мы считаем необходимым провести быстро, до начала посевной кампании, элементарные, но весьма важные работы, а аппарат замуровывает это дело бесконечными изысканиями и исследованиями. Это недопустимо! Понятное дело, они спецы. Я согласен! Ну а если это скрытый саботаж?

Сейчас, после ликвидации вредительской деятельности части буржуазных интеллигентов, с кадрами стало лучше.

— Нет, не стало, Қайғысыз Сердарович! Теперь всякий норовит отстраниться от дел там, где могут быть сомнительные результаты.

— Следует создать обстановку доверия, условия, способствующие проявлению деловой инициативы. Поощряй, премируй, пиши о них в газете. Подумай, как опереться на молодых, освободи эти кадры от вредного влияния старых специалистов.

— Дело не во влиянии, а в знаниях. Ирригация, особенно у нас, возводится на песке. У молодых недостаточно знаний, а риск у нас огромный. Слишком велики вложения.

— Насчет знаний ты прав, но, как хочешь, кончай с политикой твоих спецов «моя хата с краю». Мы поможем. Без их творческой инициативы не одолеть наших планов. Теперь конкретно по объектам. Поверь, говорю и мне стыдно. Моей вины, собственно, нет, но за дефекты в строительстве Босага-Керкинского канала чувствую себя виновным. Технически можно дело поправить, а политический урон не восполнишь. Отгрохали канал, а население от канала имеет крайне ничтожный эффект. И Главхлопком и Госплан сразу засомневались в целесообразности постройки вообще подобных крупных сооружений.

— Есть мнение использовать для нужд населения старую систему,—вкрадчиво заметил Джураев.

— Тут и рассуждать нечего! Продолжай технически усовершенствовать канал и решительно используй старую систему. Однако знай, что целиком и полностью ответственность за нынешнее позорное состояние канала — я видел это своими собственными глазами: запустение, отсутствие контроля — ляжет на тебя и руководство управлением.

— Мне что же, искать новую работу? — решил пошутить Джураев.— А то у меня скоро родится ребенок, возможно, сын.

— Сколько осталось? — живо спросил Атабаев.— Моему уже полгода. Как назовешь? Жена как себя чувствует?

— Спасибо. Об имени не думал, а вот родственники приехали, негде селить, Қайғысыз Сердарович. Обычай.

Услышав на этот раз еще не очень привычное обращение, Атабаев подумал о том, кто же первым стал на-

зывать его так вместо давно признанного Константин Сергеевич. Он видел и понимал изначальный смысл, за которым могла скрываться опасность. Не рост национализма, нет. Он не верил, что бы ни говорили кругом, что это реакционное течение серьезно может охватить мыслящих туркмен, искренне ратующих за становление, развитие и процветание своей нации. Национализм только отдалит их от этой цели хотя бы потому, что в борьбе будут растрчены силы, которые передовым туркменам столь необходимы для овладения культурой, знаниями в невольном, но добром соревновании с другими народами советской Средней Азии. Однако настораживали и переход на Кайгысыза Сердаровича, и то, что ряд товарищей осудил его за распоряжение вывести на Первомайский парад детей туркменского интерната полностью в европейской одежде.

— Скажи, товарищ Джураев, откровенно, что думаешь о стремлении нашего брата во что бы то ни стало занять руководящий пост? Давай ему председателя РИКа, в худшем случае начстрахкасы. Никто не желает идти работать простым инструктором. — Атабаев знал, что за последние годы это явление стало повальным, претендент не желал думать о своем образовании, своих способностях, рассчитывая лишь на знакомство, на приятельскую поддержку.

— Я думаю, каждый стремится побольше сделать для Туркмении, — явно уклонился от ответа Джураев.

— Ну ладно. Не грех, что заблудился, лишь бы назад воротился. Вопрос аула Мурзабек. Ты лучше меня знаешь, что орошение этого аула полностью зависит от Афганистана. И аула-то два: один афганский, другой туркменский. Граница посередине, и ее, по сути, нет. Наша часть — это экран, зеркало нашей жизни, в то же время ворота для эмиграции. Сложный вопрос!

— Я знаю, там есть заброшенный канал Воз, — сообщил Джураев.

— Знаешь? Ага! Молодец! — Атабаев искренне порадовался. — Его следует восстановить. Земли аула чрезвычайно плодородны. Дадим воду, и там «египтянин»¹ покажет себя. Дехкане воспрянут духом. Они вполне были согласны со мной, что следует расширять хлопковые посевы. Но вода! Там, в Мирзабеке, — это вопрос большой государственной важности, решая его правиль-

---

¹ Сорт хлопка.

но, мы можем многое сделать. Районные организации отписались, послали бумагу в ЦИК, который, вероятнее всего, переслал ее Водхозу, где дело и заглохло.

— Беру на учет, Қайғысыз Сердарович. Я понял, о чем вы.

За окном разыгрывалась непогода, порывы ветра задували в форточку крупный пушистый снег.

— И еще. Над всем и всегда, постоянно и неукоснительно стоит самый главный вопрос — с Амударьей! — Атабаев сделал глубокий вдох. — Сколько народом вложено сил и средств! А она слизывает все, как неуправляемая стихия. Смыкает не только головы каналов, значительные количества посевов, целые кишлаки.

— Население привыкло, смирилось, — вставил Джураев.

— Вот это-то мы, коммунисты, и должны поломать! Понимаешь? Еще и потому, что такие настроения перекидываются на инженерно-технический персонал. Отсюда — инертность, ограниченность, отчужденность и топтание на месте.

Джураев хорошо знал о стремлении Атабаева одолеть Амударью, заставить ее работать на народ. Начводхоза были также известны и разговоры, ведущиеся среди сотрудников управления о том, что Атабаев, мол, поражен манией величия и, вопреки реальности, строит планы повернуть реку вспять, в другое русло, по Узбою, и тем прославиться, как Александр Македонский, Тимур или Улугбек. Джураев и сам не очень верил в грандиозные планы Атабаева.

— Я постоянно думаю об этой проблеме, — заверил Джураев.

— Уже сейчас можно построить головные сооружения из железобетона, но так, чтобы гарантировать каналы от размыва, — Атабаев говорил с уверенностью учителя. — Начни с Керкичей, там есть твердые выступы. Отряды туда толкового инженера...

Беседа длилась долго. Когда уходили, в приемной уже никого не было.

Басмаческие банды Ахмет-бека, Эши-хана, Гельды Бетче, Малык-бая, Ораз Гельды Канджика, внезапно появляясь в разных районах, терроризировали население,

грабили, избивали и убивали советских работников и активистов, разрушали заготпункты, препятствовали сдаче хлеба и хлопка государству. Таким образом, в ряде районов заготовительные планы оказались под угрозой. Партия несла потери и в людях. Летом 1931 года в Казанджике, напав на станцию, бандиты вырезали многих рабочих и служащих поселка, пустили под откос два пассажирских поезда. Осенью в боях погибли бывший командующий Закаспийским фронтом Соколов, ответственный секретарь партбюро 1-го Туркменского кавполка Ходжаев, уполномоченный особого отдела 2-го Туркестанского кавполка Чары Мурадов, командир пулеметного эскадрона Чары Аннакулиев, начальник оперативной группы Ламанов. Басмачами был уничтожен отряд 85-го дивизиона ВОГПУ во главе с его славным командиром Цейтлиным.

Пришлось принимать срочные меры. Командующий округом П. Е. Дыбенко приезжал в Кизыл-Арват. Басмаческие шайки к концу осени были сильно потрепаны и рассеяны в Каракумах.

...В одну из июньских ночей Атабаев был разбужен телефонным звонком. Из Чарджуя сообщили, что Амударья быстро поднимается. На рассвете он уже был на месте разбушевавшейся стихии. Отдельные здания были снесены или затоплены. Шелкомотальная фабрика находилась в воде. Атабаев весь мокрый и в глине с местными товарищами принимал экстренные меры, пока не подъехал технически оснащенный отряд во главе с Анна Мухамедовым.

В Ашхабаде Атабаева ждало неприятное сообщение. Реутовскую бумажно-прядильную фабрику возвращали в ведение ВСНХ СССР. Это было ударом по личному престижу Атабаева и доказательством того, что хозяйственные дела республики, как и вопросы подготовки национальных кадров, оставляли пока желать лучшего.

К августовскому объединенному пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б) о колхозном строительстве в республике был создан «Трактороцентр», руководил которым Бухаренко. В Кизыл-Аяке начала функционировать первая МТС, она стала опорным пунктом строительства социализма в ауле. Специализированный персонал внедрял новую агротехнику, что выдвинуло район на первое место в борьбе за хлопок.

Душевную радость доставило Атабаеву письмо из Кара-Кала. Оно пришло с плантации гваяулы. Этот эффек-

тивный каучуконос прекрасно прижился там. Продвинулось дело и со строительством каналов Таш-Сака и Куня-Дарья. Атабаев видел залог будущих успехов в тройном росте рабочих в республике и в увеличении за последние два года количества студентов почти вдвое.

Много сил и энергии ушло на преодоление сопротивления со стороны Союзсеры и особенно ее Среднеазиатского отделения против разработки мощного месторождения в Гаурдаке, на юго-востоке республики. И сражения выдерживать приходилось из-за того, что предпочтение отдавалось месторождению серы в Порсу, находящемуся на территории Узбекистана. Пришлось делать повторное обследование Гаурдакских серных залежей. Его провели ученые Данов и Мирошниченко. За эту работу Атабаев представил их к награде — ордену Трудового Красного Знамени.

Находясь с ноября в Москве, Атабаев с головой ушел в дела Кара-Богаз-Гола — этого уникального месторождения природных богатств на планете и налаживания поиска на территории республики нефтяных залежей. Атабаев несколько раз встречался с академиками И. М. Губкиным и А. Е. Ферсманом, в лице которых видел своих сторонников в изучении карты полезных ископаемых республики.

Газик выжимал предельную скорость, оставляя за собой облака густой пыли. Он несся от станции Небит-Даг к 12-й буровой. Начальник промысла выслал машину за Атабаевым, сам же остался у фонтана. Было холодно, стоял февраль, а пыль плотной пеленой скрывала суровые, голые, с плоскими вершинами и дикими ущельями-каньонами горы Большого Балхана. Впереди, раскинувшись на многие километры, лежала солончаковая долина, прорезанная неровными цепями байров — холмов и гряд. По обе стороны дороги убегали песчаные барханы. Ни деревца, ни даже кустика. Пейзаж, который мог бы радовать лишь глаз схимника.

Небит-Даг — это один из байров, покрытый киром, пропитанный нефтью и затвердевшим песком. Еще в прошлом веке русские промышленники сделали попытку найти нефть, но серьезно бурить здесь начали уже при Советской власти, в 1927 году, и тоже поначалу без видимых результатов. Бригады стали было сворачивать работу, но великий маг и волшебник — природа неожидан-

но преподнесла сюрприз — выбросила на 24-й буровой трехчасовой фонтан нефти.

Надежда повела специалистов к уже имевшимся 11-й, забитой глинисто-песчаной пробкой скважине, и к 12-й, которую надлежало углубить. В середине января 1932 года 11-я пробитая скважина тоже выбросила фонтан. Он действовал трое суток и давал 14 тонн нефти в час. Было собрано 500 тонн чистой нефти. Природа как бы подсказывала: «Люди, имейте терпение, нефть есть». И, видя их энтузиазм, открыла им и 12-ю скважину...

Атабаев, подпрыгивая на промятом сиденье, внимательно слушал главного инженера.

— Фонтан начал действовать совершенно неожиданно, два дня назад, с глубины 520 метров. Шли газ и в значительных количествах нефть и песок. На глазок это четыре-пять тысяч тонн в сутки. Такого здесь даже опытные специалисты не припомнят. Сейчас проблема с приемом, негде хранить. Никто не думал. И еще, знаете, выброс произошел во время нахождения в забое ударно-контактного инструмента.

— Это опасно? — быстро спросил Атабаев.

— Нежелательно. Поднимем.

Фонтан был виден издали. Он возвышался над шестнадцатиметровой буровой вышкой, его гребень становился петушиным, только необычного черного цвета, и в каждый следующий миг менял свои очертания под воздействием ветра.

Местное начальство было на промысле и руководило срочным созданием прудов. На буровой шла напряженная, с риском возникновения взрыва и пожара работа.

В первые сутки Атабаев спал всего три часа. Он был свидетелем нечеловеческих усилий буровиков, которые стремились вытянуть находящийся в забое инструмент. Было сделано все и даже сверх того. Напряжение сил и нервов у работавших достигло предела. Когда инструмент подняли над забоем на сто пятьдесят метров, произошел обрыв трансмиссионного ремня. Пока его заменяли, резко увеличилось количество выбрасываемого газа. Помощник бурового мастера помчался к нефтяному двигателю. За ним кинулся мастер. Сильный удар в спину сбил помощника, когда тот уже было нажал на стартер.

— Газ, дурило! Жить надоело? — только и сказал мастер.

Вскоре фонтан запульсировал и заметно начал ра-

сти. Когда он достиг высоты и набрал силу, начальник промысла сорвал с головы фуражку, погрузил руки в смоляной поток, и в ту же секунду лицо его стало черным. Сатанински озорно блестели его глаза. Кто-то мазнул по лицу Атабаева, и на него вдруг нашла такая радость, он звонко рассмеялся, как смеялся однажды в театре Мейерхольда на пьесе Катаева «Квадратура круга».

— Этот фонтан, товарищ Атабаев, есть прекрасное доказательство того, что месторождение Небит-Даг заслуживает внимания,— уверенно заявил управляющий трестом «Туркменнефть» Соколянский.

— Теперь маловеры никуда не денутся! Признают! — прокричал начальник промысла.

— А как признают, что наша нефть может сыграть большую роль в деле хозяйственного развития республик Средней Азии, откроется золотой ларчик,— заверил Соколянский, а Атабаев подумал: «Ларчик-то откроется, только как из него брать?»

Атабаева и Соколянского тесным кольцом окружили промысловики. Кто-то сунул Председателю СНК в руки чистую ветошь, чтобы отереть лицо и руки.

— Поздравляю вас, товарищи! Наконец свершилось! — произнес Атабаев.

— Оно-то, конечно, так, но... — это заговорил известный тормозчик, борцовского телосложения уроженец Полтавы,— жратвы бы получше да дома потеплее, товарищ руководитель. Живем в саманных и земляных бараках.

— Вы же привычные,— как бы в шутку сказал начальник.

— Не дело говорите,— перебил его Атабаев.

— Мы привычные к тяжелому труду, ну и к радости от хорошо сделанной работы, когда мастер похвалит, а то и руку на плечо положит,— сказал полтавчанин.— Вот и вся радость! Мастер для меня, что раньше на деревне поп. Его слово не просто закон. Раз похвалит, и любой готов неделю не уходить с буровой. И жинке дома больше остается что поесть. Вот они, наши радости.

— Поправим! — и Атабаев сделал выразительный жест в сторону секретаря Красноводского райкома.

Между двумя шестами был натянут лозунг: «Выполним решения XVII партконференции, обеспечим хозяйственный план 1932 года, обеспечим победу второй пятилетки!»

— Вижу, делом выполняете решения партии. А вот с культурным отдыхом как? — спросил Атабаев.

— Мы приняли решение! Для поднятия культурного и технического уровня посещать партучебу на 100 процентов. Изжить прогулы и простои по вине рабочих, — это отрапортовал парторг промысла, которого Атабаев знал и о делах которого уже имел кое-какие сведения.

— Вы приняли или сами рабочие?

— Мы сами, — пришел на помощь мастер-имениник. — Парторг предложил, и мы согласились. Еще хотим провести конкурс на лучшую буровую бригаду.

— Неплохо бы, товарищ парторг, рекомендовать для вступления, выдвинуть, так точнее, в партию одного-двух рабочих. И, что очень важно, привлечь на промысел десятков-другой туркменских и казахских товарищей.

— Они плохо идут, — пояснил парторг.

— В этом и есть ваша задача, а дело-то важнейшее! Надо только захотеть и приложить старания.

— А тебе, парторг, я давно хотел сказать. Не опускай глаза, — Атабаев широким жестом показал, что специально делает это в присутствии народа. — Простить можно беспартийному завхозу. Нет, не простить, его можно понять, но ты, который первым обязан подавать пример, как ты посмел согласиться на строительство для себя отдельного дома, когда рабочие живут в бараках? Так я говорю? — Атабаев обратился к стоявшим вокруг, и те его поддержали.

Парторг покраснел, Атабаев выдержал должную томительную паузу и закончил неожиданно:

— Я знаю его. Дадим ему возможность исправиться. Дом свой завтра же отдай под детские ясли. — Атабаев решительно сменил тему. — А кто скажет мне, все ли продумано и сделано, чтобы на буровых выполнять директиву партии о достижении к концу пятилетки скорости бурения триста метров на станок-месяц?

— Надо переходить на турбобурение. Вращательное — это уже вчерашний день. Бакинцы доказали преимущества турбобурения, — предложил главный инженер.

— Запишем, — Атабаев достал записную книжку, сделал пометку и спросил: — А почему у вас, я слышал, в ходу такие слова, как склочник, бузотер? Товарищи начальники и опять же парторг, разберитесь! Даете повод к анонимкам. Ими уже СНК и ЦК заваливают. А враги, истинные враги нашего дела, тут же их ловко использу-

ют в своих целях. Нельзя допускать, чтобы парторганизации отрывались от масс. Кого вы, к примеру, за последний год выдвинули? Живете по правилу «как-нибудь справимся». Не обижайтесь, крепче держитесь за организацию. Не давайте никому умалять ее силы. Помните слова Ленина о том, что у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации.

— Товарищ Атабаев, объясните, почему колхозам и клубам дают ваше имя, завтра, пожалуй, и памятники начнут ставить. Как вам после этого что-либо скажешь?

— Я не сторонник своего культа. Меня, к сожалению, не спрашивают. И в этом нам следует брать пример с Ленина. Владимиру Ильичу однажды рабочие одного из московских предприятий предложили поставить памятник. Знаете, что он ответил? Построили бы вы лучше мост. Это будет лучшим памятником.

Тут Атабаев вспомнил свой последний разговор со Сталиным, когда тот, как обычно, неожиданно спросил: «Скажите, товарищ Атабаев, а чем можно объяснить, что в ТССР почти нет колхозов имени Атабаева? Вот я смотрю списки отстающих колхозов. Есть имени Айтакова, еще один, имени Чары Великова, Попка, Анна Мухамедова, «Октябрьской революции», «10 лет Октября». Или колхозы вашего имени не оказываются среди отстающих?» Атабаев смешался и сказал, что не знает, как ответить, на что Сталин мирно закончил: «Поживем — увидим».

— Расскажите еще что-нибудь, товарищ Атабаев, — попросил кто-то из рабочих.

— Вот послушайте, — Атабаев нашел нужную страницу в записной книжке: — «В простой и жесткой туркменской стране, одной рукой отодвигающей от себя пустыни, а другой строящей новую жизнь, народ так беден, как никогда не был беден русский крестьянин». Это всего два года назад написал Петр Павленко, писатель. Я, как туркмен, хочу, чтобы мой народ перестал быть бедным, перестал «отодвигать» от себя пустыню. Мы сделаем так, что пустыня станет цветущим садом!

— Как это? — спросил молодой парень.

— Просто! И вокруг вашей вышки будет сад. — Атабаев видел недоумение на лицах рабочих. — Доставим сюда по каналу воду Амударьи!

В Москве, хоть было и нелегко разъяснять, доказывать, убеждать, насущные дела республики, как хорошо он их ни знал, виделись несколько иначе. По всей вероятности, сказывался фактор расстояния и мелочи уходили на второй план. По возвращении Атабаев обратил внимание на два момента. Это пока еще незначительная и малоэффективная отдача тех, кто в первые годы республики был отправлен на учебу в Москву, Ленинград и Ташкент. Результаты были, но в планах Атабаева они рисовались в более розовом свете. И второе — новый, довольно плотный и жесткий стиль Я. А. Попка. Он прибыл в СССР из Читы, где царил порядок, на местах сидели знающие дело, подготовленные люди, и не очень хотел считаться с привычками, присущими местным товарищам. Атабаеву следовало подстраиваться, а это было не в его характере. И еще он видел, что Попок быстро обрастает сторонниками. Доказательство Атабаев видел, например, в быстром согласии членов бюро ЦК решать вопросы путем опроса. При всей экономии времени утрачивала свою силу коллегиальность, возможность в спорах выявить истину.

Между тем, если в былые годы Совнарком — и в порядке самокритики он это признавал — созданию промышленности в республике не уделял большого внимания, то теперь — и здесь следует отдать должное энергии Я. А. Попка — он имел план создания основ тяжелой индустрии. Их в Москве одобрил Орджоникидзе.

...Рабочий день Атабаева складывался по-разному. Но обратимся к свидетельству документа. Проследим, какими делами занимался Атабаев одним февральским днем 1933 года.

«Т. Голосову — ознакомиться с докладной запиской по строительству Чарджуйско-Хорезмской ж. д. и информировать меня, с тем чтобы договориться об основных положениях доклада в ЦК ВКП (б).

Т. Довят — взять под постоянный контроль строительство учебно-сборных пунктов и информировать два раза в месяц.

Т. Игнаш — ознакомить меня с состоянием животноводческих совхозов.

Т. Исакянц — проработать вопросы транспорта для обслуживания, находящегося в ведении уполномоченного Наркомтяжпрома.

Т. Правда — информировать меня о положении дел с постройкой опреснителя в Гасан-Кули.

Т. Иодэ — подобрать, кого можно послать на о. Челекен для выяснения состояния озокеритных промыслов, доложить.

Наркомзем — разработать мероприятия по развертыванию садоводства и виноградарства и внести как специальный вопрос в СНК.

Т. Атаеву — проработать вопрос об отоваривании ковровщиц и согласовать со мной.

Т. Хан Магомедову — разработать материалы по борьбе с эпидемическими заболеваниями, имея в виду выехать в Москву на специальное совещание.

Т. Голосову — до сих пор не организовано исполнение квартета на туркменские темы, присланного т. Беляевым из Москвы (речь идет о партитуре.— Авт.). Нужно договориться и организовать.

Создать комиссию (Атаев, Шмейлин и Удрэ) для разработки мероприятий по развитию ковроделия.

Студенты Моск. Ком. ун-та Непесов и Оразов просили об увеличении им стипендии. Сегодня же доложить мне, что сделано.

Т. Голосову — написать письмо в Союзный СНК об ассигновании 6 млн. руб. на долгосрочное кредитование кочевого населения.

Объявить туркменпредставителю в Ташкенте Овез Гельды Атабаеву выговор за самовольную отцепку грузовой автомашины «форд».

Т. Голосову — проработать докладную записку на основании имеющихся материалов об организации шерстопрядильной и ковроткацкой фабрик.

Затребовать от тт. Каспарова и Криницкого, что сделано по ремонту тракторов.

По заявлению колхоза «10 лет Октября» разъяснить, что государство никакой продовольственной помощи оказать не может, тем более что план хлопкозаготовок они выполнили на 20 процентов. Нет оснований требовать государственной помощи».

Шло заседание бюро ЦК. Оно было трудным. Рассматривались персональные дела членов партии; разбирались склока в Наркомюсте, конфликт между уполномоченным ОГПУ на серном заводе и прокурором республики Орашевым, обсуждалась статья в «Правде

Востока» о деятельности байрам-алийского секретаря райкома партии Дурдыева.

После выступления главного редактора «Туркменской искры», который давал объяснения по поводу зажима критики, слово взял новый комдив Петров, только что кооптированный в бюро. Рассматривая его, Атабаев пожалел, что он не художник. Крупная, круглая, тщательно выбритая голова, высокий лоб и пшеничные усы, чистые, светлые глаза под пенсне так и просились на холст.

Петров говорил умно, с чувством большого такта и с глубоким пониманием специфики работы в Средней Азии. Атабаев знал, что все местные товарищи ощущают ту же озабоченность, которой был полон Петров.

После окончания бюро Атабаев затащил Ивана Ефимовича — семья комдива находилась еще в Ташкенте — к себе поужинать.

— Вы правы, Константин Сергеевич, некоторые военные считают, что в армии все «от» и «до» — уставы, положения, дисциплина, забывая, что есть устав партии — партийная совесть плюс честное отношение к делу плюс принципиальность...

— Много плюсов, Иван Ефимович, а в результате одни минусы, — без тени шутки сказал Атабаев.

— Ну не скажите. Если плюсы помножить на минусы, все же складывается цифра не с минусом. Но недостатков много. Я могу порадоваться вместе с вами, что союзное правительство утвердило общий план ирригационного строительства республики, выделило на него большие средства. Надлежит освоить 129 тысяч гектаров. Черт возьми! Это грандиозно, ну а если...

— Что, если? — взволнованно спросил Атабаев.

— Константин Сергеевич, к сожалению, республика не выполняет планы и, самое главное, не осваивает капитальные вложения. Проблем много, и одна из них — отсутствие грамотных работников, специалистов. Бейтесь за хороших специалистов. Больше контроля в работе! А то может случиться и так, что планы по освоению будут выполняться, а потом окажется, что скважины технически неправильно построены, и будете ходить по нефти, а в руках — ни капли. Добычей нефти должны заниматься знающие дело люди.

— Это верно, Иван Ефимович. Я только что был на буровых. Порядка там мало, надо привлекать ученых.

— Буровых мастеров у вас мало, Константин Серге-

евич. А все дело в них, как в армии — в старшинах. Однако главное в Туркмении я вижу в другом. — Петров сделал паузу. — Вот вы строите колхозы, они созданы, но еще не окрепли, воспитываете в людях любовь к коллективному хозяйству. Возьмите армию. Если бы каждое воинское подразделение не составляли люди, любящие военное дело, какая бы это была армия? А что за колхоз, если в нем общее — чужое для всех? Потому на полях осталось и много хлопка. Его теперь не соберут, делянки уже залиты водой, кое-где на них пасется скот. Я это знаю, много раз сам видел.

— То, что вы говорите, Иван Ефимович, так и есть, — заметил Атабаев и подумал: «За каждым нерадивым контролера не поставишь, их больше...»

— Да, отношение к обобществленному хозяйству как к своему собственному и есть одна из основ социализма. Без этого социализм не построить. Вам приходится работать с забитым, фанатически религиозным дехканином, который думал только о себе. Всю жизнь дед его, отец и он сам подбирал коровью бляшку, палку, гвоздь и нес к себе в дом. А теперь вдруг это надо нести на общий двор, и понять это ему не просто. Надо не только объяснить. Надо воспитывать качества нового, советского человека. Вот в чем главная проблема дня у нас, коммунистов. И еще, раз уж мы затронули эту тему, хочу сказать, дорогой товарищ Атабаев, о том, что все богатство общества заключается в его труде. Дехканин умеет трудиться, но чтобы его труд сегодня стал продуктивным, ему нужны знания и чтобы никто не лишал его труд благородства. Не надо бояться этого слова. И не надо лишать труд привлекательности, красоты, превращать его в тягость.

— Да, я знаю массу случаев, когда в председатели колхозов попадали случайные люди. Эти прохвосты спесивы, требовали поклонения, отвращали людей от колхозов, превращали дехкан из наших друзей чуть ли не во врагов.

— Вы слышали, был в восемнадцатом веке английский поэт Александр Поп? — Атабаев отрицательно покачал головой. — Ему принадлежало утверждение, что в каждом человеке ровно столько тщеславия, сколько ему недостает ума. А Вольтер считал, что важность у человека является лишь маской посредственности. А мы само это понятие обязаны искоренить из нашего бытия. Сейчас в республике уже складывается аппарат из молодых на-

ционалов. Знания они получили, но опыта маловато. Дело страдает. И мы, старшие, должны тактично их направлять. Тут окриком не поможешь. Вы уж извините за прямоту, но так полагаю, между нами дружба?

Когда они спохватились, то чай, поданный Евгенией Яковлевной, давно остыл, было уже очень поздно, и хозяин дома оставил Ивана Ефимовича ночевать.

17

Атабаеву казалось, что энтузиазм, с которым они защищали и строили Советскую власть в двадцатые годы, сдавал свои позиции, на смену приходили рационализм, неведомо откуда взявшаяся неторопливость, пристрастие к «взвешиванию», «изучению»... Об этом он толковал с Паскуцким, когда наезжал в Ташкент. Николай Антонович возглавлял там Средазэкономсовет. В Туркмении все же дела могли идти лучше. Много времени и сил уходило на борьбу с упущениями. Беспокойство вносила и группа молодых ответственных руководителей республики, с появлением которых почему-то возникла проблема о «новых» и «старых» кадрах. Молодые имели преимущества перед старыми в знаниях, но Атабаева, который всегда был за молодых, настораживали их нетерпение, стремление не столько сделать, сколько отлапортовать. Эти энергичные руководители в своих действиях опирались на силу приказа, допускали окрик, не утруждали себя кропотливой работой с массами.

Атабаев же оставался верен себе, он постоянно бывал среди людей, ездил на места, стремился оказывать помощь словом и делом. Возвратясь из Небит-Дага, летел на Кара-Богаз-Гол, оттуда в Ташауз. В апреле был в Чарджуе, а в мае ездил в Ташкент, на заседание Средазбюро, где решались важные для республики проблемы...

Вокруг на всем обозримом пространстве плавали, летали, сидели птицы. Их было не стаи, а тучи — гуси, утки, лебеди. Розовых изящных фламинго можно было разглядывать невооруженным глазом. Краснозобые казарки до полпуда весом, величавые, строгие, редкие в природе птицы, расхаживали по берегу, подпуская к себе человека на расстояние брошенной палки. Стоявший рядом руководитель местного предприятия «Карабогазсульфат» Рубинштейн говорил:

— Запасы одного только сульфата на сегодня исчис-

ляются в 10 миллиардов тонн. В этой гигантской чаше запасы сульфата растут ежегодно в десятки миллионов тонн. Только пользуйся! — Рубинштейн почувствовал, что Атабаев не очень внимательно слушает и, догадавшись о чем тот думает, продолжил: — Был я, Константин Сергеевич, и в Гасан-Кули. Вот где живой орнитологический музей! Там несметное количество ценнейших пород охотничьих птиц. Зимуют и остаются на круглый год.

Атабаев извлек из кармана блокнот и сделал пометку: «Обязательно решить вопрос о Гасан-Кули, орнитологическом заповеднике!»

— Вы, Яков Абрамович, хорошую мысль подаете. Она, правда, не новая, но топчемся на месте...

— О создании самостоятельного треста «Карабогазхим»? — Рубинштейн даже улыбнулся.

— И о закладке государственного заповедника в Гасан-Кули. Яков Абрамович, по «Карабогазсульфату» есть представитель из Москвы. Надо вместе с ним решать дела.

— Константин Сергеевич, у меня сложилось впечатление, что он сомневается в будущем Кара-Богаз-Гола.

Атабаев подумал: «А Ленин не сомневался. Сразу после революции заговорил о необходимости использования этих солей. И делом его рук была экспедиция двадцать первого года».

— Это единственное место на всем земном шаре, где в естественных условиях происходит кристаллизация самых разнообразных солевых минералов. Они так необходимы нашей индустрии! Причем кристаллизация происходит в огромных промышленных количествах.

Атабаев слушал Рубинштейна и размышлял: «Маловеры подогревают себя тем, что медленно здесь разворачивается дело. Огромные средства выделяются и помощь оказывается, а мы плохо осваиваем. Мало сил и знаний. Да и перестраховщики и бюрократы мешают. Вот оно как выходит! Буду в Москве, у Куйбышева надо заручиться поддержкой. Он поймет, что правильнее будет передать «Карабогазсульфат» нам».

— Мангышлакский полуостров был раньше одним из самых населенных районов Закаспийской области, — продолжал Рубинштейн. — А сейчас? Культурный, бытовой и хозяйственный уровень жизни казахов снижается. Товарищ Атабаев, они покидают Мангышлак. Уходят в Махачкалу, Красноводск, Теджен и даже в

Байрам-Али, а то и в Иран и Афганистан. Надо приостановить уход. Это же необходимая рабочая сила для «Карабогазхима». А мангышлакский уголь? Если начать его разработку, получим дешевую энергию для всего Кара-Богаз-Гола. Сколько я писал об этом в газеты! Не решаются печатать мои статьи. Посылают их к ученым, и круг замыкается.

— Яков Абрамович, я попрошу вас до моего отъезда составить докладную записку, изложите в ней ваши взгляды на ближайшие перспективы Кара-Богаз-Гола. Ведь в Москве этим серьезно занимаются.

— Спасибо за поддержку, Константин Сергеевич, сделаю.— Рубинштейн обвел видимое пространство: «Вот она, сказка. И мы сделаем ее былью!»

Атабаев вновь извлек свой блокнот и записал: «1. Вызвать московского представителя «Карабогазсульфата» для информации правительства ТССР о состоянии работы по добыче и перспективах — постройка комбината. 2. Телеграфно запросить ВСНХ Союза дать распоряжение правлению треста «Карабогазсульфат» о командировании своего представителя в Туркменпостпредство при правительстве Союза для информации и увязки организационных работ по эксплуатации сульфата, поскольку добыча находится на территории Туркмении. 3. Снабдить представительство необходимыми материалами. 4. Проработать наши конкретные соображения и в порядке обсуждения поместить их в союзной печати».

18

Все лето и осень 1932 года Атабаев был в разъездах: в Москве, Керках, Ташкенте. В последний месяц года он побывал в Казанджике, Красноводске и снова в Небит-Даге.

Из поездки в Ташауз родилась записка на восемь страниц в адрес Средазбюро. В ней говорилось, что за последний год внимание к Ташаузу в значительной мере ослабло. А там в связи с наступлением на родовые и феодальные отношения басмачи продолжали терроризировать местное население. В записке Атабаев предлагал рассмотреть ряд мер: «...2. Необходимо в особом порядке разрешить вопросы борьбы с басмачеством, связав их с организацией легальных отрядов самоохранны из

среды самого населения, увязав это дело с дислокацией воинских частей и особых отрядов милиции. 3. Добровольная милиция в песках имеет назначение захватить тыл басмаческих шаек, куда они обычно скрываются с награбленным имуществом, и тем самым парализовать их действия.

...Отсутствие власти в северных Каракумах вынуждает скотоводов ограничить район пастбищ, пасти скот в «культурной полосе», что лишает возможности углубиться в степь для использования широких угодий внутри Каракумов... Мы не реагируем на нужды и потребности скотоводческого хозяйства только потому, что этот вопрос на нас не капает. Поэтому кочевое, скотоводческое население оторвано от нас и до сего времени продолжает находиться в изолированном состоянии. 4. В борьбе с басмачеством необходимо обратить особое внимание на приспособление существующих воинских частей для проведения операций в песках. 5. Тов. Карпов, ответственный секретарь ЦИКа, недавно в своей статье в «Туркменской искре» доказывал, что басмачество можно изжить только хозяйственными мероприятиями. Эта истина, набившая оскомину всем, до сих пор остается на бумаге... Нужно в первую очередь также принять все меры к тому, чтобы облегчить натуральную повинность, избавить местное население от тяжелых ирригационных тягот. В этом отношении нам следует использовать землечерпалки из Чарджуя... Для того чтобы изучить современный опыт и технику, нужно командировать за границу специальное лицо, знакомое с условиями орошения в Ташаузе... Из всех лиц, которых знаю лично, наиболее подходящим считаю тов. Линдорфа, владеющего иностранными языками и работающего в Хорезме. 9. Нужно пересмотреть цены на хлопок и хлеб. Заготовка хлеба, вероятно, закончилась, тем не менее его не мешает завезти сюда для удовлетворения местных нужд, тем более что узбекская часть населения Хорезма питается за счет Ташауза... 10. Нужно усилить ассигнования по фонду бедности и освободить ее от кабалы вождей-феодалов... 12. Для изучения и установки правильной линии в проведении всех указанных мероприятий необходимо пребывание в Ташаузе на длительный срок наиболее ответственных работников центра. Было бы целесообразно пребывание в порядке очередности всех ответственных руководителей Туркмении».

Будучи в декабре в Небит-Даге, Атабаев узнал от

Соколянского, что программа строительства 1933 года может оказаться под угрозой срыва. Москва выделяла фонды и на оборудование, однако «Туркменнефть» не успевала их освоить. Пуск 12-й и 13-й буровых задерживался больше чем на полгода. Из-за нехватки транспорта, жилья, плохого снабжения рабочие из других районов Союза не ехали в Туркмению. Дело стопо-рилось.

На заседаниях Средазбюро, которое возглавлял в те дни образованный, тактичный, политически грамотный товарищ, латышский коммунист К. Я. Бауман, Атабаеву пришлось основательно краснеть и за хлопок — план 1932 года был не выполнен. О животноводстве и говорить нечего, оно развивалось черепашными шагами. Только один трест «Туркменкаракуль» нес убытки почти на полтора миллиона рублей. Карл Янович в своем выступлении сослался на пример узбекских коммунистов, которые быстрее и активнее перестраивались и планы свои выполняли.

...Сорвалось дело, в которое вложил столько энергии. В пески ушло несколько десятков семей рабочих. В свое время семьи разгромленных басмачей согласились переехать на жительство в Ашхабад. Им предоставили огромный пустырь рядом с шелкомотальной фабрикой, помогли создать аул: установили кибитки, соорудили тандыры¹, кошары для скота. Верховодил семьями, в основном состоящими из женщин и детей, глубокий старец. Женщины пошли работать на шелкомотальную фабрику, но не выдержали шума станков, свиста пара, трудного производственного ритма. В одну ночь все имущество было погружено на верблюдов и аул скрылся в песках. На поиски было направлено местное население, к ним подключили воинскую часть, но следов аула не обнаружили...

Перед Новым годом у Атабаева произошло прибавление семейства, родилась дочь, которую называли Лейли. Это принесло радость, в чем Атабаев сейчас особенно нуждался в связи с неприятной битвой, которую он вел с представителями Союзсеры. Драка шла за техническое оснащение Гаурдакского серного месторождения и налаживание работ по его эксплуатации. А впереди была поездка в Москву — затягивалось строительство железнодорожной ветки Чарджуй — Ташауз — Александров-

---

¹ Печь для выпечки лепешек.

Гай, надо было зайти и в Наркомтяжпром, там явно тормозили строительство в Безмеине цементного завода. А транспортировка цемента из Новороссийска влетала республике в копейчку.

Приятным подарком к Новому году было письмо В. Р. Козина, автора книги «Солнце Лебаба», который прислал теперь Атабаеву несколько экземпляров своей новой книги «Цветок пустыни». В письме он отмечал: «Вы большой и чуткий знаток своей страны. Всякое ваше замечание и указание, ваш отзыв о моей книге будет принят мною с особенным вниманием и признательностью».

Дверь кабинета первого секретаря открылась от резкого рывка. Я. А. Попок вел заседание бюро. Вошел Атабаев, прихрамывая на правую ногу, прошел к своему обычному месту. Наступила тишина.

— Надеюсь, меня не вывели еще из состава бюро? — спросил он, раскрывая перед собой папку с бумагами. Одет он был необычно: старый френч поверх свитера, галифе и сапоги, забрызганные засохшей грязью. Лицо осунувшееся, серое и небритое. — Или успели?

Все молчали. А дело было в том, что три дня назад, в субботу, Атабаев выехал на охоту на автомашине вдвоем с шофером к Серахасу, в сторону границы. На следующий день вечером, уже на обратном пути, машина угодила в канаву, сорвало мотор, сломало ось. Атабаев вылетел из кузова и, падая, сильно зашиб колено. Весь понедельник они старались своими силами исправить машину, поставить ее на колеса. Убедившись, что дело это бессмысленное, во вторник они пешком направились в сторону Душака, куда и добрались с огромным трудом к позднему вечеру. Как на грех, на всем пути они никого не встретили. В Ашхабад прибыли с первым попутным поездом только утром. Атабаев, зная, что в среду заседание бюро ЦК, прямо с вокзала заехал в СНК за бумагами и там узнал, что по Ашхабаду пущен слух о том, что Атабаев ушел через границу в Персию.

— Ну так как? — снова спросил Атабаев.

— Ты нездоров, Константин Сергеевич? Что случилось? — озадаченно спросил Яков Абрамович.

— Так ты что, Яков Абрамович, действительно ничего не знаешь? — успокаиваясь, спросил Атабаев и тут же сам ответил: — Толкуют, что я бежал в Персию.

От внимания Попка не ускользнуло то, как некоторые из присутствующих уткнулись в свои папки.

— Ага! Теперь ясно. Ну, тогда давай рассказывай,— с улыбкой произнес Попок.

— Еще не все здесь сделал! — уже без улыбки произнес Атабаев. — Меня беспокоит манера некоторых товарищей, не располагая фактами, возводить напраслину.

При этом заявлении Анна Мухамедов, Атамышев, Юнусов заерзали на своих местах.

— Ты сгущаешь краски,— миролюбиво заметил Попок, хотя в душе был возмущен тем, что только что узнал.

— Ты лучше, Қайғысыз Сердарович, объясни, почему,— начал Атамышев,— вопрос серьезный,— по ряду пунктов пятилетнего плана, по коврам даже, невыполнение в прошлом году и сейчас отставание.

— И вопрос ликвидации параллелизма в хозяйственном руководстве, прекращения излишней опеки над низовыми коллективами. Это тоже нас интересует,— вставил Юнусов.

— Эх, друзья! Напрасно полагаете, что можно по-настоящему руководить, сидя в своем кабинете. А вас, товарищи Атамышев и Юнусов, в районах мало знают. В других республиках и областях Союза можно прекратить опеку. У нас пока без нее не обойтись. Только она должна быть не мелочной опекой, а в прямом смысле слова деловой помощью. Конечно, она должна быть дружеской, деловой и без окриков.

— Ну хорошо, Константин Сергеевич, с этим ясно. — Попок поднялся с кресла. — Мы тут говорили о механизации. Ты председатель посевной тройки. С тракторами плохи дела. Быстро ломаются и долго ремонтируются. Но прежде, Константин Сергеевич, ответь на жалобу уполномоченного Союзазоткожи. Под угрозой срыва снабжение кожевенных заводов Вятки, Самарканда и Клинцов. Почему сырье, которое следует сдавать, перерабатывается местными кустарями?

— Да потому, что пора ломать нашу психологию, что у России и других республик надо только брать. А давать? Пусть это делают другие? А с тракторами, что ж, плохо с тракторами. Мало механизаторов, а туркмены слабо его осваивают, языка русского не знают.

— Ты, воспользовавшись своим авторитетом, рекомендовал Бяшима постоянным представителем в Москве, а он не тянет,— не желал сдавать своих позиций Атамышев. — Так что мы принимаем решение о снятии Кульбешерова с работы.

Атабаев предвидел это. Неделю назад он послал телеграмму Бяшиму: «Москва, Кремль, отдел кадров, Кульбешерову. Радужного приема не жди, но, если приедешь, думаю, ЦК даст тебе работу. С товарищеским приветом».

— И мало что делается вами, чтобы в этом году закончить ликвидацию неграмотности в республике,— произнес кто-то за его спиной, Атабаев не узнал голоса и даже не повернулся.

— Это голословное заявление. К началу учебного года мы уже доложим предварительные результаты. Они всех нас порадуют.— Атабаев обрел полное спокойствие. Ему пытались доставить неприятность, насолить мелкими упреками, и он знал их изначальную причину. Для некоторых его активность, бескомпромиссность, открытость в работе, личное бескорыстие были как бельмо в глазу — вот в чем дело! — Эх вы, друзья, вашей профессией становится умение говорить. Я вот в воскресенье был в ауле. Живут там, как в старые времена. Больно смотреть! А вы здесь все с иголки одеты, в галстуках, обшиты в закрытом ателье...

— Давай ближе к делу, Константин Сергеевич,— предложил Попок.— Надо решать вопросы!

19

В мире происходили тревожные события. Япония развязала военные действия против Китая при обязательстве Англии и Франции не препятствовать осуществлению японских планов в Манчжурии. В Риме Муссолини обсуждал план организации союза четырех великих держав. В Германии к власти пришел Адольф Гитлер, лидер национал-социалистской партии.

Это был тревожный факт, Атабаев помнил, как оценил приход Гитлера к власти комдив Петров: «Константин Сергеевич, надо начинать готовиться к войне. Не пройдет и двух пятилеток, как гитлеровская Германия развяжет войну с нами. Другому не бывать».

13-я скважина выбросила нефть. Фонтан был мощный, он превосходил известные Лакбатанский и старый Балахановский в Азербайджане.

Попок и Атабаев отправили телеграмму на имя Сталина, Молотова, Орджоникидзе и Андреева: «Фонтан... забивший 31 января, продолжает выбрасывать 7 тире

8 тысяч тонн нефти сутки тчк качество нефти насыщенное бензином исключительно хорошее тчк амбары наполнены 60 тысяч тоннами нефти тчк вывоз затрудняется состоянием ветки не приспособленной пропуску большегрузных паровозов цистерн тчк закрыть фонтан не удастся тчк целях обеспечения вывоза нефти считаем необходимым...» и далее сообщались мероприятия, которые следовало осуществить. Почти незамедлительно последовал ответ от Молотова и Орджоникидзе: «Через 2 дня выезжает комиссия во главе с Губкиным тчк Баку дано распоряжение оказание всемерной помощи вам».

Комиссия, побывав на месте не один день, определила: «В недрах Небид-Дага имеются большие запасы нефти».

Налаживалось дело с выведением чистых каракульских овец и расширением их поголовья. Быстро акклиматизировалась гваюла, была серьезная надежда, что со временем она сможет заменить каучук, который страна приобретала за границей на золото. Заработал Кара-Богазский химический комбинат, и город административно был выделен в особый район. На пустынном берегу залива трудом советских людей, строивших свое счастливое будущее, был воздвигнут город с асфальтовыми улицами, кинотеатрами, клубами, библиотеками.

Уже год как в Ашхабаде молодежь Туркмении успешно обучалась в медицинском институте, готовился к открытию и Туркменский сельскохозяйственный институт. В Ашхабаде провела набор первая школа летчиков-планеристов. Повсюду открывались районные школы и больницы. На высоком подъеме прошел I Всетуркменский съезд колхозников-ударников.

СНК добился специального решения Наркомздрава Союза, с выделением особых средств, на создание в Туркмении сети тропических и малярийных станций для борьбы с малярией и пендинской язвой. Продвинулся в Санитарном управлении Кремля вопрос о начале строительства общесоюзного почечного санатория в Байрам-Али. На Челекене начала работу установка по выработке йода. А в будущем Челекен станет производить одну четвертую часть йода, потребляемого в СССР. Был утвержден план строительства нового механизированного стекольного завода в Ашхабаде.

В Туркмению приехал академик Ферсман. Он собирался поехать в Гаурдак. Это означало уже половину успеха. А. Е. Ферсман, как и затем Н. И. Вавилов, помо-

гли Атабаеву совершенно по-новому взглянуть на суть и значение производительных сил Туркмении.

Бюро содействия развитию туркменской культуры в Москве готовило издание семитомника «История Туркменистана» и первого тома «Флоры Туркмении». Положительно решился вопрос о строительстве бумажного комбината в Чарджуе.

Еще в мае в Каракумах, у колодца Дурмет, 2-й Хорезмский полк под командованием Классовского провел бой с басмачами. Банды Ахмет-бека, Дурды Мурта и Дады-бая были окончательно разгромлены, сами курбаши убиты. Это, по сути дела, было завершением вооруженной борьбы с басмаческим движением в Туркмении. Правда, в октябре на территорию ТССР прорвался Утанбек. Но он был встречен враждебно всем населением и еле унес ноги. Стало известно, что он во всеуслышание заявил главе туркменской эмиграции Ишан Халифе, что больше никогда не переступит советской границы...

К Ноябрьским праздникам национальный театр подготовил на туркменском языке постановки «Мятеж» Фурманова, «Разбойники» Шиллера и «Слуга двух господ» Гольдони.

В начале нового, 1934 года в Ашхабаде состоялся 6-й съезд Компартии Туркменистана. Его открыл Чары Великов, а Яков Попок выступил с отчетным докладом ЦК.

В докладе немало места было отведено оценке работы республиканских органов, СНК. В докладе Попка прозвучали такие слова: «Единственный человек, который знает о субтропических культурах,— это товарищ Атабаев, Председатель СНК. Он возится с этим делом, формировал его, и кое-что уже удалось воплотить в жизнь. Академик Вавилов с большим жаром говорил нам об огромных возможностях Туркмении в этой области. Но пока единственный агитатор у нас — это товарищ Атабаев. От него только и слышишь: лимон, апельсин! Надо, чтобы каждый секретарь парторганизаций был таким агитатором своего дела».

Говоря о кадрах, Яков Абрамович заявил: «Мы все — Попок, Чары Великов, Атабаев, Айтаков — совершали ошибки, но они случайные, и не надо сразу резать, отсекаать. Надо прекратить разговоры о новых и старых кадрах. Доверять тем, кто проявляет добрую волю, желание проводить генеральную линию партии. Если люди из социально чуждых слоев своей работой доказывали

преданность партии, было бы преступлением гнать таких товарищей». Иллюстрацией этого положения была защита руководящим партийным ядром образованного и честного коммуниста Курбана Сахатова, которого ряд делегатов из-за его происхождения (он был из семьи крупного торговца) не хотели выдвигать в состав ЦК. Попок заявил: «Да, Курбан Сахатов из буржуазной семьи, но он хороший, проверенный коммунист».

Атабаев на съезде выступил с докладом «О колхозном строительстве». Главная мысль доклада заключалась в единении, изживании перегибов, налаживании грамотной организации сельского труда и выполнении всех требований агротехники. Доклад был насыщен конкретными примерами, вскрывал недостатки, объяснял их причины, изобиловал именами колхозников, партийных и советских работников, добивавшихся решительного успеха.

На съезде Атабаева избрали членом ЦК, в числе пятнадцати членов и семи кандидатов он также вошел в состав бюро ЦК.

Атабаев был также избран делегатом на 17-й съезд ВКП(б).

Ночью шел дождь вперемешку со снегом. К прибытию «Красной стрелы» снег растаял, но было сыро и зябко, особенно это было чувствительно людям, привыкшим к южному теплу.

На перроне Московского вокзала, празднично украшенном флагами и транспарантами, толпились люди, был выстроен почетный караул. Атабаев с Айтаковым стояли уже в тамбуре. Недирбай Айтакович ежился, ежесекундно поправлял свою кепку. Полы распахнутого касторового пальто Атабаева, приобретенного в Москве, открывали темный пиджак, темную сорочку и галстук. Атабаев был радостно возбужден. Вагон остановился, и Атабаев жестом предложил Айтакову выйти первым. Среди встречавших были Г. М. Кржижановский, В. Л. Комаров, И. М. Губкин, А. Е. Ферсман, Н. И. Вавилов, А. Н. Самойлович.

Подбежали красивая туркменская девушка Ниязгуль Кулиева и юноша Ата Юзбашев — представители московского и ленинградского студенческих землячеств. Ниязгуль преподнесла Атабаеву букет огромных белых хризантем.

— Константин Сергеевич, прежде всего примите извинения Александра Петровича. Он занемог, но ждет вас с товарищем Айтаковым в середине дня на обед,— заговорил Кржижановский, тепло пожимая руку Атабаева.

— Глеб Максимилианович, мы пока еще не заслужили такого внимания,— Атабаев знал, что президенту Академии наук СССР Карпинскому было далеко за семьдесят лет.— Но мы обязательно будем!

Начальник почетного караула отдал рапорт, гостей тепло приветствовали руководители Ленинградского Совета депутатов трудящихся, работники предприятий, моряки Кронштадта.

На следующий день состоялось торжественное открытие I Конференции по изучению производительных сил Туркменской ССР, в ней приняли участие лучшие силы советской науки и представительная делегация Туркменистана.

За столом президиума сидели Г. М. Кржижановский, Н. И. Вавилов, И. М. Губкин, А. Е. Ферсман, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского комитета партии С. М. Киров, руководители Ленинградского облисполкома, председатели Средазбюро К. Я. Бауман и Средазэко Н. А. Паскуцкий, Айтаков и К. Атабаев.

После торжественного открытия конференции слово предоставили Председателю Совнаркома Туркмении. С чувством человека, «голова которого касается неба», Атабаев сделал доклад «Социалистическая Туркмения», отразивший, как в зеркале, невиданный скачок в развитии республики в составе Советского Союза.

В докладе прозвучали и такие слова:

«Однако, товарищи, нам еще до конца неизвестно, чем мы располагаем, мы не знаем точно, какими путями и какими темпами будем двигаться дальше. Поэтому в организации хозяйства нет твердо осознанной линии и стройной линии и стройной системы в практическом ее осуществлении... Я вообще думаю... что нет ни одной области работы, где бы мы не были связаны с Академией наук Советского Союза. Академия наук является генеральным штабом по изучению производительных сил страны. В этой обстановке настоящая конференция Академии наук по изучению производительных сил Туркмении является несомненно историческим этапом в овладении нами достижений науки и техники, с тем чтобы быстрее и успешнее двигаться вперед к созданию коммунистического общества».

Не меньший интерес у участников конференции вызвало выступление председателя Госплана ТССР Волынского, доложившего о размещении производительных сил молодой национальной республики. Доклады и сообщения советских ученых, которые последовали затем, могли бы сделать честь академии любой мировой державы.

Сам факт устройства подобной конференции и ее результаты явились свидетельством неодолимой мощи ленинских идей солидарности и содружества трудящихся различных национальностей.

Члены делегации встречались с людьми, посещали заводы и предприятия, ходили по улицам, бывали в театрах, музеях Ленинграда.

Атабаев чувствовал себя именинником. Республика взяла такой старт, и в этом есть вклад Валериана Куйбышева, Михаила Фрунзе, Пантелеймона Лепешинского, Виктора Ногина, Сергея Гусева и паренька-чолука Мерета из Тедженского аула и его друга Мухаммедкули Атабаева.

На закрытии конференции выступил вице-президент Академии наук академик В. Л. Комаров.

— Дорогие товарищи, друзья! Хочу отметить бесконечную важность того дела, которое сегодня собрало нас в этом зале. Это — будущее Туркмении! Великая туркменская земля! Но мы еще пока ее плохо знаем. Необъятна она и насыщена сиянием солнца. Солнце золотит гребни ее песчаных барханов, скользит по склонам гор, хребтов, согревает воду ее великих рек. Солнце вливает свою энергию в урожаи хлопка, люцерны и пшеницы, в бахчевые и садовые культуры. Первый сбор винограда в Туркмении готов в начале июня, а последний — в конце ноября, и только три месяца приходится на небольшой перерыв в сельском хозяйстве, причем зимним можно назвать чуть ли не один январь. Много тепла в Туркмении и тем более в ее людях. Это мы все, здесь собравшиеся, ощущали в дни работы нашей конференции. Излучали энергию и исчерпывающие доклады о достижении республики и ее запросы. Конференция прошла, начиная с первого доклада Председателя СНК товарища Константина Сергеевича Атабаева и до заключительных ее слов, с редким подъемом. Она установила деловую связь между Академией наук и Туркменской ССР. Первая получила от конференции важные для нее научные материалы, вторая — ряд консультаций по важней-

шим очередным вопросам своего строительства. Будем же надеяться, что связь эта окрепнет и из мимолетной превратится в постоянную!

Горячие аплодисменты не мешали Атабаеву продумать свое ответное выступление. Почему-то вспомнил венгерского ученого Арминия Вамбери, который, чтобы проникнуть в Туркмению в середине прошлого века, должен был замаскироваться под дервиша. Он писал потом, что увидел там лишь безграничные горизонты пустыни, почти лишенной населения, с редкими развалинами древних городов.

И тут же вслед за конференцией Туркменская комиссия разработала план научных исследований республики на 1934 год. Широкая программа предусматривала изыскания по изучению водных ресурсов, более активной разработки Кара-Богаз-Гола, лучшего использования химического сырья, освоения пустынь, проведения разведки новых полезных ископаемых и т. д. За год в составе научных экспедиций в Туркмении побывало около пятисот научных и инженерно-технических работников Москвы, Ленинграда и союзных республик.

Человек исключительной энергии, политического чутья, высокой интуиции, больших знаний, Атабаев конечно же не думал о том, что своим участием, своей ролью в проведении глубоких научных исследований Туркмении вносил неоценимый вклад в дело развития своего родного края. На всех его делах, во всех областях жизни был виден след его прямого участия.

В том же году в Коммунистической партии Туркмении проходила очередная чистка ее рядов, очередной смотр идейной вооруженности партии. Ее проводил по поручению ЦК ВКП(б) хорошо известный здесь Петерс. Он в своем докладе с трибуны Средазбюро в Ташкенте заявил:

— Не научитесь, товарищи, работать, если не будете смело выдвигать новых людей. Здесь сидят товарищи Атабаев и Рахимбаев. Вспомните, как мы дрались за то, чтобы заставить товарища Атабаева стать Председателем СНК в 1920 году. Он говорил: «Не умею, никогда не был Председателем СНК», а мы говорили: «Мы вообще никогда не управляли одной шестой частью земного шара». Многие толкуют, что нет людей. Челуха! Надо искать и смелее заменять нерадивых, лентяев. Но надо также помнить, что неграмотный человек не может быть в авангарде борьбы рабочего класса за социализм. По-

глядите вы теперь на товарища Атабаева. Он пример того, как следует поступать!

Атабаев любил в свободные минуты заниматься садом. Таких минут в его жизни было очень мало. И даже на охоте он постоянно думал о работе, о том, как сделать, чтобы цвела его любимая туркменская земля... Константин Сергеевич укрывал опилками кусты роз в садике перед домом. Кольнуло сердце, судорожно захотелось глотнуть воздуха. Почему-то вспомнились слова доктора Слонима — сердце болит не оттого, что ты перетрудился или много испытал, а из-за переживаний, которые связаны со страхом, тревогой.

Он поднялся на веранду, прошел через нее в кабинет. Там на письменном столе лежала его заветная записная книжка. Он аккуратно отвинтил колпачок вечного пера — подарок Сергея Мироновича Кирова — и записал: «Как иглой не срубить капусты, а подолом не прикрыть солнца, так теперь уже никому не затмить счастливого будущего моего народа».

Так думал, так ощущал необходимость развития истории верный ленинец, туркмен Кайгысыз Атабаев и тут же спешил запечатлеть на бумаге свои мысли. О тревожных мыслях он молчал, а оснований к тревожностям было немало. Он видел, как ряд деятелей партии, особенно в Москве и Ташкенте, по непонятным причинам отлучали от активной работы, росли чрезмерное восхваление одних и незаслуженное предание забвению других, как креп бюрократический аппарат, вводилось голое администрирование сверху. Это мешало, но он был дисциплинирован.

В Москве, всякий раз как он туда приезжал, беседы его с Николаем Антоновичем Паскуцким, в ту пору заместителем наркома земледелия СССР, непременно затягивались до позднего часа. Они не были идиллическими, воспоминания о былом занимали в них место постольку поскольку. В беседах звучала тревога за судьбы партии и государства, возникали вопросы, на которые не находилось четких и ясных ответов. Вместе с тем в долгих ночных разговорах не допускалось и мысли о том, что честолюбие одного человека может стать выше интересов ленинской партии. В то же время мало-помалу давним соратникам борьбы за Советскую власть в Туркестане становились известными факты, которые уже совершенно недвусмысленно говорили о том, что диктатура

пролетариата, коллективный разум партии, завещанный Лениным, подменялись диктатурой одной личности.

И все же у себя дома, в Туркмении, Кайгысыз Атабаев неизменно и решительно пресекал попытки коллег по работе и друзей по партии высказывать сомнения, проявлять обеспокоенность обстановкой, раздувать атмосферу подозрительности, которая складывалась в государстве и в партии и вызывала недоумение у многих.

Сам Атабаев, по натуре открытый и прямой, с болью в сердце подавлял порывы души и требовал от подчиненных и сотоварищей по работе одного: еще больших усилий, еще большей отдачи. Конечно, все это было большой помехой в работе, порой создавало преграды, конкретно его вынуждало осторожничать, принимать половинчатые решения, оглядываться. Явное раздражение вызывало сознание того, что нашлись люди, у которых мало, а то и почти вовсе не было никаких прежних заслуг, да и необходимых знаний и качеств тоже, но их голоса звучали все громче, иной раз полные откровенной демагогии.

Когда же Атабаев стал свидетелем первых арестов верных товарищей по партии и соратников по строительству социализма в Туркмении, он долго не мешкая принимает решение ехать в Москву, с тем чтобы там доложить лично о беззакониях Сталину, который, как полагал Атабаев, не знал ничего о ликвидации лучших сынов Туркмении.

Это решение Атабаева совпало с вызовом его в Москву, и нарком внутренних дел республики Зверев, который исполнял инструкции и указания своего высшего начальства, не вникая в их смысл, торопил Атабаева и, провожая его на вокзал, высказал уверенность в том, что Атабаев, как только окажется в Москве, все сразу прояснит и будет положен конец потоку приказаний об арестах известных, безупречных в своей деятельности коммунистов.

В Москве, однако, Сталин не принял Председателя СНК СССР, не принял его и Молотов, а Каганович, хорошо знавший Атабаева по совместной работе в Ташкенте, не отказал во встрече, но у себя дома стал убеждать его в том, что нет никаких оснований для волнений и беспокойства, что «все делается, как положено».

— Обвинения в предательстве людей, с которыми мы четверть века ели соль из одной солонки, которые про-

ливали кровь за Советскую власть и сейчас не жалеют сил, чтобы она процветала, это что? Это «делается, как положено»?

— Ну, если не веришь, поезжай сам к Ежову. Он тебе объяснит.

В тот же час 11 июня 1937 года Атабаев вошел в подъезд на площади Дзержинского, вошел... и больше не вышел.

Все предъявленные ему обвинения он стойко и напрочь отвергал. Никого не оговорил. Он не поставил своей подписи ни под одним протоколом...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Становление	3
Часть II. Возмужание	71
Часть III. Зрелость	157

Папоров Ю. Н.

- П17 Жизнь — пламень: Докум. повесть о К. Атабаеве.— М.: Политиздат, 1988.— 254 с.: ил.
ISBN 5—250—00016—9

Книга посвящена верному ленинцу Кайгысызу Сердаровичу Атабаеву, председателю СНК Туркменистана. Обладая волей, энергией, неколебимой верой и личной отвагой, он горячо боролся за счастливое будущее туркменского народа, которое видел в единстве и нерушимой дружбе с русским народом. В тридцатые годы он стал свидетелем арестов верных товарищей по партии и строительству социализма. Он едет в Москву к И. В. Сталину за разъяснениями и... не возвращается. Атабаев погиб, не приняв ни одного ложного обвинения.

Книга адресуется массовому читателю.

Юрий Николаевич Папоров

ЖИЗНЬ — ПЛАМЕНЬ

Документальная повесть о К. Атабаеве

**В книге использованы гравюры *А. И. Кравченко,*
*В. А. Фаворского, А. Д. Гончарова***

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*

Редактор *Э. У. Устенова*

Младший редактор *Л. Г. Еремина*

Художник *А. Л. Чириков*

Художественный редактор *А. Я. Гладышев*

Технический редактор *Г. М. Короткова*

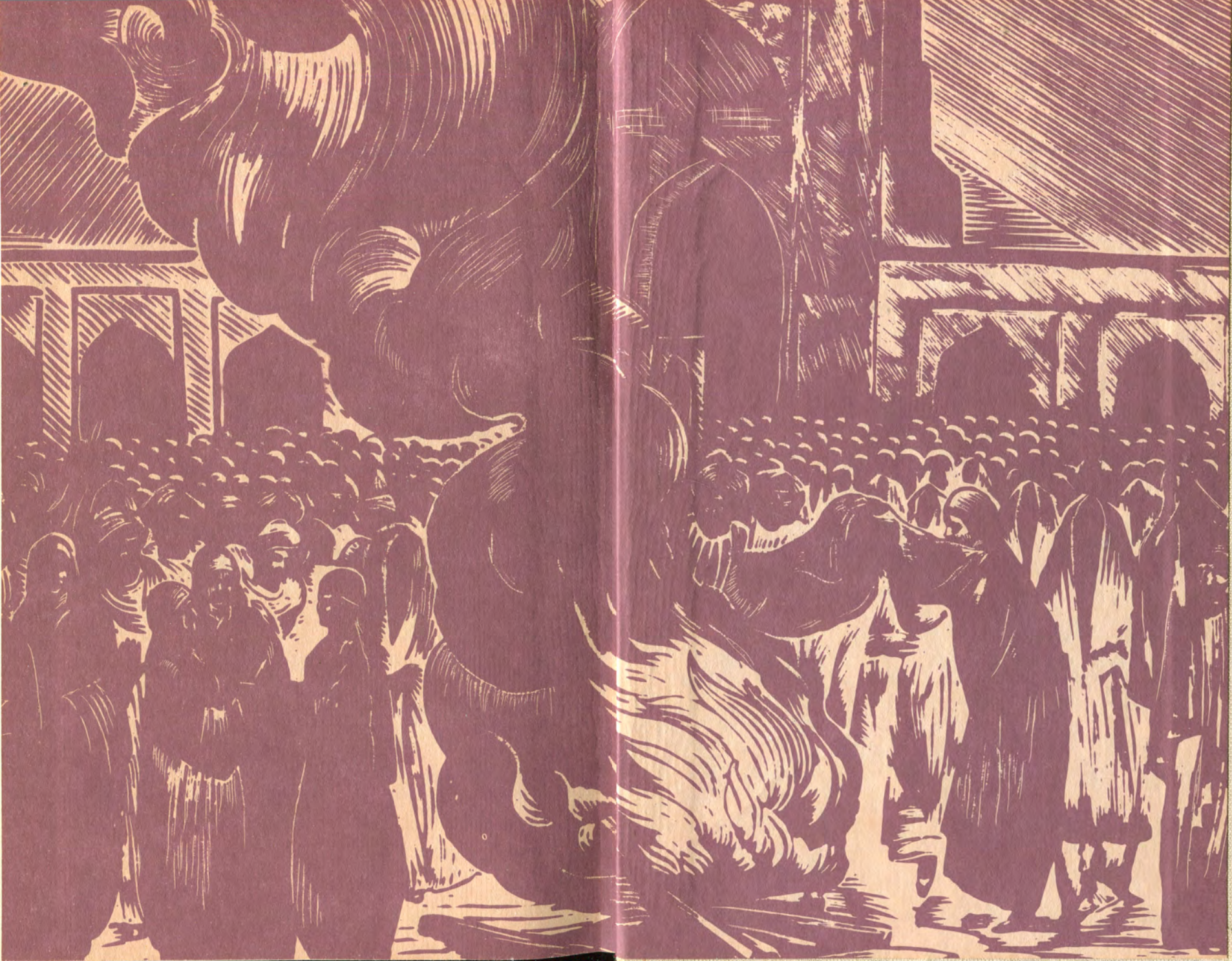
ИБ № 4730

Сдано в набор 01.02.88 Подписано в печать 15.06.88. А10564.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн-журн. офс. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 13,97. Усл. кр.-отт. 14,86. Уч.-пзд. л. 14,37.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 3523. Цена 1 р.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Юрий ПАПОРОВ **ЖИЗНЬ-ПЛАМЕНЬ**